

ЧЭСКДМ
В. ЧОБ

4/813 Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калмыцкий государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Сборник научных трудов

Элиста, 1985

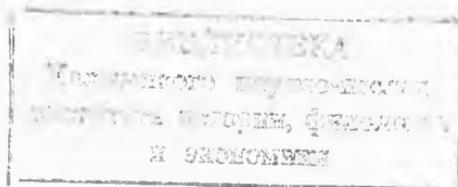
Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калмыцкий государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Сборник научных трудов

- 4/5/3 -
JK

Элиста 1985

Взаимодействие языков и проблемы его изучения: Сб. науч. тр. /Калм. ун-т. — Элиста: КГУ, 1985. — 164 с.

В статьях сборника освещаются актуальные вопросы языкового контактирования на фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Материалом исследования является русский язык в сопоставлении с языками народов СССР, а также английским и немецким языками.

Материалы сборника могут быть использованы научными работниками, преподавателями, студентами и учителями школ.

Редакционная коллегия:

Д-р филол. наук, проф. Л.И. Баранникова —
ответств. редактор (Саратовский ун-т), канд. пед.
наук, доц. Н.У. Бакбушева — зам. ответств. редак-
тора (Калмыцкий ун-т), д-р филол. наук, проф. Л.А.
Введенская (Ростовский ун-т), канд. филол. наук
А.Т. Колганова (Калмыцкий ун-т), канд. филол. наук
В.И. Колодыко (Калмыцкий ун-т)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАЛМЫЦКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Особенность языковых процессов состоит в том, что они составляют важнейшую часть этнических процессов.

В условиях развитого социализма, при бурном расцвете и сближении наций и народностей происходит объективное развитие и взаимное влияние языков народов СССР, изучение которых в социологическом и лингвистическом аспектах имеет огромное значение.

В настоящее время население Калмыцкой АССР представлено: калмыками (122167), русскими (125510), украинцами (3706), белорусами (17363), казахами (67192), даргинцами (8590), татарами (1326), чеченцами (8100), немцами (5509) и др. Всего в республике проживает около девяноста национальностей /1/. Давние и тесные контакты разноязычных этносов на территории Калмыкии привели к возникновению различных типов билингвизма: калмыцко-русского, казахско-русского, татарско-русского, чеченско-русского, аварско-русского, даргинско-русского, корейско-русского, немецко-русского и трилингвизма: калмыцко-казахско-русского, калмыцко-татарско-русского, калмыцко-немецко-русского, калмыцко-украинско-русского, калмыцко-белорусско-русского.

Роль языка межнационального общения в Калмыкии, как и по всему Советскому Союзу, выполняет русский язык, язык республиканской, городской и районной печати, язык радио и телевидения, литературы и искусства, язык высшего и среднего образования. В связи с этим советская школа создает исключительно благоприятные условия для распространения двуязычия в массовых масштабах, так как "она, с одной стороны, закрепляет знание языка своей национальности, а с другой - способствует глубокому изучению второго языка"/2/.

Школы Калмыцкой АССР относятся к типу национальных с русским языком обучения. Учащиеся с первого класса приобщены к русскому языку, изучая его параллельно с родным. Родной язык преподается как предмет. На первую ступень обучения (1-3 классы) отводится в год 385 часов родного языка, на вторую (4-8 классы) - 297 часов, на третью (9-10 классы) - 70 часов.

С учетом градации на ступени обучения и в целях конкретной

проверки известных теоретических положений о национально-русском двуязычии были предприняты лингвосоциологические наблюдения в школах районного поселка Яшкуль Яшкульского района Калмыцкой АССР.

Выборочное анкетирование двух средних школ проводилось по анкете, подготовленной в секторе социолингвистики Института языкознания АН СССР. Элементом информации послужил анкетный бланк, содержащий, кроме паспорттики, 50 вопросов.

Так, в средней школе № I обучается 703 учащихся (325 мальчиков и 378 девочек); в возрасте от 6 до 13 лет - 418, и старше - 285. Национальный состав учащихся разнообразен: русские - 202, калмыки - 473, даргинцы - 9, чеченцы - 32, белорусы - 3, украинцы - 5, татары - 4, кумыки - 2, корейцы - 1, казахи - 2. Всего анкетированием охвачено было 18 классов второй и третьей ступеней обучения (4 - десятых, 3 - девярых, 3 - восьмых, 3 - седьмых, 2 - шестых, 1 - пятый, 1 - четвертый).

Педагогический коллектив школы состоит из 42 преподавателей и 6 воспитателей. Из них 13 русских, 33 калмыка, 1 адыгеец, 1 еврей. Всего в коллективе 10 мужчин и 38 женщин. Возрастной состав преподавательского коллектива различен: от 18 до 25 - 12 человек, от 25 до 30 - 11 человек, от 30 до 40 - 14, свыше 40 - 11 человек. Наблюдения за педагогическим коллективом показали, что двуязычие представлено шире в молодых возрастных группах. Представители старших возрастных групп часто избирают языком общения (дома, на работе) калмыцкий, в то время как в младших возрастных группах чаще пользуются русским языком. В данном коллективе преобладает калмыцко-русское двуязычие.

Аналізу подвергалось 405 анкет. Из общего числа учащихся 93,08% назвали родным языком - калмыцкий язык; 4,44% - язык другой национальности.

На наличие калмыцко-русского двуязычия указали 94,07% родителей и 93,08% учащихся; 3,95% родителей и 4,19% учащихся назвали другой тип национально-русского двуязычия (казахско-русское, кабардинско-русское, даргинско-русское, аварско-русское, украинско-русское и др.); 0,44% родителей владеют тремя языками: русским, казахским, чеченским; русским, казахским, калмыцким. Лишь 1,72% детей межнациональных браков - монолингвы. По материалам анкетирования в этих семьях родной язык и национальность определялась по национальности матери.

были случаи (2), когда родной язык называли по национальности отца (отец - калмык, мать - русская, а родной язык учащегося - калмыцкий).

Аудированием, говорением, чтением и письмом на втором языке 97,03% респондентов владеют свободно, без особых затруднений. При этом 24% учащихся изучали второй язык в семье, школе; 25% - в семье, в школе, в общении с окружающими, самостоятельно; 7,2% - только в семье; 12,3% - только в школе; 2% - самостоятельно; 0,4% - в общении; 19,1% - в семье, в школе, в общении; 2% - в школе, в общении.

Влияние возраста на многообразие форм познания второго языка огромно; чем старше дети, тем больше степень и разнообразнее формы овладения вторым языком. Анализ степени владения вторым (русским) языком показал, что большинство учащихся обладают словарным минимумом, необходимым для конкретной ступени обучения, но аудировать, говорить, читать и писать на русском языке с некоторыми фонетическими, морфологическими и синтаксическими ошибками. Абсолютное знание стилистических норм, а также морфологических и синтаксических встречается у респондентов реже.

Развитие калмыcko-русского двуязычия протекает в настоящее время настолько быстро и интенсивно, что постепенно некоторые функции родного языка начинает выполнять язык межнационального общения. Родной язык выполняет в основном семейно-бытовую функцию, но даже в семейном общении отмечается использование русского языка и двуязычия. Так, 30,18% учащихся III ступени обучения говорят в семье на русском языке; 19,5% - на калмыцком; 50,3% - на обоих; 21,6% учащихся II ступени говорят на русском языке; 15,05% - на калмыцком и 62,28% употребляют оба языка.

На вопрос: "Как часто вы пользуетесь родным языком в семье?" - учащиеся ответили так: 29,2% - часто; 62% - реже; 8,8% - совсем не пользуются родным языком. Употребление родного языка в семье прямо пропорционально возрасту учащихся: чем старше школьник, тем чаще он общается на родном языке. Выбор языка семейного общения влияет и на сферу общественных отношений: чтение литературы, выбор радио- и телепередач, кино, выступление на собраниях, чтение лекций, переписка и т.д. Если ребенок в семье говорит на русском языке, то во всех остальных случаях в анкете стоит - русский язык, если же учащийся в семье

говорит на родном или на обоих языках, то во всех остальных случаях он двуязычен. Образовательный и квалификационный уровень родителей влияет на знание билингвом обоих языков. Так, в семьях интеллигентов русский язык знают лучше и чаще общаются на нем.

Высокий процент билингвов облегчает задачи школьного обучения второму языку и способствует лучшему усвоению русского языка в школьной практике.

Литература

1. Национальный состав и язык народов Калмыцкой АССР. - Элиста, 1980. - 12 с.
2. Губогло М.Н. Двуязычие в советском образе жизни. - В кн.: Опыт этносоциологического образа жизни. М., 1980, с. 175.

Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики

З.С. Санджи-Гаряева, А.П. Романенко

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ГАЗЕТНОЙ РЕЧИ

(на материале республиканских газет на русском языке)

В статье определяются задачи нормативного изучения русской газетной речи на фоне общественно-языковой практики КАССР, в соответствии с этими задачами анализируются некоторые наиболее типичные нарушения речевой культуры в области лексики и грамматики.

Газета - самый представительный и авторитетный тип текстов массовой информации. На социальную роль газеты указывал В.И. Ленин, называя ее коллективным агитатором, пропагандистом и организатором. Тексты массовой информации (массовая печать, радио, телевидение) представляют собой основную форму существования и функционирования межнационального языка, который и возникает в виде этих текстов, в первую очередь газетных, письменных, ориентированных на нормативы литературной речи /1/. Именно поэтому В.И. Ленин с первых лет существования социалистического

государства был озабочен культурой русского языка и, особенно, культурой газетной речи. В своей заметке "Об очистке русского языка" он говорит о чистоте именно газетной речи, отмечая низкий уровень ее культуры. Инициатива Ленина по созданию толкового нормативного словаря современного ("настоящего") русского языка — это опять-таки стремление повысить речевую культуру.

Советская филология также хорошо осознавала важность нормирования прежде всего газетной речи. Так, Г.О. Винокур ставил проблему культуры речи применительно, прежде всего, к газетным текстам /2/. В настоящее время изучение газетной речи в советской лингвистике активизировалось, появились работы обобщающего характера /3/. Однако уровень культуры речи местной прессы все еще низок, что вызвано отчасти специфическими условиями региональных языковых ситуаций. Поэтому нормативное изучение газетной речи — проблема актуальная и в теоретическом, и в практическом планах: это исследование степени нормативности текстов межнационального языка, выявление экстралингвистических и лингвистических причин речевых ошибок; это и способ участия филологов в деятельности по повышению уровня культуры речи. Без такого предварительного изучения конкретные рекомендации работникам средств массовой коммуникации будут поверхностны и малоэффективны. На необходимость подобного описания газетной речи указано в разработанной Институтом русского языка АН СССР программе исследования актуальной проблемы "Русский язык как средство межнационального общения" /4/.

Охарактеризуем некоторые специфические черты газетных текстов, знание которых необходимо для понимания причин появления речевых ошибок в газете и для правильной постановки задач их изучения.

Газета, как радио и телевидение, является массовым текстом и со стороны адресанта (авторского коллектива), и со стороны адресата (практически безграничной аудитории). Коллективность авторства проявляется, в частности, в том, что за ошибки (в том числе речевые), допущенные в газете, несет ответственность не только автор конкретного материала, но и весь редакционный аппарат. Ошибки, допущенные одним, подрывают престиж всего коллектива; ошибки, наряду с другими (и положительными, и отрицательными) свойствами газеты, формируют у читателя образ колле-

тивного автора, образ газеты. И массовый читатель, сталкиваясь с ошибками, осуждает, как правило, не конкретного журналиста, а весь коллектив. Причина этого — в массовости аудитории. Газета формирует общественное мнение, а массовая аудитория относится к газете как к выразителю, законодателю общественного мнения. Следовательно, низкая речевая культура газеты — это дискредитация всего авторского коллектива и стоящего за ним социального института. То, что газета представляет как коллективный автор какую-либо официальную организацию, обеспечивает ее авторитетность. В силу этой авторитетности речевые ошибки в газете могут восприниматься некоторой частью массовой аудитории в качестве норм, так как язык газеты воспринимается как нормативный. В этом случае возникает реальная опасность понижения газетой уровня общей культуры речи. Таким образом, массовость газеты требует от нее более высокого, по сравнению с другими видами текстов, уровня речевой культуры.

Существенным свойством газеты, как и других текстов массовой информации, является ее вторичность по отношению к другим видам текстов. Газета содержит не оригинальную информацию, а изложение документов, книжной (литературной) продукции, произведений неязыковых знаковых систем. Чисто информационные сообщения также вторичны: это данные различных информационных органов. Кроме этого, газета иногда включает в свой состав и единичные оригинальные произведения (рассказы, стихотворения, фельетоны и т.п.), что, однако, не меняет общей картины. Таким образом, в газете первичные тексты трансформируются; при этом изменяется их стиль, язык и, в определенной мере, содержание с целью адаптации. Это необходимо, так как содержание газеты должно быть доступным для массовой и неоднородной аудитории. Следовательно, и язык газеты стремится стать доступным, демократичным, простым, ясным, то есть общепонятным. Ошибки же в этом плане могут появляться либо от чрезмерного упрощения, "приземления" газетной речи, сведения ее к просторечию, либо, наоборот от недостаточной простоты, ясности и чистоты стиля. Именно на эту опасность и указывал В.И. Ленин.

Газета среди текстов массовой информации занимает центральное место, оказывая на них нормирующее воздействие. Это обусловлено тем, что газета как текст письменный непосредственно взаи-

взаимодействует со всей системой кодифицированного литературного языка. Это взаимодействие осуществляется как на уровне системы грамматики и словаря литературного языка), так и на уровне текста (первичные письменные тексты литературного языка). Такое положение газеты и делает ее центральным звеном всей массовой информации, имеющим значение образца, норматива. Поэтому ошибки, допущенные в газете, могут быть некритически перенесены в радио- и телепередачи. Газета, таким образом, наиболее ответственна во всей системе массовой информации за уровень культуры речи. И возможностей повышать этот уровень у газеты больше (из-за непосредственного контакта с литературным письменным языком), чем у других текстов массовой информации.

Вместе с тем, газета тесно соприкасается с устной речью. Через радио и телевидение регулярно осуществляется чтение газетных материалов. Это значит, что газетные тексты должны быть рассчитаны на устное воспроизведение. Кроме того, многие газетные жанры допускают использование элементов устной разговорной речи. Как правило, такое использование имеет определенное стилистическое задание. Однако в этом случае возможно и злоупотребление разговорными, даже просторечными формами. Это особенно неуместно, снижает культуру газетной речи в деловых, информационных контекстах. В использовании разговорных элементов речи газета должна быть осторожна, должны учитываться ограничения, накладываемые нормативной системой литературного языка.

Таким образом, строй газетной речи должен конструироваться с учетом перечисленных свойств газеты как ведущего звена системы массовой информации. Это обеспечит необходимый уровень культуры газетной речи. Газета должна содействовать повышению общего (в системе всего литературного языка) уровня культуры речи. Однако в действительности часто происходит обратное: некритическое отношение к речевому материалу делает газету проводником (и даже пропагандистом) ошибок. Препятствовать этому должны совместные усилия журналистов и филологов.

Нормативное филологическое изучение газетной речи складывается из двух этапов, соответствующих уровням культуры речи. Вслед за Г.О. Винокуром принято различать два уровня культуры речи. Первый - правильность речи, это уровень грамматических форм слов, словосочетаний, предложений (то есть строевых единиц

языка). Этот уровень регламентируется нормативными словарями и грамматиками литературного языка. Второй – совершенство речи, это уровень текста, здесь релевантны такие требования, как уместность, убедительность, действенность речи. Кодифицирующая литература такого характера редка /5/, в основном, регламентация газетных текстов осуществляется через текстовую традицию.

Нормативное описание газетной речи и содержит эти два момента: 1) изучение степени правильности речи, 2) изучение степени риторического совершенства речи. Причем без анализа правильности речи малоэффективен анализ ее риторического совершенства, первый этап должен предшествовать второму. Данная статья описывает только степень правильности местной газетной речи. В дальнейшем предполагается переход ко второму этапу анализа.

Языковая ситуация Элисты характеризуется, в основном, калмыцко-русским двуязычием. Население города – 70266 чел., из них русских – 35810 чел., калмыков – 30381 чел., лиц других национальностей – 4075 чел. Существенно, что молодое поколение калмыков хорошо владеет русским языком, и для многих из них он – преимущественное средство общения. Русский и калмыцкий языки по-разному функционируют в общественно-речевой практике, разделяя между собой ее сферы. Русский язык выполняет, в основном, деловые, информационные функции, калмыцкий – функции, связанные со спецификой национальной культуры. Такое распределение распространяется и на тексты массовой информации, в частности на газету. В Элисте издаются две газеты на русском ("Советская Калмыкия" и "Комсомолец Калмыкии") и одна на калмыцком ("Хальмг Үнн"). В силу специфики газеты как разновидности массовой информации идеологическая и информационная основа у этих газет одина. Однако каждая имеет и свою жанровую специфику. Своеобразие "Комсомольца Калмыкии" определяется его ориентацией на молодежную аудиторию. "Советская Калмыкия" и "Хальмг Үнн" обращены ко всему населению КАССР. В то же время эти газеты не дублируют друг друга. За вычетом обязательной информации они имеют содержательные и жанровые различия, сложившиеся традиционно. Так, "Хальмг Үнн" уделяет больше, по сравнению с "Советской Калмыкией", внимания национальной культурной жизни республики. Там печатается больше материалов по национальной литературе, искусству, науке, фольклору. Это вполне естественно, так

как специфика национальной культуры калмыков может быть адекватно передана лишь на калмыцком языке. Соответственно, меньше внимания уделяется чисто информационным сообщениям о жизни республики, рекламе, так как эти жанры полнее представлены "Советской Калмыкией" на русском (межнациональном) языке. Сказанное позволяет заключить, что газеты на русском языке обращены к более широкой аудитории, теснее связаны с конкретной (деловой, обиходно-разговорной) речевой практикой республики. Поэтому в них находят отражение и характерные черты городской (элистинской) русской речи. Однако это означает не только демократичность и доступность газетного языка, но и проникновение в него речевых ошибок, обусловленных данной языковой ситуацией. Это снижает уровень культуры газетной речи. Такие ошибки могут быть вызваны, во-первых, влиянием на русскую городскую речь калмыцкого языка /6/, во-вторых, влиянием городского просторечия, в-третьих, влиянием украинских элементов, широко распространенных в речи города. Очень ограничено указанные явления могут использоваться в газетах намеренно, с определенными стилистическими целями. Но такое использование всегда должно содержать стилистическое обоснование, иначе - это ошибки, недопустимые в газетах. Местные газеты не только испытывают влияние городской речи, они сами оказывают сильнейшее влияние на формирование речевой культуры широких масс населения республики. Вот почему ошибки в местных газетах недопустимы.

Обратимся к анализу речевых ошибок газет "Советская Калмыкия" и "Комсомолец Калмыкии". В качестве материала были взяты выпуски этих газет за 1981-1983 гг.

Учитывая сказанное выше об общих и местных "ресурсах" ошибок в газетной речи, можно выделить четыре основных причины отклонений от норм литературной речи: 1) недостаточное владение литературным русским языком, 2) влияние разговорной речи и просторечия, 3) воздействие сильно украинизированной местной речи, 4) интерференция калмыцкого и русского языков. Это возможные виды ошибок, среди них выделяются наиболее типичные и распространенные в местных газетах ошибки из области лексики и грамматики, которые и служат предметом данного описания.

Одним из типичных видов отступлений от норм литературного языка является неправильное словоупотребление, которое прояв-

ляется в смещении лексических значений, их неточном толковании, в неверном выборе слов из синонимического ряда. В результате этого возникают неправильные сочетания слов, характеризующиеся лексической несовместимостью составляющих компонентов. Среди них наиболее распространен тип глагольных сочетаний с объектными отношениями:

предпринимать усилия (вм. прилагать усилия), не подвести славу (вм. укрепить славу), занимать удельный вес (вм. иметь удельный вес), растранижировать жизнь (вм. растрачивать жизнь), выполнять рубежи (вм. достичь рубежей), наращивать мастерство (вм. совершенствовать мастерство).

В большинстве случаев в подобных сочетаниях подменяется глагол, реже – название объекта. Нередко неточное употребление глагола делает нелогичным все высказывание:

скот, изголодавшийся за ночь по воде, мог быстро утолить свою жажду; "Спартак" прибыл с затаенной надеждой занять I место, и для этого были веские аргументы.

Встречаются также случаи стилистически неправильного употребления наречий:

прочно поселившиеся, поступить заочно;
прилагательных:

скоропостижный приезд, добротный очаг культуры, раскулаченное кухонное оборудование;

существительных:

до глубины дыхания памятно, герои успеха, обкосы полей являются прологом уборки.

Нередко встречаются случаи неточного выражения мысли, возникающие из-за неверного выбора синонима:

преуспеваает в работе, ведь она для него привычное дело (вм. успевает, справляется); эту цифру можно значительно превзойти (вм. превысить); они ходят в магазин за продуктами, вместе соображают, что купить для обеда (вм. думают, решают); фактор времени на жатве риса играет главенствующую роль (вм. главную).

Одним из видов нарушения норм словоупотребления является соединение стилистически несочетаемых слов. Их несовместимость выявляется на фоне лексического окружения. Часто объединяются слова противоположной стилистической окраски – книжные и прос-

горечные:

в совхозе Улан-Эрге возведен новый свинарник (вм. постро-
ен); плотный мужчина среднего роста спросил кабинет директора
и уверенной поступью прошел туда (вм. походкой); он уже понял
преимущества интенсивного откорма, как говорится, руками ощупал
его на практике; змей растаял в синеве небес; Бориска недоумен-
но тарачил глаза; шутил, а мозг беспокоила мысль (вм. сверли-
ла).

Неправильное употребление слов иногда разрушает их устой-
чивые сочетания. В результате разрываются устойчивые связи
между словами и возникают окказиональные,

Например:

в поле внимания (вм. в поле зрения); брюки, засученные
ниже колен (вм. закатанные); слово с делом не вяжется (вм. не в
лицах); помочь ему засучить рукава (вм. деепричастного оборота-
вм.сучив рукава).

Известно, что разрушение идиоматичности в некоторых случа-
ях служит средством экспрессии, здесь же идет речь о неправо-
мерности такого разрушения, не выполняющего никакой стилисти-
ческой функции, это небрежность в обращении с идиоматическими
средствами языка, которая должна быть признана ошибкой.

К ошибкам лексического характера следует отнести избыточ-
ное употребление слов, которые не несут новой информации, а
лишь делают фразу неточной и неоправданно плеонастичной:

главная суть заключается; огромное большинство; мы хотим
не просто так добиться успеха, а сделать успех нормой.

Как отмечалось, язык местных газет испытывает сильное влия-
ние устных речевых сфер – разговорной речи и просторечия. Эле-
менты устной разговорной речи могут использоваться в некоторых
газетных жанрах (очерк, интервью, фельетон и пр.), но обяза-
тельно – с определенным стилистическим заданием. Однако совер-
шенно неоправдано употребление сниженных элементов просторечно-
го характера без стилистической мотивировки. Это разрушает сти-
листическую систему газетной речи и должно быть признано оши-
бочным.

Более всего подвержена влиянию просторечия газетная лекси-
ка. Обладая резкой стилистической сниженностью, используемые
без какого-либо стилистического задания, просторечные слова

противоречат нормам письменной газетной речи. Наблюдения показывают, что большую часть просторечных словоупотреблений составляют глаголы. Например:

припасти (вм. запасти), уважить (вм. проявить уважение), кинуть (вм. перебросить).

Среди других классов слов частотны оценочные наречия, например:

занятия спортом здорово помогают мне в работе;

неопределенно-количественные слова, например:

объекты сдаются с уймой недостатков;

числительные, например:

на пару дней запоздали с покосом.

Широко распространены некоторые разговорно-окрашенные речевые обороты:

в случае чего котельная сразу станет; руководители, которые мало что делают в этом отношении; только во второй половине прошлого года, да и то с грехом пополам был открыт пионерский лагерь; опять же из-за хронической нехватки стройматериалов баз огорожен прутьями; к сожалению, как на грех, часто бывает задержки с поставкой материалов.

Эти обороты начинают воспроизводиться в газетной речи почти с той же регулярностью, что и в разговорной речи. Они становятся чуть ли не газетными штампами, что искажает всю стилистическую систему газеты: нарушается не только правильность речи, но и ее риторическое совершенство (если в газете и неизбежно появление штампов, то они не должны носить просторечного характера).

Просторечно-разговорную окраску газетному тексту придает и некоторые смещения в синтаксических конструкциях. Например, постпозиция отрицания "нет":

У нас автобуса нет, чтобы людей развозить;

постпозиция числительных в сочетании их с существительными:

стоянка находится километраж в трех от фермы; газеты приносят штук по 26-28 сразу.

Подобного рода конструкции нормальны для разговорной речи. При регулярном употреблении в газете они начинают восприниматься читателями в качестве норм литературной речи вообще.

Отклонения от норм грамматики входят, в целом, к разру-

шению таких устойчивых типов синтаксических связей, как согласование и управление. Типичны случаи отсутствия согласования и числе между подлежащим и сказуемым:

оборудование кормоцехов в основном использовались только для ... приготовления пойла; а такое отношение читателей нашей библиотеки к книге случаются; от этих контактов будет зависеть дальнейшие успехи нашей кафедры.

Столь же нередки случаи нарушения согласования в падеже и числе между распространенным определением и определяемым словом:

мероприятия по устранению недостатков, отраженные в статье; все работы проводятся ... по графику, которые разработаны в каждом хозяйстве.

Случаи неверного управления встречаются значительно реже, чем случаи неверного согласования. Примерами могут служить следующие сочетания:

особенно большое место остается прибытие выпускников на места назначения (вм. остается большим местом); уносят во взрослую жизнь наказы отца, их непререкаемого авторитета.

Самое большое количество ошибок в анализируемых текстах встречается в употреблении предложно-падежных конструкций. Показательно, что р. зрушаются даже такие клишированные сочетания, актуальные для газетной речи, как "играть роль в ", "обращать внимание на", "иметь значение для" и т.д. Например:

роль фабрики для дальнейшего развития (вм. роль ... в развитии); уделять внимание на ход (вм. уделять внимание ходу); в этом имеет большое значение (вм. для этого имеет ... значение).

В целом, разнообразные ошибки, связанные с употреблением предлогов, можно свести в три группы:

- 1). Избыточное употребление предлогов. Например:
на это уделяют всего несколько минут; Леночка может составить с ним партию (вм. ему партию).
- 2). Отсутствие предлога в результате искажения падежной формы. Например:
выражал солидарность действиям этого комитета (вм. солидарность с действиями); базой ему послужила одна из ферм (вм. базой для него).
- 3). Неправильное употребление предлога или замена одного

предлога другим. Так, заменяются предлоги, близкие по общей семантике (пространства, места) "в" и "на":

у нас есть кормоцех, но имеющаяся на нем техника устарела (вм. в нем); работал на автобусе, а сейчас на передвижной библиотеке.

Чаще заменяются предлоги, абсолютно разные по семантике, что влечет за собой ошибки в падежных формах:

заклучили договор на социалистическое соревнование (вм. о соревновании); на эти цели возделываются триста гектаров люцерны (вм. в этих целях); подчеркнул причастность в реализации Продовольственной программы (вм. к реализации).

Иногда предлог становится неуместным из-за неправильного словоупотребления:

дом культуры предрешен на невыполнение (вм. обречен).

Особого замечания заслуживает широкое использование семантически расплывчатых предлогов ("в плане", "в смысле", "в разрезе" и т.п.), которые в последнее время приобрели характер речевых штампов. Употребляются они как в устной официально-деловой речи, так и в газетной. Они придают тексту явно выраженную канцелярскую модальность. Примеры неудачного употребления этих предлогов в газетной речи:

важно выполнить установленное задание в разрезе отдельных зерновых культур; еще мало что делается в том плане, что молодежь остается неохваченная никакой работой; многое сделано в смысле улучшения условий труда.

Выше говорилось, что просторечные обороты, употребленные без специального стилистического задания, придают газетной речи нежелательную, разрушающую газетную стилистику разговорно-просторечную модальность. Это ошибки, затрагивающие оба уровня культуры речи. То же можно сказать и об употреблении семантически расплывчатых предлогов с канцелярской окраской. Канцелярская модальность так же, как и просторечная, разрушает стилистическую систему газеты, способствует появлению неуместных в газете канцелярских штампов.

Таковы основные, самые частотные случаи нарушения лексических и грамматических норм в языке местных газет. Картина, возникающая даже после такого предварительного описания, показывает низкий уровень культуры местной газетной речи, причем

только в аспекте правильности. О другом аспекте (риторическом совершенстве в такой ситуации можно говорить лишь условно (точнее, нужно говорить о несовершенстве). Однако эта констатация не дает оснований для пессимистической оценки положения в области языка местных газет. Указанные ошибки вполне преодолимы при сознательном и активном их искоренении.

Итак, анализ степени правильности языка местных газет показывает, что основными причинами ошибок являются, во-первых, недостаточное владение системой норм литературного языка, во-вторых, стилистически необоснованное введение в газетные тексты элементов разговорно-просторечной окраски. Первая причина вызывает, в основном, чисто лингвистические отклонения от норм литературной речи. Устранение таких ошибок может быть достигнуто регулярным и обязательным обращением работников печати к нормативным словарям и грамматическим руководствам /7/. Вторая причина вызывает ошибки стилистического характера, устранению которых должны помочь специальные стилистические руководства. Не менее важно также понимание специфики газетных текстов, так как простые оценки и запреты, как правило, почти не достигают цели.

Филологическое же изучение языка местных газет, в соответствии с упомянутой программой Института русского языка АН СССР, должно вестись не только на уровне анализа слов и конструкций, но и на уровне анализа текста, что и предполагается осуществить в дальнейшем.

Литература

1. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. - М.: Высш. школа, 1979, с. 164-175.
2. Винокур Г.О. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. - М.: Работник просвещения, 1925. - 216 с.
3. Солганик Г.Я. О языке газеты. - М.: МГУ, 1968. - 32 с.; он же. Лексика газеты. - М.: Высш. школа, 1981. - 104 с.; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. - М.: МГУ, 1971. - 268 с.; Язык в развитом социалистическом обществе: Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. - М.: Наука, 1982. - 254 с. и др.
4. Русский язык как средство межнационального общения народов СССР: Основные направления в разработке проблемы/ Отв. ред. В.В. Иванов. - М.: Наука, 1982. - 80 с.

5. См., напр.: Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров: Учебное пособие. - М.: Высш. школа, 1978. - 184 с.

6. Такого рода ошибки в газетных текстах крайне редки и должны изучаться в связи с проблемой трансференции. См. об этом: Ахунзянов Э.М. О разграничении интерференции и трансференции в условиях языковых контактов. - Вопросы языкознания, 1978, № 5, с. 72-82.

7. В качестве необходимых и популярных изданий такого рода можно назвать: Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. - М.: Русский язык, 1978. - 688 с.; Розенталь Д.Э. Управление в русском языке: Словарь-справочник для работников печати. - М.: Книга, 1981. - 207 с.; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. - М.: Русский язык, 1984. - 704 с.

Калмыцкий государственный университет

Н.У. Очирова

РУССКИЕ МОРФЕМЫ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Более ста лет тому назад Ф. Энгельс указал на необходимость знания русского языка, ибо он является одним из самых сильных, богатых языков мира. За прошедший век история развития русского языка с большей убедительностью доказала правоту этой пророческой мысли Ф. Энгельса.

В настоящее время русский язык занял свое законное место на международной арене. Наряду с другими европейскими языками (английским, французским) он стал одним из рабочих языков ООН.

Русский язык является одним из самых распространенных языков, он стал ныне языком международного общения не только народов СССР, но и народов социалистических стран. Для многих народов СССР русский язык стал вторым родным языком. По последней переписи населения более 10 тысяч калмыков назвали русский язык родным языком.

Русский и калмыцкий языки являются разноструктурными. Сопоставительное изучение таких языков способствует более глубокому пониманию и усвоению наиболее трудных вопросов русской грамматики и помогает овладеть методом сопоставления, при этом

основное внимание уделяется тем чертам сходства и различия, которые в них уже сложились. Еще К.Д. Ушинский писал, что все в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение. Поэтому сопоставление грамматических категорий – основное требование в облегчении изучения русского языка нерусскими.

Первой отличительной особенностью русского языка является тесная связь флексий с основой слова, разнообразие и многозначность флексий. В калмыцком языке, наоборот, характерна легкая членимость слова на отдельные морфемы, последовательное присоединение различных аффиксов к основе слова и конкретность значения каждого суффикса. В русском языке флексия многозначна и омонимична: она указывает на категорию рода, числа, падежа, склонения. Например, в словах дела, места, окна – морфема а может служить показателем трех падежных форм: именительного, винительного падежей множественного числа и родительного падежа единственного числа. Числа этих имен различаются только ударением. В калмыцком языке таких совпадений нет.

Каждое слово в обоих языках имеет самостоятельное вещественное значение и одно или несколько грамматических значений. В связи с этим многие слова в обоих языках членится на отдельные значимые части. Таких частей в русском языке четыре: корень, суффикс, приставка, окончание; в калмыцком – только две: корень и суффикс. Окончаний и приставок в калмыцком языке нет.

В сопоставляемых языках корень слова имеет ряд общих элементов: корень является неделимым элементом слова и выражает его общую идею; корень может без сочетания с другими морфемами образовывать слово: дом – гер, скот – мал, свет – герл. В русском языке корень лишен грамматических значений, а в калмыцком – каждый корень соответствует беспроизводной основе, следовательно, определить по корню падеж, число не представляет трудностей: дегтр (книг – а), цаасн (бумаг – а), керг (дел – о).

В калмыцком языке имеется большое количество морфем, которые последовательно присоединяются к непроизводной основе слова – корню: кедл – работай – глагол повелительного наклонения 2-го лица единственного числа;

кедлми – работа – существительное именительного падежа;

кедл – ми – ч – рабочий – существительное, обозначающее профессию;

кедл – ми – ч – нр – рабочие – существительное множест-

венного числа;

көдл - мш - ч - нр - т - рабочим - существительное множественного числа дательного падежа;

көдл - мш - ч - нр - т - м - моим рабочим - существительное множественного числа дательного падежа I-го лица лич-

но-притяжательного склонения.

В русском языке в отличие от калмыцкого в некоторых словах при изменении слова происходит чередование согласных в корне, что совершенно чуждо калмыцкому языку: друг - дружба - друзья, ухо - уши, рука - ручка.

В русском языке в ряде слов происходит выпадение звуков о и е, называемых в этих случаях беглыми гласными: день - дня, сон - сна, молодец - молодца. Такое явление в родном языке учащихся-калмыков не встречается, поэтому при изменении этих слов школьники стремятся сохранить в них гласные и говорят: день - дени (вместо дни), потолок - потолки (вместо потолки).

Суффиксы оформляют корень, внося изменение, уточнение, дополнение в его значение. В обоих языках суффиксы имеют два значения: словообразовательное и формообразующее. Словообразовательные суффиксы образуют новые слова с новой производной основой: рыбак - завсч, сапожник - носч, каменник - чолуч. Формообразующие суффиксы образуют новые формы, создавая его морфологические варианты: белее - цалавр, чернее - харвр, теплее - дулавр.

В русском языке к корню практически не присоединяется более двух-трех суффиксов, а в калмыцком языке к корневой морфеме присоединяется большое количество суффиксов, например: сур -нуль - ч - нр - т (ученикам), где к глаголу сур - учи присоединилось пять морфем, имеющих свои лексические и грамматические значения. Этим пяти морфемам в русском языке соответствует суффикс - ник и окончание дательного падежа множественного числа - ам.

Несмотря на длинную цепь различных суффиксов, в калмыцком языке легко можно расчленить слово на отдельные морфемы и найти корень слова. В русском языке нахождение корня слова составляет большую трудность.

У учащихся-калмыков в процессе определения состава русского слова наибольшие трудности возникают тогда, когда корни различных неродственных слов совпадают по фонетическому составу. Для преодоления этих трудностей рекомендуется давать учащимся пере-

воды на калмыцкий язык неродственных русских слов, образованных от омонимичных корней. Например:

вода - водный - водник - водянка - наводнение;
водить - водитель - приводить - заводить - уводить.

"Русский литературный язык очень богат средствами эмоциональной выразительности. От многих существительных конкретного значения образуются посредством особых суффиксов так называемые формы субъективной оценки" /I/, то есть формы с уменьшительно-ласкательным, пренебрежительным, увеличительным и другими эмоциональными значениями.

Калмыцкий язык не обладает такими оценочными суффиксами, поэтому его возможность сопоставления с русским языком в этой области очень ограничена. Так, слова с суффиксом ец, посредством которого от основ существительных образуются слова мужского рода с уменьшительно-ласкательным значением: братец (брат), амбарец (амбар), морозец (мороз) и т.д. на калмыцкий язык переводятся при помощи особых слов, обозначающих маленький размер. Для выражения значения уменьшительности может употребляться слово бичкн - маленький: братец - бичкн дц, хлебец - бичкн өдмг, амбарец - бичкн амбар.

Таким же образом могут передаваться имена существительные, образованные при помощи суффиксов -ок/-ек, -чик, -ик, также имеющие уменьшительное значение: домик, петушок, стульчик, кирпичик.

Необходимо отметить, что в отдельных случаях для выражения значения ласкательности в калмыцком языке употребляются особые слова, обозначающие родственную близость в данных словах:

маменька - экм минь, доченька - кццкм минь, сынчек - көчүм минь.

Посредством суффиксов -ишк-а, -ишк-о, -онк-а, -енк-а образуются имена существительные со значением пренебрежения, презрения. В калмыцком языке нет суффиксов, при помощи которых можно было бы передать оттенки пренебрежения, но есть отдельные слова, посредством которых передается пренебрежительное отношение к тому или иному предметному понятию. Такими словами могут быть определения, обозначающие отрицательное качество, например, слово плохо - му с ограничительным суффиксом хн: домишко - муухн гер, городишко - муухн балһсн, лошаденка - муухн мөрн.

При помощи суффиксов -ищ-е, -ищ-а, -ин-а в русском языке образуются существительные со значением увеличительности, которые передаются на калмыцкий язык определением, обозначающим размер, например, словом большой - ик в сочетании с суффиксом подтверждения л: домина - икл гер, арбузище - икл тарвс, ручище - икл бар.

Однако этими словами не передаются с достаточной полнотой и точностью оттенки значений оценочных суффиксов ласкательности, уменьшительности, пренебрежительности, увеличительности.

Функции окончания русского знаменательного слова как средства выражения связи этого слова с другими словами в предложении весьма разнообразны. По своему фонетическому составу окончания, как правило, не имеют какой-либо одной-единственной стандартной формы даже в пределах одной грамматической категории, то есть за тем или иным окончанием не закреплено лишь одно постоянное грамматическое значение. В калмыцком языке окончаний нет. Значения окончаний передаются в калмыцком языке различными стандартными суффиксами. Такое различие между составом русского и калмыцкого слова является одним из существенных препятствий на пути изучения русского языка учащимися-калмыками.

В русском языке окончание, как правило, многозначно. В нем может быть одновременно дано указание на род, число, падеж, склонение или на лицо, число, время, если это глагол. Причем эти грамматические значения выявляются только в сочетании с основой слова. В калмыцком языке значение отдельных суффиксов можно определить вне основы слова: например, суффикс ар принадлежит орудному падежу, суффикс нр обозначает множественное число. В русском языке так определить окончание невозможно: в нем грамматические значения окончаний теснейшим образом связаны с основой слова.

В русском языке встречаются имена существительные, которые невозможно разложить на основу и окончание. К ним относятся так называемые несклоняемые существительные. В калмыцком же языке несклоняемых существительных нет, поэтому учащиеся изменяют их по падежам: кино - кинод - кинонас - кинонур;

пальто - пальтод - пальтота - пальтог и т.д.

Падежные окончания в русском языке имеют очень много вариантов, а в калмыцком - падежные суффиксы являются стандартными, навсегда закрепленными. Так, например, родительный падеж в рус-

ском языке имеет более десяти вариантов окончаний в единственном и во множественном числах, которые на калмыцкий язык передаются двумя стандартными суффиксами. Поэтому изучение падежных окончаний в школах с калмыцким составом учащихся представляет большую трудность, на что необходимо обратить серьезное внимание.

В русском языке имеется большое количество приставок. В калмыцком языке приставок нет, поэтому их значения на калмыцкий язык передаются различными способами. В русском языке приставки могут изменять лексическое значение слова, являясь словообразующим элементом. Они имеют грамматическое значение совершенного вида глагола. Укажем некоторые значения русских приставок и способы передачи их на калмыцкий язык.

Значения приставок на калмыцкий язык могут быть переданы несколькими способами: глагольными формами, отдельными суффиксами или другими сочетаниями. Например: писал - бичв; переписал - бууллж бичв; написал - биччкв; летел - нисв; взлетел - өөдэн нисв. Как видно из приведенных примеров, значения приставок пере -, на -, вз - переданы на калмыцкий язык деепричастием, суффиксом и наречием.

Приставки в русском языке имеют весьма разнообразные значения. Приставка в - указывает на направление действия "внутри" и соответствует двум глагольным формам: деепричастию и глаголу изъявительного наклонения. Например: бежал - гүүв; вбежал - гүүж, орв; ташил - чирв; вташил - чирж орулв. Приставка вы - обозначает направление действия "изнутри" "наружу" и соответствует сочетанию деепричастия с глаголом или суффиксу чк. Например: бежал - гүүв; выбежал - гүүж, нарв; бросил - хайв; выбросил - хайчкв. Приставка за - обозначает продвижение за преграду или за предмет и на калмыцкий язык передается наречием места или суффиксом чк. Например: бежал - гүүв; забежал за дом - герин ардаһур гүүв; копил - булв; закопал - булчкв; кидал - хайв; закидал - хайчкв. Приставка из - указывает на завершенность действия и передается на калмыцкий язык суффиксом чк. Например: писал - бичв; исписал - биччкв; рубил - чавчв; изрубил - чавччкв.

Некоторые приставки имеют несколько значений. Они могут одновременно выражать и законченность действия, и его направленность вовне. На калмыцкий язык эти значения могут быть переданы тремя глагольными формами. Например: толкнул - түлкв; вытолкнул -

түлкэд һарһж оркв. Завершенности действия соответствует глагол оркв, на направление действия указывает деепричастие һарһж, на лексическое значение – деепричастие түлкэд.

Глаголы с приставками могут выражать совершение действия во времени и передаются также несколькими словами. Например:

зашумел – (начал шуметь) – эклэд шуугв;

пошумел – (некоторое время шумел) – невчк шуугв;

отшумел – (законченное действие) – шуугж, оркв.

Кроме того, одна и та же приставка в зависимости от сочетания может иметь различные лексические значения. Например, приставка за –

забросил (в смысле запустил дело);

забросил (мяч на крышу).

Всеми этими оттенками значений калмыцкий язык не обладает, и приставочные глаголы также затрудняют изучение состава слова учащимися-калмыками.

Знание и учет отличительных особенностей двух разноструктурных языков крайне необходимо, оно до некоторой степени будет способствовать предупреждению типичных ошибок, допускаемых учащимися, объясняющихся влиянием грамматических норм родного языка.

Литература

1. Грамматика русского языка. – М.: АН СССР, 1960. т. I, с. 264.

Калмыцкий государственный университет

Т.А. Морозова-Дорофеева

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ НА СТЫКЕ МОРФЕМ В РУССКОЙ РЕЧИ УЗБЕКОВ

Процесс обучения русскому языку нерусских имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать, работая в национальной аудитории. Часто приходится сталкиваться с нарушением норм русского языка, которое приводит к большому количеству ошибок как в устной, так и в письменной речи обучающихся. В большинстве случаев причиной этого является несходство норм родного и рус-

ского языка, взаимодействие которых приводит к межъязыковой интерференции. Одним из ее проявлений являются ошибки в произношении сочетаний согласных, связанные прежде всего с особенностями фонетической системы узбекского языка, существованием в нем ограничений в сочетании согласных /I/.

Ошибки в произношении и написании сочетаний согласных, условия и причины их появления в русской речи узбеков были исследованы Н.П. Панжиевым /2/, но он выявляет характер произношения и написания начальных, срединных и конечных сочетаний согласных, не учитывая их позиций в составе морфем или на стыке морфем.

Думается, что необходим учет особенностей не только фонетической, но и морфологической структуры узбекского слова.

Поскольку русский и узбекский языки по своему грамматическому строю принадлежат к разным языковым типам, это не может не явиться причиной, которая затрудняет изучение русского языка студентами-узбеками.

В данной работе мы попробуем определить пути развития фонетической интерференции в связи с учетом морфологической структуры узбекского слова.

Узбекский относится к типу агглютинативных языков, в которых аффиксы обладают стандартностью, однозначностью и при словообразовании или словоизменении как бы "приклеиваются" к корню.

Ср., узбекское ишчиларимиз (наши рабочие), где иш - корень (работа), -чи - аффикс со значением действующего лица, -лар - показатель множественного числа, -имиз - аффикс притяжательности.

Узбекское слово по своей структуре сложно, но вместе с тем и прозрачно: оно поддается четкому и точному делению на морфемы, чего нельзя сказать о структуре слова в языках флективных, к которым принадлежит русский язык. Для русского языка характерна целостность слова, неразрывная связь аффиксов с корнем, наличие их позиционных вариантов.

Это различие между двумя языками является главной причиной, затрудняющей изучение структуры русского слова студентами-узбеками и овладение навыками правильного произношения звуков на стыке морфем.

Таким образом, вопрос о трудностях произношения и правописания сочетаний согласных на стыке морфем связан с двумя основ-

ными факторами:

- а) особенностями морфологической структуры русского и узбекского слов;
- б) фонетическими особенностями русского и узбекского языков.

С целью выявления закономерностей распространения ошибок и причин этого был осуществлен ряд экспериментов /3/. Информантам предлагались слова, в которых сочетания согласных соединяют различные морфемы: приставку и корень, корень и суффикс, суффикс и суффикс и т.д. Результаты проведенных экспериментов позволили сделать вывод, что сочетания согласных на стыке морфем создают значительную трудность для студентов-узбеков и порождают большое количество ошибок как в устной, так и в письменной речи. Однако степень распространенности таких ошибок неодинакова, она определяется позицией консонантного сочетания в слове и характером морфем, на стыке которых происходит стечение согласных.

Наибольшую трудность для усвоения составили сочетания согласных на стыке приставки и корня. Эта позиция дала 73% всех допущенных ошибок, тогда как внутри корня - 27%.

Нам думается, что основной причиной такого неодинакового соотношения ошибок является отсутствие в узбекском языке приставок и нехарактерность для фонетического строя узбекского языка начальных сочетаний согласных.

Для сравнения заметим, что студенты-информанты допускали ошибки в произношении и написании согласных на стыке корня и суффикса, но гораздо реже, чем на стыке приставки и корня /4/.

Дальнейшее рассмотрение влияния особенностей морфологической структуры узбекского слова на русскую речь студентов-узбеков позволили сделать еще один интересный вывод. Информанты гораздо реже допускают ошибки в произношении и правописании сочетаний согласных на стыке морфем в словах, легко поддающихся делению на морфемы, а точнее с легко вычленимым корнем. (Например, в словах типа лес-ник, артист-ка, двор-ник, рукав-чик). Это объясняется скорее всего тем, что в узбекском языке корень является полноценным и оформленным словом, которое может употребляться в предложении самостоятельно, без аффиксов, и в процессе формообразования и словообразования вещественно не изменяет своего звукового содержания. Например, иш (работа), иш/чи (рабочий),

иш/сиз (безработный), иш/сиз/лик (безработица).

Количество ошибок колеблется также в зависимости от того, может или нет приставка быть предложом. Так, в словах с приставками с-, из-, под-, над-, которые могут быть предложениями, ошибок меньше (28%). Исключение составляет правописание наречий типа сначала, сбоку, сверху, снизу, в которых студенты-узбеки допускают огромное количество ошибок: отделяют приставку от корня. Скорее всего это определяется орфографическим фактором, то есть наличием в языке отдельного написания предлога и существительного.

Экспериментальные данные позволили поставить вопрос о зависимости частотности ошибок от характера приставок, входящих в состав слов. Анализируемый материал составили слова с приставками без-, в-, вз-, воз-, к-, над-, низ-, об-, обез-, от-, под-, пред-, раз-, роз-, меж-, сверх-, с- .

После обработки данных эксперимента оказалось, что наибольшее количество ошибок, допущенных при написании и произношении слов с сочетаниями согласных на стыке приставки и корня, составили ошибки в словах, включающих сочетания типа приставка "в+t", где t - любой согласный (56%).

Объяснить такое большое количество ошибок в сочетаниях "в+t" только имеющимися различиями фонетических систем русского и узбекского языков недостаточно. Можно предположить, что имеет некоторое значение и наличие, наряду с приставкой в-, приставок вы-, во-, то есть происходит как бы подмена или смешение приставок, определить разницу в значениях которых билингов, не обладающему хорошими знаниями русского языка, трудно.

Можно думать, что в случаях типа в+t имеем дело с двумя факторами:

- а) стремлением устранить чуждое привычным нормам родного языка стечение согласных в начале слова;
- б) смешением приставок в силу недостаточного усвоения норм русского языка.

Роль первого фактора подтверждается тем, что количество и характер ошибок зависит также от того, состоит приставка из одних согласных (в-, с-, вз-, к-) или имеет в своем составе гласный звук. В первом случае ошибок почти в три раза больше /5/.

И, наконец, вопрос о частотности ошибок в произношении сочетаний согласных на морфемном шве нельзя решать, не учитывая

двух-, трех- или четырехчленное сочетание согласных.

Таким образом, предположение о влиянии двух факторов подтверждается. Следовательно, при изучении консонантных сочетаний русского языка студентами-узбеками необходим строгий учет морфологической структуры русского слова, позиций стечения согласных (стык приставки и корня или корня и суффиксов), количественный состав на стыке морфем, а также характер аффиксов, вычленяемых в слове.

Литература и примечания

1. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. - М.; Л.: Наука, 1960, с. 46-47.

2. Панжиев Н.П. Консонантные сочетания в русской речи узбеков. - Дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1977. - 167 с.

3. Все эксперименты проводились в фонетической лаборатории Саратовского государственного педагогического института им. К.А. Федина с группой студентов узбекского отделения.

4. Ошибки на стыке приставки и корня составили 64% при 36% на стыке корня и суффикса.

5. Ср., например, количество ошибок в произношении сочетаний согласных на стыке корня и приставки, не имеющей гласного, составили 78% всех допущенных ошибок, количество ошибок в произношении сочетаний согласных на стыке корня и приставки, включающей гласный, - 22%.

Саратовский государственный педагогический институт

Г. Гурбанов

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ (произношение твердых и мягких согласных)

При изучении интерференции в лингвистическом аспекте возможны два пути: а) предсказание потенциально возможных проявлений интерференции на основе сопоставления двух языковых систем с последующей проверкой сделанных предсказаний и б) наблюдение над конкретными проявлениями интерференции с последующими выводами /1/. Первый путь представляется более рациональным, так

как он позволяет охватить все системно существующие расхождения между языками. Его начальным этапом является определение потенциального поля интерференции, что требует учета особенностей строения фонетических систем взаимодействующих языков, с одной стороны, и учета механизма анализа речи на чужом языке с фонологических позиций родного, с другой. "Слушая чужую речь, — писал Н.С. Трубецкой, — мы при анализе слышимого непроизвольно используем привычное нам "фонологическое сито" своего родного языка. А поскольку наше "сито" оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают и многочисленные ошибки, недоразумения. Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через "фонологическое сито" нашего родного языка". /2/.

При намеченном подходе изучение интерференции в области произношения твердых и мягких согласных в русской речи азербайджанцев (РРА) требует прежде всего учета специфики взаимоотношений системы гласных и согласных в русском и азербайджанском языках /3/. Для согласных русского языка твердость-мягкость есть существенный дифференциальный признак, формирующий условия реализации гласных по признаку передний-непередний. В азербайджанском языке твердость-мягкость согласных является позиционно обусловленным, функционально несущественным признаком, зависящим от сочетания с гласными переднего и непереднего ряда. Азербайджанец не только слышит, но и воспроизводит согласные "тверже" или "мягче" в зависимости от того, в соседстве с какими гласными по ряду они находятся. При этом необходимо учитывать наличие слогового сингармонизма в азербайджанском языке и значительно более слабую противопоставленность согласных по признаку твердость-мягкость (поскольку данное противопоставление функционально несущественно), что позволяет говорить не о "мягких", а о "полумягких" или "промежуточных" согласных. Указанные особенности языков и определяют потенциальное поле интерференции и особенности ее реализации.

I. Интерференция в области русских твердых и мягких согласных в РРА полностью обусловлена характером слогового гласного, то есть в РРА наблюдается стремление превратить все несингармонические сочетания русского языка в сингармонические по образцу сочетаний родного языка. Отсюда появление произношения типа гу [с] или гу [с'], пу [т] или пу [т'], уго [д] или уго [д'], с одной стороны,

и ле [с'] или ле [с'], хоте [л'] или хоте [л'], с другой.

2. Интерференция в области твердых и мягких согласных проявляется в РРА во всех позициях согласных в слове (в позиции абсолютного конца, перед гласным и перед согласным), если в данных случаях отсутствует гармония по дизности или недизности. Таким образом, интерференция в произношении твердых и мягких согласных в РРА не обнаруживается (или почти не обнаруживается) в сингармонических слогах типа <it'>, <t'i>, <at>, <ta> и в сочетаниях типа <it't'>, <att>, <t't'i>, <tta> и последовательно проявляется в несингармонических слогах типа <it>, <at'>, <t'a>, <ti> и сочетаниях типа <itt>.

3. Твердые и мягкие согласные в РРА на воображаемой оси категории твердости-мягкости стоят друг к другу ближе, чем в речи русских, поэтому на русский фонологический слух произношение их в РРА чаще всего воспринимается как промежуточное, то есть полумягкое или полутвердое.

4. Характер проявления интерференции в произношении твердых и мягких согласных в РРА зависит прежде всего от структурных особенностей взаимодействующих языков (устранение несингармонических слогов, несвойственных родному языку), степень же проявления интерференции определяется, как правило, социальными факторами. Чем весомее совокупность благоприятных условий овладения русским языком, тем меньше интерферентных явлений в РРА. В этом убеждают длительные наблюдения и специальные эксперименты, проводившиеся с четырьмя разными группами испытуемых: I - студенты Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М.Ф. Ахундова в г. Баку (все информанты - студенты II курса, приехавшие из сельской местности); II - студенты Нахичеванского педагогического института (язык обучения - азербайджанский); III - учащиеся 8-10 классов г. Ильичевска с русским языком обучения и IV - учащиеся тех же классов с азербайджанским языком обучения. Больше всего интерферентных явлений было отмечено у представителей II и IV групп, то есть при азербайджанском языке обучения. Так, в РРА школьников с азербайджанским языком обучения из 60 случаев реализации твердых русских фонем т и л после гласных переднего ряда при воспроизведении ими текста не было зафиксировано ни одного случая произнесения твердого согласного. Отмечалось 9 случаев с полутвердым согласным (типа све [т'], сиди [т'], спроси [л'], ми [л']) и 5I с мягким

вогласным (типа све[т'], сиди[т'], хоте[л']). В этой же группе на 100 случаев реализации фонем <т'> и <л'> в позиции после непородных гласных отмечено в 15 случаях промежуточное произношение, а во всех остальных произносились твердые согласные (пу[т'], чита[т'], меда[л'], уго[л'] и под.).

Минимальное количество интерферентных явлений отмечалось у школьников и студентов с русским языком обучения. Так, у азербайджанских школьников с русским языком обучения при реализации русских фонем <т> и <л> отмечено 91,6% отклонений от русской нормы, но из них лишь 25% составляют случаи мягкого произношения конечных согласных после переднерядных гласных (т.е. типа значи[т'], ми[л']), в 66,6% отмечен полумягкий звук (хото[л'], све[т'] и под.). В позиции после передних гласных отклонений в произношении фонем [т'] и [л'] лишь 78%, причем твердое произношение (меда[л'], пу[т'], чита[т'] и под.) составляет лишь 15%.

5. Следует отметить, что среди информантов не было ни одного азербайджанца-билингва, в речи которого полностью отсутствовала бы интерференция в произношении твердых и мягких согласных фонем русского языка. Важно отметить и ряд особенностей в ее проявлении. Обычно особое внимание обращают на отклонения в произношении мягких согласных, между тем проведенное исследование показывает не менее широкое, а в некоторых случаях даже более широкое распространение отклонений в произношении конечных твердых согласных после гласных переднего ряда (см. выше).

Отмечаются и случаи усиления интерференции по мере изучения русского языка. В начальный период изучения русского языка азербайджанец еще не умеет произносить согласные с той степенью мягкости, которая характерна для русского языка. Мягкость согласных в РРА на этой стадии владения русским языком является промежуточной между русскими твердыми и мягкими согласными. Такая степень мягкости согласных может быть названа "фонетической мягкостью", которая в известных случаях может восприниматься как твердость (ср. произношение типа [д'ен'], [с'вет'], [з'д'ес'], [п'ит'] и т.п.). В дальнейшем, по мере осознания разницы между азербайджанскими и русскими мягкими согласными, азербайджанец начинает воспроизводить согласные с большей степенью смягчения, но позиционное размещение твердых и мягких согласных осуществляется

им и пока согласно закономерностям родного языка: после гласных переднего ряда – мягкие согласные, после непередних – твердые. Так появляется произношение конечных сочетаний типа <ит>, <ет>, как [ит'], [ет'] и т.п. Ср.: ходи/[т']/, све/[т']/, с эти/[м']/, пять ле/[т']/ и т.п. Отклонения такого типа оказываются очень устойчивыми.

Сложные особенности проявления интерференции в произношении твердых и мягких согласных в РРА свидетельствуют о необходимости более тщательного изучения различных фактов проявления интерференции, ее социальной и лингвистической обусловленности (наши наблюдения, например, показали независимость интерференции от характера согласного во всех случаях, кроме шипящих согласных). Материал показывает, что для успешного преодоления интерференции в русской речи народов СССР необходимо ее тщательное изучение.

Литература

1. Хауген Э. Языковой контакт. – В кн.: Новое в лингвистике. М., 1972, вып. 6, с. 72.
2. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Наука, 1960, с. 59.
3. Мамедов Р. Фонетическая интерференция в русской речи азербайджанцев (функционирование признаков твердости-мягкости согласных и ряда образования гласных в звуковых системах русского и азербайджанского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 23 с.; Асланов Г.Н. О культуре русской речи в Азербайджане. – Вopr. языкознания, 1981, № 6, с. 80–86.

Саратовский государственный университет

Э. Керимов

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительно-типологическое изучение языков, особенно русского и национальных языков СССР, приобретает сейчас особо

важное значение как в плане уяснения их специфики, так и в процессе работы над повышением уровня общего образования.

Побудительные высказывания, обладающие своеобразной структурой, очень частотны в речи. Этот тип предложений употребляется во всех стилях литературного языка, особенно в разговорной речи.

Несмотря на это, побудительные высказывания в азербайджанской лингвистике изучены недостаточно. Исследованы лишь отдельные особенности побудительных предложений. Сопоставительных же работ, касающихся специфики данного типа высказываний в азербайджанском и русском языке, нет. Главными причинами являются недостаточная изученность разговорной речи, в которой высказывания, обозначающие побуждения и имеющие самые разнообразные оттенки значений, могут функционировать в самых различных видах, а также недостаточный уровень исследования интонации побудительных предложений, которая выступает в тесной связи с лексико-грамматическими средствами, взаимодействуя с ними.

Нами было проведено сопоставительное изучение побудительных высказываний русского и азербайджанского языков. Исследовались различные способы и формы выражения побудительных значений (главным образом на материале разговорной речи), а также роль интонации в побудительных высказываниях в русском и азербайджанском языках.

Отобранные средства побуждения были проверены на основе массового аудиторского эксперимента, в котором участвовало 184 человека. Затем был проведен осциллографический анализ некоторых азербайджанских и русских средств побуждения, выявивший их акустические признаки.

Анализ собранного материала и результаты проведенных аудиторского и акустического экспериментов позволяют сделать несколько общих и частных выводов.

По своей сути средства побуждения тесно связаны с экстралингвистическими аспектами человеческой деятельности, и это само по себе определяет универсальность данного типа высказываний. Поэтому русский и азербайджанский языки (как предмет исследования) тождественны, потому что:

I. В обоих языках существуют одни и те же типы побуждений: просьба, призыв, требование, приказ и т.д.

2. Побудительные высказывания в обоих языках требуют обязательного наличия субъекта и объекта побуждения.

3. Побудительные высказывания как в русском, так и в азербайджанском языках передают определенное сообщение и побуждают к какому-либо действию.

4. В передаче значения побуждения тут и там, кроме лингвистических, обычно используются и паралингвистические средства общения.

Языковые способы и средства выражения значения побуждения в русском и азербайджанском языках имеют общие черты на всех языковых уровнях (на лексическом, морфологическом, синтаксическом, интонационном) в наборе средств побуждения, в функционировании одинаковых средств, а также в их сочетаемости.

Как показал анализ, лексико-грамматические средства в русском и азербайджанском языках похожи, существует много одинаковых синтаксических единиц, в равной мере передающих побудительное значение в этих языках. Так, в обоих языках наиболее важным побудительным средством является повелительный глагол в форме II лица. Кроме того, в обоих языках могут использоваться для этой же цели глаголы со значением совместного действия, глаголы изъявительного и условного наклонений. Кроме того, как в русском, так и в азербайджанском языке побудительное значение может быть выражено с помощью "непобудительных" грамматических форм, например, при помощи предложений повествовательных и вопросительных. В обоих языках сильное побудительное значение при определенных условиях (наличие контекста, ситуации, выразительной интонации) может передаваться при помощи самых разнообразных лексико-грамматических форм - обращений, частиц, междометий, вокативов, релятивов, различных вводных слов, словосочетаний и даже предложений и т.д.

В обоих языках преобладающую роль для выражения значения побуждения играет интонация, которая, выступая в самых разных вариантах, может дифференцировать омонимичные высказывания.

И в русском, и в азербайджанском языках интонация находится в теснейшей связи с лексико-грамматическими побудительными средствами, а также с определенной ситуацией. Причем, как правило, в обоих языках действует "принцип замены" А.М. Пешковско-го, согласно которому побудительным средствам с сильным лексико-

ческим оформлением соответствует интонация, близкая к нейтральной, и, наоборот, для передачи побудительного значения средней или высокой экспрессивности лексически недостаточным средствам сопутствует всегда более выразительная интонация.

Кроме того, в процессе экспериментов удалось выяснить, что и в русском, и в азербайджанском языке при сопровождении лексически сильных побудительных средств и ярко выраженной побудительной интонации экспрессивность побудительного значения, как правило, усиливается.

Но несмотря на наличие в русском и азербайджанском языках единых универсальных средств и приемов выражения побуждения, есть в них и определенные различия: 1) в составе побудительных единиц, 2) в их функционировании, 3) в сочетаемости разнообразных побудительных средств.

Различия в составе побудительных средств в этих языках отмечаются как в лексико-грамматических, так и в интонационных формах выражения.

Так, в русском языке встретилось гораздо больше незначательных средств, способных выражать побудительное значение — частицы, междометия, релятивы и т.д. Огромное количество таких средств (брысь, шпась, дуй, вали, вон и т.п.) не имеют соответствующих эквивалентов в азербайджанском языке, в котором, в свою очередь, гораздо более сильное значение побудительности могут выражать обращения, особенно при наличии немногих, но интонационно очень выразительных частиц (ај, гә, ди). Для азербайджанского языка неспецифичен плавный спад интонации в конце фраз, возможный в русском языке, но вместе с тем в конце некоторых побудительных предложений с частицами усиливающего характера и в вопросительных предложениях (с побудительным значением) в азербайджанском языке характерен очень плавный и крутой подъем тона, который, сопровождая русские лексические единицы, является признаком азербайджанского акцента.

В азербайджанском языке возможен специфичный для всей тюркской семьи языков ряд синтаксических форм и конструкций, не свойственных русскому языку. Например, использование формы глагола III лица для передачи непосредственного повеления, обращенного ко II лицу; различные синтаксические конструкции вводного характера, усиливающие побуждение и переводимые на русский язык

в основном для передачи национального колорита, поскольку в русском языке такие обороты речи не употребляются (например: Да перейдут на меня твои болезни, да построит аллах твой дом и т.д.). В то же время в русской речи есть большое количество таких вводных конструкций с побудительным значением, которые по той же причине переводятся на азербайджанский язык либо по общему смыслу, либо частично /будь другом, сделай милость, сделай одолжение и т.п./.

Были выявлены различия в функционировании побудительных средств русского и азербайджанского языков. Например, анализ показал, что незначительные побудительные средства с присущей им интонацией оцениваются носителями азербайджанского языка как диалектные или просторечные. В то время как в русском языке подобные побудительные средства широко употребительны в литературной разговорной речи.

Различие в функционировании побудительных средств в двух языках проявилось также в разной степени использования одинаковых или сходных средств побуждения. Так, азербайджанские обращения ветэн ґаш, јолґаш, ґост, означающие гражданин, товарищ, друг, очень редко используются в азербайджанском языке, где в свою очередь очень частотны обращения неофициального характера, применяемые и к совершенно незнакомым лицам, например, гарґаш, баґы, хала – брат, сестра, тетя и т.д.

Не менее важное различие обнаружено в сочетаемости побудительных единиц в этих языках. Здесь нужно отметить, во-первых, более тесную связь различных побудительных средств (обращений, глаголов повелительного наклонения, глаголов со значением совместного действия и т.д.) с усилительными побудительными частицами, особенно двумя из них – ај, ґә, первая из которых почти всегда сопровождает обращение, смягчая либо усиливая степень побуждения, а вторая всегда стоит в конце высказываний после глаголов. Как показали эксперименты, интонационная нагрузка этих частиц не меньше, а иногда даже больше, чем в лексически значимой части побудительного высказывания.

Проведенные эксперименты позволили выявить также различия в акустических характеристиках сходных для русского и азербайджанского языков.

Все это требует тщательного исследования совокупности всех

лексико-грамматических и интонационных особенностей побудительных высказываний русского и азербайджанского языков, изучения всех причин и интерференции, вызванных различиями в этих языках. Это даст возможность разработать комплекс упражнений, направленных на отработку интонации неродного языка, исправление имеющегося акцента, точной стилистической характеристики средств побуждения, что обеспечит их правильное использование.

Такая работа существенна в научно-сопоставительном изучении языков и в решении задач практического характера.

Саратовский государственный университет

В.М.Тобурокова

УСТНАЯ РУССКАЯ РЕЧЬ ЯКУТОВ (на материале устной речи медицинских работников)

Взаимоотношения русского и якутского языков имеют более чем трехсотлетнюю традицию. Это связано с тем, что заселение русскими нынешней территории Якутии проходило еще в 17-18 вв. Велика в этом роль и политических ссыльных. По данным П.А. Слепцова, еще до революции в якутском языке насчитывалось более трех тысяч заимствований из русского языка /1/.

Особенно широко распространен русский язык по всей территории Якутии в наши дни. "В настоящее время почти все население республики, за исключением некоторой части старшего поколения и детей-дошкольников, в той или иной мере владеет русским языком" /2/.

По данным переписи населения 1979 г. свободно владеет русским языком более половины якутов - 55,6%. В процессе взаимодействия русского и якутского языков происходит их взаимообогащение, при котором особенно большое значение имеют "факты усвоения из русского языка сотен и тысяч русских и интернациональных слов и терминов, образование в многочисленных национальных языках значительного пласта общей лексики" /3/.

Якутский язык в свою очередь тоже оказывает влияние на русский. Можно предположить, что это влияние больше ощущается в разговорной форме литературного языка /4/.

В данной статье мы рассматриваем некоторые особенности уст-

ной речи медиков г. Якутска. Наши информанты, в основном, люди с высшим или средним специальным образованием. Многие из них кончили мединституты за пределами Якутии. Большинство родилось и выросло в городе, где чаще звучит якутская речь. Все медики-якуты — билингвы, поскольку нельзя овладеть данной специальностью без посредства русского языка. Своей оригинальной научной медицинской литературы у якутов почти нет, а в переведенной на якутский язык научной медицинской литературе большинство терминов перенимается из русского языка. Так, в якутский язык вошли почти без всяких изменений названия лекарств: антибиотики, вакцина, лейкопластырь, скипидар и др.; медицинских принадлежностей: аптечка, градусник, пипетка и др.; учреждений, специальностей: амбулатория, акушерка, диспансер, медсестра, регистратура, окулист и др.; болезней: ангина, бронхит, гипертония, дизентерия, радикулит и т.д. /5/.

В зафиксированных в нашем материале ситуациях беседуют якуты и русские. Ситуации имеют официальный и неофициальный характер /6/. Разговор во всех этих случаях идет по-русски.

В русской речи якутов дает о себе знать мелодика якутской речи (в якутском языке явно чувствуются элементы музыкального ударения), свойственное якутскому языку противопоставление гласных по долготе и краткости и другие фонетические явления. Если снять эти фонетические особенности, некоторый акцент, то в машинописной записи перед нами обычная русская разговорная речь, так что невозможно узнать национальность говорящих. Например, разговор в операционной: (I — Муж., 30 лет, врач, якут; 2 — муж., 40 лет, врач, к.м.н., якут): 2 — Кровит. Черт знает что! I — Кровит, да? 2 — Посмотри Ерофееву ... (Пауза). I — Очень много ларингитов появилось что-то в последнее время. 2 — Чего — чего? I — Ларингитов. 2 — А, ларингитов, да. I — И бронхитов после интубации. 2 — Свертываемость все-таки была увеличена. I — Да. 2 — Шесть ... I — Кровит ...

Из записи обхода больных (I — муж., 40 лет, врач, к.м.н., якут; 2 — жен., 38 лет, якутка):

I — Собираетесь домой, да? 2 — Ну. I — Не знаю, ничего не могу вам сказать (смех) насчет пятого числа. 2 — Настроен ... I — Настроены, да? 2 — Курс кончился, да? I — Лечения? Да? ... Ну вообще-то сейчас же пенициллин вам курс идет, он должен где-то десять-четырнадцать дней, да? 2 — Ну. I — А потом переводят

на бициллин. 2 - А сейчас сколько ... дней десять. I - Нет. Ну, считайте ... Вы поступили какого числа-то? 2 - Двдцатого. I - Двдцатого, да? Сегодня двадцать седьмое. Семь дней.

Во всех случаях общения якутов с русскими звучит русская речь. Но и при общении якутов с якутами в официальной обстановке (обход больных, прием больных, разговоры в операционной и т. д.), в основном, используется русский язык.

Так, во время обхода больных в кардиологическом отделении примерно в течение двух часов звучания магнитофонной записи врач-якутка ни разу не перешла на якутский, хотя среди ее пациентов трое якутов. Даже на вопрос вошедшего врача: "Лена туох дмирий?" ("Что говорит Лена?") - она отвечает: "Сейчас мм ..." (прзбр.) - Вошедший тоже переходит на русский: "А-а. Сейчас нет, все ... кончилось". Никаких заметных речевых ошибок в данной записи не встретилось. Обращает на себя внимание лишь чрезмерное употребление лечащим врачом частицы "да" чаще в конце фразы:

Так, хорошо все, да? По полтаблеточки принимаете, да?

Сегодня и вчера, да? Сегодня одну половиночку? Да?

(Примерно 7-8 раз используется данная частица на одной странице машинописи). Довольно частое использование этой частицы встречается и в речи якутов не медиков, причем частица сохраняет якутскую огласовку.

Ты переписываешь дуо? заново? (студентка). Ну что, знаешь дуо? (студентка). Эстетическое воспитание, даа? (преподаватель) После праздника вся библиотека захромала дуо? (библиотекарь).

В материалах записей речи медиков, русских по национальности, такого количества данной частицы не встречается /7/. К сожалению, в этих записях нет ситуации обхода больных. Так обильно частица "да" не представлена и в записях других центров изучения русского разговорного языка /8/. Возможно, это чисто профессиональное контакто-устанавливающее средство; возможно, местная особенность разговорной речи, независимо от профессии, стремление выделить, подчеркнуть рему высказывания при пропуске томы: Незначительные, да? Началось, да? Проходит, да? Бегаешь, да?

На особую роль частиц и им подобных слов указывает Н.А. Прокуровская /9/.

В записи обхода больных была возможность перейти на якутский язык, но сказались, как нам кажется, рамки официальности.

Вероятно, не было и необходимости разъяснять те или иные медицинские термины, так как все трое больные якуты – люди с высшим образованием (двое – врачи). Кроме того, в любой речевой ситуации в присутствии не владеющего якутским языком русского (да и представителя любой другой нации) якуты-билингвы из соображений этики часто разговор ведут на русском языке.

Прием в детской поликлинике ведут врач и сестра якуты. На приеме девять русских и шесть якутов. В течение приема врач только один раз переходит на якутский (в обращении к медсестре в присутствии русской пациентки), причем часть фразы произнесена по-русски: „Ты маме напиши справочку, восемнадцаттан суруйаар (с восемнадцатого напиши)“.

Хотя среди пациентов почти половина якутов, только одна женщина ведет диалог, в основном, по-якутски (В – врач, М – мать больного ребенка):

В – Что случилось? М – Туга ыалдыбыт быыһылаах, ангината ыалдыбыт (что у него заболело, ангиной заболел). Всю ночь не спал. Температура. Кашляет немножко. В – Что-то нет у него. Какая температура была? М – Отут абыс, шесть было (38,6 было). В – Ира, градусник у нас есть? М – Фельдшербыт биһиэхэ туох биэрбите (наш фельдшер нам вот дала. Лорга (к лору). Учетка инин туруордубут диэбитэ (на учет мы поставили сказала). Все нормально, да? В – Нормально. Ребенок у вас практически здоров. М – Уонна фурацилин айабар (и фурацилин в рот)? В – Возможно, у него гнойная ангина была. Щас к лору врачу пойдете.

Грубых нарушений норм литературной разговорной речи в репликах врача мы не наблюдаем. Нет случаев перехода на якутский язык и при обсуждении графика дежурств в диалоге врача-якута с русской медсестрой. Исключением является использование якутского междометия "эс", выражающего досаду.

При разборе некоторых операций на конференции, которую проводит зав. отделением, якут, нет грубых нарушений норм русской речи, но встретилось три случая перехода на якутский язык.

Как показывает материал, в официальном общении медиков, в основном, звучит правильная русская речь, за исключением небольшого количества речевых ошибок и отдельных случаев перехода на якутский язык.

Итак, русская речь медиков-якутов в официальной обстановке – это русская речь с отдельными ошибками и якутскими вкраплениями

ями, речь почти свободная от интерференции.

Рассмотрим разговорную речь медиков в неофициальной обстановке. В записи "В доме К." разговор ведется только по-русски, так как из трех беседующих врачей только один якут. Русским языком он владеет свободно, но нарушения норм русской литературной речи у него все же встречается, например: А где он ездил? (вместо куда?). Хотя подобные нарушения могут встретиться в диалектной речи русских, нам кажется все же, что это одна из типичных ошибок якутов, которая происходит потому, что в якутском языке наречие "ханна" имеет значение "куда" и "где".

Есть в его речи и характерные для якутов ошибки на использование предлогов. Отмечается пропуск предлогов. (Там был такой стержень такой острым концом; Отпуск выгнали; Хоть опозданием приду; Сейчас уже поправке идет). Или неправильный их выбор (В углу проспекта Ленина и Курашова; У меня друг обратился; т.е. ко мне обратился). Наблюдались ошибки на согласование в роде (Увидела его, так говорит: ага, с нею, говорит, не пропадешь, говорит, в Москве) и числе (Ну что-то он витамин Бэ-один, Бэ-два назначал; В общем, он говорит, давай кишки мне показывайте).

Встречаются негладкие конструкции, связанные с затруднением в выражении той или иной мысли: "Раз мало что он капризничает; Есть некоторые жены, которые не могут доказать своего ребенка; Просто бициллин надо утром-вечером." Но подобное встречается и в разговорной речи русских /Ю/.

В неофициальной ситуации отмечается больше вкраплений якутских выражений в русскую речь, но это чаще всего незначительная лексика междометного характера:

Айыкка, я домой пойду. Оссо учугэй, сколько можно ждать. (Еще лучше). Оо дьэ эрэйин, опыт читать надо. (Что за мучение). Маньчжурский вальс да ити? (Это?). Один вопрос написала, соп? (Ладно?). Один раз в магазин ходила, один раз на свадьбу уонна буттэ. (И все).

Таким образом, почти все официальное общение медиков-якутов проходит на русском языке. Следы якутского языка сильнее проявляются в неофициальной обстановке. В этом отношении речь медиков отличается от речи немедиков, в частности филологов, которые часто и свое официальное общение ведут на родном языке. Это и понятно: труды филологов часто печатаются на якутском языке, образование многие получили на якутском отделении Якутского гос-

Литература и примечания

1. См.: Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дооктябрьский период). - Якутск, 1965. - 196 с.
2. Самсонов Н.Г. Соотношение социальных функций языков аборигенов Якутии и русского языка. - В кн.: Язык и общество. Саратов, 1978, вып. 5, с. 147.
3. Исаев М.И. Панорама языковой жизни народов СССР. - В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 23.
4. Сиротинина О.Б. Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы). - В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969, с. 389.
5. См.: Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). - М.: Наука, 1975, с. 164-165.
6. Нами записывалась на магнитофон речь в ситуациях: "В доме врачей К." - более 5500 словоупотреблений (далее сокр. - СУ) "Обход больных в кардиологическом отделении" - 5100 СУ, несколько записей "В ординаторской" - около 1200 СУ, записи "На операции", "В операционной", "Разбор операции" - 300 СУ, "Консультация травматолога в неврологическом отделении" - 180 СУ, "В кабинете врача" - 240 СУ. "Прием больных в детской поликлинике" - 1340 СУ, "Конференция врачей в детской поликлинике" - 890 СУ и др.
7. Использовались записи, хранящиеся в кабинете русского языка Саратовского государственного университета.
8. См.: Русская разговорная речь: Тексты. - М.: Наука, 1978. - 308 с
9. Прокуровская Н.А. Незнаменательная лексика в русской разговорной речи (состав и функции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1977, с. 12.
10. Русская разговорная речь: Тексты. - М.: Наука, 1978, с. 186, 188, 191. А - Ты ходила через пень колоду // И то когда я уже ... не знаю // уже выхода не было / когда я была ле ... года четыре / и пять (было К.) вот что-то где-то в этом (роде?) // - Б - А до этого? - А такая болявья // Все время и ... (с. 186). А - Что тут такое? Надо было это ... Мне тоже не ... Соб-

ственно говоря ... (с. 188). Б - Что? А - Много всяких ...
всяких вот всяких (о пакетах) (с. 191).

К сожалению, во многих записях русской разговорной речи в "Текстах" нет указания на профессию говорящего.

Якутский государственный университет

А.Т. Колганова

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ СМЕШАННЫХ РУССКО- УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ КАЛМЫКИИ

Вопросы формирования русских народных говоров на территориях позднего заселения привлекают к себе все большее внимание исследователей. Заселение данных территорий происходило в разное время и разными путями, переселенцы были выходцами из различных районов и в новых местах оказывались далеко не в одинаковых условиях. Все это не могло не вызвать значительных расхождений в развитии говоров на новых территориях. В то же время складывается и ряд общих закономерностей в образовании и развитии говоров. Прежде всего, это говоры вторичного образования, и их формирование разворачивается уже на базе сложившихся диалектных систем, основа которых существенно отличается от той, с которой начинается развитие говоров на новом месте. Часто формирование говоров территорий позднего заселения разворачивается в условиях интенсивных междиалектных и межъязыковых контактов.

Экстралингвистические факторы, влияющие на формирование говоров территорий позднего заселения, отличаются разнообразием и в ряде случаев оказывают на формирование говоров большее влияние, чем то, которое отмечается на исконных территориях. И наконец, формирование вторичных говоров происходит в сравнительно поздний период, когда влияние литературного языка, естественно, оказывается более значительным.

Все указанные факторы сопутствуют развитию лексической системы смешанного русско-украинского говора на территории Калмыкии. Данная диалектная лексическая система сформирована в своеобразных условиях взаимодействия трех национальных языков (русского, калмыцкого, украинского) и дает интересный материал для изучения истории языкового контактирования, а также современного

состояния лексических систем этих языков.

Диалектная лексика смешанных русско-украинских говоров Калмыкии еще не собрана полностью, письменно не зафиксирована, отсутствует какое-либо системное ее описание. Имеющиеся единичные статьи представляют собой лишь начало большой и сложной работы по изучению диалектных особенностей, характеризующих смешанные говоры на территории Калмыкии /2, с. 77, 3, с. 89/.

Вопрос об украинских заимствованиях в говорах Калмыкии до сих пор специально не рассматривался и поэтому представляет научный интерес в плане лексической интерференции двух близкородственных языков.

Устную речь смешанных говоров в западном регионе Калмыкии (Городовиковский и Яшалтинский районы) характеризует обилие украинизмов, появившихся в результате первоначального заселения в прошлом веке данной территории носителями разных диалектов украинского языка. С течением времени они смешивались с постоянно прибывающим русским населением.

Процесс складывания смешанного русско-украинского говора протекал неравномерно. Сначала двуязычными становились группы переселенцев, активно общавшихся с внешней средой. Хранителями же традиционных норм украинского диалекта оставались пожилые люди. Лишь постепенно лексика, усвоенная билингвами, получала распространение среди монолингвов. Если вначале билингвизм был индивидуальным и затем групповым, то в настоящее время он получил массовое распространение и является ситуативным. Этот этап в формировании билингвизма можно считать свидетельством появления новой диалектной системы смешанного типа. В языковом контакте, таким образом, участвовали две языковые системы: общерусский вариант русского языка или его диалект и диалект украинского языка. Украинский литературный язык был исключен из контакта, так как диалекты данной территории давно и полностью изолированы от его влияния. В настоящее время продолжают активно контактировать русский литературный язык и смешанный русско-украинский диалект. Заметим, что все эти процессы протекают в условиях постоянного взаимодействия с неродственным калмыцким языком, давшим диалекту определенное количество заимствований.

Таким образом, в смешанном русско-украинском говоре, существующем в настоящее время на территории Калмыкии, одни украинские черты утрачены под влиянием совместного действия русских говоров

и литературного языка и, наоборот, остаются устойчивыми другие, совпадающие в русском и украинском языках. Схематично общие условия формирования смешанного русско-украинского диалекта можно представить следующим образом:

<u>Контактирующие системы:</u>		<u>Результат:</u>
украинский диалект	русские говоры	} смешанный } русско-украин- } ский диалект
	русский литературный язык	
	калмыцкий язык	

Большинство слов исследуемого диалекта в процессе становления его лексической системы испытало целый ряд влияний, и поэтому часто трудно определить основу их территориальной принадлежности. Если одни слова проникли в русские говоры из украинского языка и имеют явные признаки в звуковом облике (переход [о] в закрытом слове в [ы] - рылля, скрызъ; отсутствие смягчения перед переднеязычными гласными - трэба, рушник, нэма; наличие лабиализованного [ы] - булы, буты; наличие фарингального [у]рбуз, уарный), то другие имеются как в украинском языке, так и в русских говорах и восходят к общеславянской и древнерусской лексике (вехоть, ятровка, прискрынок, ополоник, швачка). Их украинская огласовка не всегда отчетлива /4, с. 189/.

В условиях, когда на одной территории с очень смешанным населением сталкиваются разносистемные лексические единицы, происходит интенсивное взаимодействие как внутри, так и между ними и литературным языком. На территории западного региона Калмыкии слова, ранее принадлежавшие разным языкам, оказались в пределах одной диалектной системы. Однако в настоящее время носителями диалекта не всегда осознается их пришлая разносистемность. В смешанном говоре наблюдается большое количество параллелей - русских эквивалентов к существующим в диалекте украинским словам (добро-хорошо, бурак-свекла, кавун-арбуз, поганый-плохой, ялопец-парень, шукать-искать).

В дальнейшем происходит снижение активности и вытеснение пассивный запас украинских параллелей. Это объясняется, очевидно, нивелирующим влиянием русского литературного языка.

Нельзя не согласиться с мыслью проф. Бараниковой Л.И. о том, что "в изменении диалектных лексических систем отчетливо выступает и их своеобразие. <...> Лексические системы не просто усваивают элементы, пришедшие извне, но, откликаясь на эти

элементы, перестраиваются, развивая новое в словах и соотношении слов. При этом конкретное проявление нового в разных диалектных системах оказывается различным, то есть утрачиваются и появляются вновь разные слова, складываются разные дублетные пары, по-разному развиваются в них синонимические отношения, изменяется значение разных слов и опять-таки по-разному" /1, с. 121/.

Несмотря на то, что исследуемый диалект находится в состоянии непрерывного интенсивного взаимодействия с русским литературным языком, результатом чего является постепенная утрата местных диалектных особенностей, украинские лексемы все еще прочно сохраняются. Сближение местного говора с литературным языком не носит характера сдвига, ломки - это постепенное накопление элементов нового качества и постепенное отмирание старых элементов.

Украинская основа диалекта ясно ощущается, так как эти слова называют многие основные жизненные реалии. Они именуют:

а) предметы быта:

Бушныца - посудина для кипячения белья в виде круглого металлического бака (Мы белье кипятим у бушныцы).

Вырганка - простыня из грубого полотна, из рядна, из отходов пряжи (Высной вырганкой накрыцца и спыть).

Капысточка - мешалка для теста (Капысточка у мэнэ покупная).

Козырь - черенок лопаты (Онадысь у мэнэ козырь у лопаты зламывся).

Лыжнык - одеяло ручной работы из овечьей шерсти (Лыжныкы сичас пырвылысь).

Торцы - специальный настил в доме, полати (В хати торцы стоять, диты сплять там).

Хряптух - рядно, используемое специально для носки соломы (В хряптухы много соломы унысесь);

б) факты, связанные с особенностями хозяйственной деятельности людей:

Воловнык - рабочий, ухаживающий за волами, пастух волов (Дэ муж? Кажу, у бригади воловныком).

Гарбычка - кухарка, стряпуха (У бригади гарбычкой робыла).

Загата - широкая стена (до 4 м) из перегнившей соломы, выложенная либо в форме квадрата, либо в форме круга с проходом для загона скота (Стара загата стала, надо ей латать).

Зато́нык - место, загон, куда загоняют овец на ночлег (Овцы спять у затоныку).

Липцы, липэныкы - кизяк (Липэныкы по двору збыралы. Липцы у бабкы склажны).

Исты́к - палка, которой очищают плуг от налипшей земли (Мэ-нэ в дицтви истыком былы).

Кагата - куча пшеницы, ржи, соли и т.п. (Люды видусиль жихалы за солью, кагаты таки стоялы);

в) окружающие природные условия:

Бухун - балка в засушливой степи, где можно косить сено (На бухуну раз косылы).

Грыбыньчук - засохшие стебли различных растений, сгребаемые в кучу и используемые для топки печи в степных местностях (Топылы грыбыньчуком, дров ны було).

Шпычак - молодой камыш (За шпычаком далэко ходылы за село); г) обычаи:

Гэльцэ - палка или пышная сосновая ветка, украшенная цветами, которая ставится перед молодоженами на свадьбе. Перед ним - каравай (Бачь який гэльцэ зробылы).

Кузьмаркы - детская игра, прятки.

Крымняшкы - детская игра с камушками (подкидывают и ловят). (Дитмы булы гулялы в крымняшкы, кузьмаркы, в панасэ гулялы);

д) многие служебные слова, которые устойчиво сохраняются в речи:

Абэ - если (Абэ ж оно було вчэра, а то ой-ёй скика врэмя прошло).

Абы - лишь бы (Абы войны ни було, жизнь хорошая).

Але - но (Заходили немцы у войну, але довго ны булы).

Або - или (На другой дэнь сходютца сваты, здоровайтца з молодымы через зависку, або хусточку).

Ать - но (Мы стали разворачивать обратно, ать було уже поздно).

Бо - так как, потому что, ибо (Як погыб вин, я ны бачив, бо мэне вже отозвалы з дывызии).

Вже - уже (Вже врэмя на работу).

Коло - около (Диты играть коло двору).

Нэхай - пусть (Нэхай живуть лучше, бо нам досталось усэго).

Та - да (Та шо ты кажышь?).

Хиба - разве (Хиба ж цэ можно?).

Цэ - это (Цэ мий чоловик).

Чи - или, ли, разве (Чи вин був?).

Як - как (Як тэбэ звуть?).

Взаимодействие диалектов различного типа, а также влияние на них литературного языка способствует тому, что в лексической системе смешанного говора функционируют как равноправные члены разносистемные лексические единицы. Это слова, известные украинскому литературному языку (кагата, абы, кузьмирки, истык), диалектам украинского (загата, гэльеце, вырганка, бухун) и русского (kozyрь, капысточка) языков.

Их функциональное единство с течением времени привело к лексической интерференции, изменению значения отдельных слов. Так, слово гарбычка в украинском литературном языке толкуется как уменьшительное от гарба - телега особого вида /5, с. 30/. В описываемом диалекте оно также производное от гарба, но налицо перенос наименования по смежности.

Гарбычка - женщина-стряпуха, кухарка в полевых условиях, в бригаде, за ней постоянно закреплена повозка с лошастью для доставки продуктов в поле.

Затбнык - место для овец, коров, куда загоняют (заточают) скот на ночь.

В украинском литературном языке, как и в русском, есть слово затон с совершенно иным значением: 1) место, затопленное водой реки, или спокойный тихий залив; 2) специально отгороженное от течения и ледохода место, приспособленное для ремонта судов.

Бушныца - в украинском диалекте (черниговском) - это долбленая кадка (внутри нее раскаленные камни), бочка без дна или с дырами, чтобы вода, которую наливают, вытекала, а пар прокалил положенное на решетку белье. (В бушныцах белье жлуктють).

В нашем диалекте бушныца - посуда в виде круглого металлического бака для кипячения белья.

Ушел из жизни способ, которым в старину выпаривали белье, и перестал существовать предмет, однако слово сохранилось в говоре, но получило иной смысл.

Под влиянием экстралингвистических факторов возникли некоторые слова в самом говоре. Например, жаркий, сухой климат полудц стынъ, отсутствие лесов заставили местных жителей использовать для отопления подручный материал: сухую ботву, стебли травы. Все это тщательно сгребалось, отсюда грыбыньчук.

Некоторые слова изменили свое грамматическое значение под влиянием говора. Так, слово "кагат" в украинском литературном языке мужского рода, смысл его также отражает окружающую жизнь.

Кагат - большая куча продуктов растениеводства - картофеля, свеклы, специально уложенная и покрытая соломой, землей для длительного хранения.

В нашем диалекте слово относится к женскому роду. Его лексическое значение гораздо шире: любая куча, в которой хранятся припасы (соль, пшеница, рожь и т.п.).

Изменения, происшедшие в быту советского села, повлекли за собой прежде всего перестройку бытовой лексики диалекта. Наиболее проникаемыми оказались сферы, связанные с названиями одежды, продуктов питания, орудий производства. Многие из таких наименований устарели, перешли в пассивный запас (заниска - передник, фартук; курники - пирожки с курятиной; узвар - компот; гарба - телега). Более устойчивыми в лексической системе диалекта оказались названия отдельных качеств (долгий - длинный, лихой - злой, поганий - нехороший, любый - приятный, негожий - больной, слабый).

Основной путь сближения данного диалекта с литературным языком - параллельное сосуществование диалектного и литературного названий, а затем постепенное вытеснение местного синонима из активного словаря (бадражаны - помидоры, млын - мельница, бабки - старушки).

Литература

1. Баранникова Л.И. Русские говоры в советский период. - Саратов: СГУ, 1967, с. 121.
2. Войлошникова А.Т. Лексика говора с. Соленого Калмыцкой АССР. - В кн.: Русский язык в условиях билингвизма. Элиста, 1981, с. 77-81.
3. Житников В.Ф. Наблюдения над лексикой русских говоров КАСССР. - В кн.: Русский язык в калмыцкой языковой среде. Элиста, 1976, с. 89-97.
4. Житников В.Ф. Этимологические заметки. - В кн.: Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М., 1976, с. 189-199

Калмыцкий государственный университет

Л.В. Лаврова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ ДВУХ ГОВОРОВ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Исследуемый нами говор села Рудня Краснокутского района Саратовской области относится к числу островных, территориально изолированных говоров, носители его являются выходцами из юго-восточных районов Украины. Украинцы в Заволжье образуют довольно обширный переселенческий массив, образование которого было связано с началом разработки соляных промыслов и проходило в несколько этапов /1/.

Для понимания и правильной оценки лингвистического материала важно учитывать как относительную замкнутость украинцев, их стремление сохранить свои обычаи и язык /2/, так и то, что издавна украинцы ... "живут вместе с русскими, но почти никогда с другими народностями" /3/. Даже сегодняшние потомки переселенцев с большой благодарностью вспоминают о той помощи и поддержке, которые оказало их дедам и прадедам русское население, предоставив переселенцам временный кров, помогая в строительстве и домашнем обустройстве.

Постепенно происходит расширение и усиление русско-украинских контактов. В советский период контакты двух разнодиалектных групп охватили практически все сферы жизни - п о л и т и - ч е с к у ю, э к о н о м и ч е с к у ю (русское село Логиновка и украинское Рудня входят в один колхоз им. Щорса), о б р а з о в а т е л ь н у ю (с 1971 года открыты общеколхозная средняя школа и библиотека), к у л ь т у р н у ю (радио, телевидение, в 1976 году начал работать большой дом культуры).

Тесное контактирование языковых систем, как неоднократно отмечалось исследователями, неизбежно приводит к возникновению интерференции, которая проявляется на всех уровнях языка, но по-разному и в разной степени. Всеми отмечается своеобразие лексического (и в частности, лексико-семантического) уровня,

процессы взаимодействия на котором наиболее активны, что обусловлено его коммуникативной значимостью, тесным переплетением и взаимодействием внутрилингвистических и внелингвистических факторов.

Особенно ярко межъязыковые и междиалектные связи проступают в лексико-семантических и тематических группах, связанных с повседневной жизнью носителей диалекта. К таким группам и относятся слова, характеризующие человека. Они представлены в говоре, как и в литературном языке, двумя разнокатегориальными формами – именами прилагательными и именами существительными, причем количество адекватных образований значительно превышает число суффиксальных образований имен существительных.

Не проводя подробного семантического анализа всех слов-характеристик, отметим, что они, обозначая различные по происхождению и социальной значимости свойства личности, образуют, как и в русском и украинском литературных языках, три частных группы наименований индивидуальных (природных), индивидуально-личностных (природно-приобретенных) и личностных (приобретенных) свойств человека /4/.

Интересно проследить как 150-летний контакт украинского и русского говоров при длительном (хотя и разном по интенсивности) влиянии русского литературного языка проявился в лексической наполненности исследуемой группы слов.

Аналізу подвергаються прежде всего соотносимые по корню и значению прилагательные и существительные: горластый – горлан, хвастливый – хвастун и т.п.

Подавляющее большинство таких соотносимых единиц, функционирующих в говоре, являются общеславянскими по происхождению. Особенно характерна общеславянская лексика для обозначений индивидуальных и индивидуально-личностных свойств: при характеристике человека по его внешним физическим особенностям (бородатый – бородач, горбатый – горбун / горбач, заикастый – заика, усатый – усач / усан), при общей внешней характеристике – оценке (красивый – красавец, уродливый – урод, слабый – слабак, сильный – силач); при обозначении волевых свойств человека (храбрый – храбрец, трусливый – трус). Аналогичное положение и в наименованиях личностных свойств, характеризующих человека по его отношению к предметам материального

мира (жадный - жадина/жадога, чистый - чистюля, скупой - скупердяй).

Собственно русская по происхождению лексика входит во все семантические разряды: в подгруппы наименований личностных свойств, характеризующих человека по его отношению к труду и трудовой деятельности (ленивый - лентяй, умелый - умелец); к другим людям (наглый - наглец, капризный - капризник, распутный - распутник).

Также широко представлена и собственно украинская лексика: неслухняний - неслух /неслух/ неслухнянець, брехливий - брехун/брехло, реготливий - реготун, балакливий - балакун и некоторые другие /5/.

Вместе с тем функционирование в говоре украинских однокоренных пар единично. Как правило, украинская лексика представлена в говоре одной из форм: существительным или прилагательным. Украинские образования нередко вступают в отношения дополнительной дистрибуции с русскими по происхождению словами, образуя разнокатегориальные семантические пары: патлатый, но растрёпа, буркотливый/буркливый - ворчун, лисавий - подлиза, трусливый, но боягуз.

Обычно украинская лексика сохраняется и употребляется в говоре в тех случаях, когда в русской (диалектной или литературной) лексической системе нет соответствующего семантического эквивалента. Примеры такого употребления многочисленны: сварливий (человек, который постоянно и со всеми бранится), куций (человек невысокого роста), дотепний, досужий (человек, который много знает и здраво рассуждает), цибаатий (человек с длинными и тонкими ногами или пальцами рук), чепурний (нарядный, чистый, красивый), лепетун (1/тот, кто говорит быстро и долго, 2/говорит невнятно), жежжик (маленький и очень подвижный; обычно о детях) и другие.

В ряде случаев, утраченные говором как самостоятельные единицы, украинские слова продолжают сохраняться и функционировать в составе сложных слов: сивобородий, близькозорий, ласогубий, грошолобий, тогда как слова сивий, ласий и подобные уже не употребляются.

Ср.: "Сивобородий вже и голова фс'а б'ела; голова с'ида, а

ровому нэмá; грошол'убый в'ин, дже жадный до д'ен'ех" (денег, а не грошей).

Оказались устойчивыми и те украинские слова-характеристики, у которых сохранились и активно функционируют в говоре мотивирующие слова. Чаще всего глаголы, такие, как реготать, балакать, пошуриться, лепетать, брехать /6/.

Влиять на сохранность украинских слов-характеристик и степень их понятности окружающим, поскольку, как уже говорилось, украинцы с. Рудня находятся в постоянном и длительном контакте с русскими, и в условиях иноязычного (или инодиалектного) общения роль слова существенно возрастает. Сохраняется без семантических изменений лишь та лексика, которая не затрудняет общения и взаимопонимания между носителями взаимодействующих говоров. В большинстве случаев эта лексика имеет сходство или близость с лексикой окружающего говора, отличаясь фонетическими или словообразовательными особенностями: гулящий, замурзаний, крутлявий, пилксун, неслух. Правильному пониманию слова часто способствует наличие в русском языке однокоренных образований. Ср: цокотун (цокотать), боягуз (бояться) и другие.

Сложность состава группы слов-характеристик усиливается и наличием наряду с лексикой общей с литературным языком лексики собственно диалектной. Правда, в современных условиях выделить и разграничить собственно диалектное и общее с литературным языком очень трудно, также трудно, а подчас даже невозможно, разграничить украинские и русские диалектные элементы.

Можно отметить лишь некоторые украинские диалектные слова, зафиксированные словарем Гринченко /7/ и имеющие помету их территориальной принадлежности: довгоно́сий, настѣрний - настѣра - имеют помету "Харьк. уезд" /7, т. I, с. 22/, балакльвий - балакун - "Черниг. уезд" /7, т. I, с. 24/. Большинство образований - форслывий - форсун, куцый, смькытльвий, сухордявий, реготун - имеют помету "малороссийское".

Аналогично можно выделить лишь некоторые русские диалектные слова, отмеченные словарем Даля /8/ и другими источниками: колготно́й, добычно́й, лапоу́хий, до́шлый, настѣрний и т.п.

Для нас важно то, что все диалектные слова создаются по

словообразовательным моделям, общим с литературным языком, изменение их в значении и употреблении такое же, как и изменение слов, общих с литературным языком.

Очевидно, отдельные диалектные слова создаются и сохраняются в говоре из необходимости заполнить семантическую лакуну, вызванную отсутствием соответствующего с литературным языком слова. Так, *недорослик / недорослок* используется для обозначения человека невысокого роста, *баба́к* - "мужчина, который долго не женится", *смыкты́львий* - "догадливый, сообразительный", *ералашный* - "тот, который беспричинно скандалит, шумит, придирается" и т.д.

Проникновение в украинский говор русских литературных и диалектных слов привело к появлению дублетных образований: *хвальбун - хвастун*, *блызкозорый - близорукий*, *балакльвий - говорливый*, *кыпчатый - курносый*, *кульгавый - храмый*, *брахун - врун*.

Устранение дублетности нередко происходит путем семантической дифференциации дублетных компонентов, которая проявляется прежде всего в сужении или расширении первоначального значения ряда украинских лексем. Так, *гладкий* - в украинском языке имеет значение "тот, который имеет полное тело; выкормленный, сытый" /9, т. I, с. 88/, в говоре с. Рудня слово обычно употребляется лишь при характеристике женщин. Украинское *жевик* - "вертлявый, подвижный человек ..." /9, т. II, с. 517/, в говоре употребляется только по отношению к детям. Такое ограничение в употреблении приводит к сужению значения. Иной процесс отмечен в значении многозначного слова *гарный*. В литературном языке к человеку применимо основное значение слова - "тот, который имеет привлекательную внешность, привлекательные черты лица" /9, т. II, с. 34/; в говоре этим словом характеризуется человек по "общим положительным качествам или особенностям, заслуживающим похвалы" - поведению, отношению к старшим, к труду ..., но только не по чертам лица. Для характеристики черт лица употребляются слова "красивый - некрасивый". Ср.: "Вона на ма́т' пошыбае - круглолиц'а, рус'авая - крас'ива ..." и "Гарный хлопце́": спако́йний, самастай'ел'ний, зда́ровый ... хада́ гарная".

Стремление к устранению дублетности обусловило приобретение украинскими словами дополнительной окраски. Обычно наблюдается усиление оценочности. Так, *нечепура* в говоре

о. Рудня - "женщина, которая никогда за собой не следит, всегда ходит "неприбранная", з а ж ё р а - не только тот, кто много ест, но и с жадностью, неаккуратно

Тенденция к устранению дублетности в некоторых случаях приводит к тому, что украинские лексемы получают в говоре новое семантическое наполнение. Если слово з л ы д е н ь в украинском языке имеет значение: "Человек, который живет в лишениях, недостатках; бедняк" /9, т. 3, с. 591/, то в говоре функционирует в значении "очень жадный человек" - "сн'їга з'имой не выпросиш ..."; щ и р н ы й ("искренний, откровенный") - в говоре употребляется для обозначения поделъчивого, иногда слишком, доброго человека.

Многие дублетные образования сохраняют только смысловую дублетность, отличаясь друг от друга функционально, частотой или сферой употребления, стилистической окраской.

Все сказанное позволяет говорить о наличии в исследуемом говоре синонимических рядов, члены которых различаются по оттенкам значения или особенностям употребления и являются генетически разнородными вариантами /10/. Так, например, т о л с т ы й (вообще о большом по размеру человеке), - с п р а в н ы й (наиболее частотно в говоре) - с о л и д н ы й (чаще о мужчине) - г л а д к ы й (чаще о женщине) - п о л н ы й (1) по отношению к беременной женщине; 2) употребляется, когда стремятся говорить "по-городскому").

Таким образом, анализ лексического состава лексико-семантических групп слов, характеризующих человека, свидетельствует о тесном взаимодействии диалектных систем и влиянии литературного русского языка.

Широкое тесное взаимодействие порождает большое количество синонимических и дублетных рядов, приводит к объединению в синонимических рядах и антонимических парах единиц разных лексических систем.

Интенсивность процесса усиливается для исследуемого материала генетической близостью взаимодействующих систем и активным бытованием в говоре слов анализируемой группы, что усиливает влияние междиалектных и межъязыковых связей.

Однако, несмотря на сильное влияние русского диалекта и русского литературного языка, лексическая система переселенческого говора сохранила многие типично украинские элементы, что

свидетельствует о значительной устойчивости диалектной системы даже на лексическом уровне.

Литература и примечания

1. Северьянова А.А. Заселение Нижнего Поволжья украинцами. - Ист.-краеведческие записки. Волгоград, 1974, вып. 2, с. 85-94; Акимова Т.М. Поволжские чумаки. - Саратов, 1937. - 34 с.
2. Леопольдов А.Ф. Исторические заметки о Самарском крае. - ЖМВД, 1860, с. 60; Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. - Харьков, 1906, с. 14-15.
3. Списки населенных мест Российской империи. Самарская губерния. 1864, с. XXXII.
4. Лаврова Л.В. Семантическая структура прилагательных, характеризующих человека. - Саратов, 1983. - 29 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 12 мая 1983, № 12944.
5. Примеры украинской лексики даются с сохранением украинской графики. В случае необходимости отмечаются лишь основные особенности диалектного произношения.
6. Глагол брехать образует в говоре очень широкое словообразовательное гнездо, в которое входит и диалектное слово б р е х а л о в к а - "место, где собираются мужчины, курят и "брешут".
7. Словарь української мови / Под. ред. Б.Д. Гринченко. - Киев: АН УССР, 1958-1959, тт. I-4.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: Русский язык, 1978-1980, тт. I-4.
9. Словарь української мови. Киев: АН УССР, 1970-1980, тт. I-II.
10. Баранникова Л.И. Вариативность как свойство языковых систем и ее типология. - В кн.: Анализ системы научного знания. Саратов, 1976, с. 146-151.

Саратовский государственный университет

В.И. Колодыко, К.У. Манджиев

ИЗУЧЕНИЕ ФОНЕТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ КАЛМЫЦКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА

В результате осуществления ленинской политики полного рав-

исправляя всех народов СССР, беспрепятственного развития их культур русский язык выполняет основную коммуникативную функцию средства межнационального общения в советском многонациональном государстве /1, 2, 3, 4/. Как известно, одно из центральных мест в советской социалингвистике занимают проблемы контактов языков народов СССР с русским языком, который используется наряду с основным языком коренного населения каждой национальной республики в качестве второго языка. Высокоразвитому социалистическому обществу, по мнению Ф.П. Филина, свойственно гармоническое двуязычие, которое не приводит к ассимиляции какого-либо из языков /5/.

Развитие и распространение калмыцко-русского двуязычия обусловлено почти четырехсотлетними контактами калмыков с русскими, а также тем, что в течение этого длительного периода они находятся преимущественно в русском окружении. По данным последней переписи населения, 90,1% калмыков свободно владеют русским языком или считают его родным; 84,1% калмыков двуязычны, т.е. свободно владеют, кроме родного языка, русским языком /6, с. 129/. Это означает, что практически все наши студенты двуязычны и владеют двумя языками одинаково хорошо. Они с детства приучены говорить как на калмыцком, так и на русском языке с правильной артикуляцией разных звуков. В результате даже различия в фонетических правилах дистрибуции звуков калмыцкого и русского языков практически не вызывают явлений фонетической интерференции. Это можно объяснить высоким уровнем владения русским языком, так как практика показывает, чем выше достигнутый уровень владения вторым языком, тем слабее эффект интерферирующего влияния родного языка.

Неудивительно, что двуязычие как среда, в условиях которой идет обучение третьему (иностранному) языку, привлекает внимание специалистов. При обучении иностранному языку в условиях двуязычия преподаватель сталкивается с иными проблемами, чем при обучении иностранному языку в условиях одноязычия: в процессе обучения надо принимать во внимание взаимодействие трех языковых систем - родного, русского и иностранного языков.

Билингвизм рассматривается как способность человека понимать и производить речь на двух языках, реализуемую в процессе общения. Такая способность в наших условиях владения калмыцким и русским языками является результатом естественного способа овладения языком в языковой среде. Условия овладения английским язы-

ком, несмотря на то, что оно происходит в результате направленного обучения в аудитории и под руководством преподавателя, пытающегося создать языковую среду, отличается от условий овладения русским языком.

Рассматривая процесс овладения русским языком как процесс создания естественного билингвизма, мы считаем, что при овладении русским языком сначала происходит накопление и автоматизация языкового материала, а потом осознание языка как системы. При обучении английскому языку осознание предшествует автоматизации /7/. Подобная точка зрения в отношении психических явлений, связанных с осознанием и автоматизацией при овладении родным и неродным языком принадлежит выдающемуся советскому психологу Л.С. Выготскому и развивается в работах его последователей и учеников.

Нельзя не согласиться с тем, что каждый преподаватель иностранного языка является "творцом билингвизма" /8/. В соответствии с целями и задачами обучения в языковом вузе наши студенты должны достичь высшей ступени искусственного билингвизма - продуктивного владения иностранным (английским) языком /9/. Достижению искусственного продуктивного билингвизма будет в значительной степени способствовать сознательное сопоставление, сравнение трех языковых систем.

Применение сопоставительного принципа ускоряет усвоение языкового материала, способствует более точному и осознанному восприятию его, предупреждает от ошибок, связанных с влиянием тех языков, которыми студенты уже владеют. Опора на известные языки в значительной степени помогает при тождестве языковых явлений, так как легче усваивается материал по аналогии, в случаях же расхождения языковых явлений опора на известные языки предупреждает ошибки, связанные с языковой интерференцией.

Известно, что процесс научения второму языку отличается от процесса научения третьему языку, хотя в обоих случаях они носят совмещенный субординативный характер. И в том и другом случаях языковая система неродного языка испытывает в языковом сознании индивида противодействие языковых привычек родного языка. При обучении же третьему языку его система наталкивается на противодействие не только системы языковых привычек родного языка, но и системы языковых привычек второго языка.

Наличие языковой интерференции заставляет преподавателя

учитывать особенности этих двух известных студенту языков, проникнуть в их природу, грамматический строй, чтобы понять характер ошибок студента и помочь ему избавиться от них.

Поскольку звуковой строй языка обслуживает все области речевой деятельности, фонетика занимает особое место в процессе изучения иностранного языка. При изучении английского языка в условиях калмыцко-русского двуязычия, как, впрочем, и при любом другом типе двуязычия, первой трудностью является иной звуковой строй. В связи с тем, что "распознавание и классификация звуков речи могут быть представлены как соотнесение услышанного с некими существующими в памяти звуковыми единицами, которые можно называть эталонами" /I0/, неизбежно происходит сознательное и бессознательное сопоставление с родным и русским языками в процессе овладения иностранным. Часто оно выражается в попытке использовать способы артикуляции калмыцких и русских звуков, так как первое впечатление, которое создается у студентов при знакомстве с новой звуковой системой иностранного языка выражается в том, что незнакомые звуки есть просто искажение "правильных" известных ему звуков. Как отмечает Е.И. Негневицкая, " процесс сопоставления, часто бессознательного, ... происходит помимо нашего желания и наших попыток исключить его с помощью тех или иных методических уловок" /II, с. 6/. Поэтому для успешного овладения фонетической системой иностранного языка необходимо сознательное сопоставление трех артикуляционных баз в начале обучения, использование на основе этого имеющегося языкового опыта студентов.

К сожалению, в настоящее время отсутствуют специальные исследования, посвященные вопросам обучения английскому произношению применительно к калмыцкой аудитории. Преподаватели в процессе обучения английскому языку используют, как правило, методику, разработанную для русских студентов, не учитывая или учитывая не в достаточной степени особенности калмыцкого языка.

В настоящей статье проводится сопоставительный анализ фонетических систем трех языков. Целью такого сравнительно-сопоставительного анализа трех звуковых систем (английской, калмыцкой и русской) является предотвращение и устранение звуковой интерференции.

В основу анализа положены данные, содержащиеся в литературе, а также наши личные наблюдения. При этом мы исходили из той классификации фонем английского языка, которая разделяется большинст-

вом советских фонетистов (см., например, работы В.А. Васильева /12/, О.И. Дикушиной /13/). Описание системы русских фонем проводится на основании работ Р.И. Аванесова /14/, Л.В. Бондарко /15/, М.В. Панова /16/. Многие вопросы фонетики современного калмыцкого языка до сих пор остаются спорными. В нашей работе мы придерживались классификации фонем, которая предложена Д.А. Павловым /17/.

Как известно, для английских монофтонгов существенными являются следующие дифференциальные признаки: лабиализация или ее отсутствие, степень подъема языка и его положение в горизонтальной плоскости, долгота или краткость, наличие или отсутствие напряженности. Калмыцким гласным свойственны только первые четыре признака. Как отмечает Д.А. Павлов, "напряженность гласных не имеет фонематического значения в калмыцком языке" /18, с. 62/. Русские гласные характеризуются только тремя дифференциальными признаками. Они не делятся на долгие и краткие.

Сравнение гласных фонем трех языков показывает, что у них наблюдаются как общие, так и различительные черты.

Выявлены следующие группы фонем, характеризующиеся: 1) сходной артикуляцией во всех языках; 2) артикуляцией, сходной в английском и калмыцком языках, но не совпадающей с русской; 3) разной артикуляцией во всех языках.

Рассмотрим названные дифференциальные признаки фонем.

1. Долгота и краткость являются важным различительным признаком гласных фонем английского языка: [i] - [i:], [ʊ] - [u:], [ɒ] - [ɔ:]. Многие английские слова распознаются благодаря долготе/краткости гласных (live [lɪv] "жить" - leave [li:v] "уезжать").

В калмыцком языке долгота и краткость носят также фонематический характер (цаан "снег" - цаасн "бумага"; тосн "масло" - тоосн "пыль"). Этот признак используется в целях семантической дифференциации слов.

Для русских гласных признаков долготы или краткости не является существенным. Долгота гласных в русском языке является не фонематической, а фонетической.

Это позволяет сделать вывод о том, что погрешности в долготы и краткости, допускаемые студентами в английском, появляются под влиянием русского языка. В связи с этим для достижения студентами полного понимания важности признака долготы/краткости

гласных в звуковой системе английского языка и избегания подмены долгих гласных краткими и наоборот необходимо, как показывает наш опыт преподавания, обращаться к фактам родного калмыцкого языка, в котором этот признак также является дифференциальным, смысловозначительным.

2. Лабиализация является общим для всех трех языков признаком. Лабиализованными являются следующие гласные в английском языке - [ɔ:], [u:], [ɒ], [ʊ] ; в русском - [o], [y]; в калмыцком - [o], [y], [ə], [ɟ], [o:], [y:], [ə:], [ɟ:].

У английских лабиализованных гласных более слабое огубление по сравнению с русскими лабиализованными гласными, при произнесении которых губы выпячиваются заметнее. Среди калмыцких огубленных гласных четыре ([y], [y:], [ɟ], [ɟ:]) сильно лабиализованные.

Для предотвращения сильной лабиализации, требующейся для образования русских и некоторых калмыцких огубленных, необходимо использовать специальные упражнения, вырабатывающие плоский уклад губ при артикуляции английских огубленных гласных.

3. Сравнение гласных по положению языка обнаруживает наличие одинаковых признаков в трех языках: во всех этих языках различают гласные переднего и заднего ряда, как, например, английские - [i:], [e]; русские - [и], [э]; калмыцкие - [э], [э:], [ə], [ə:], [ɟ], [ɟ:], [и], [и:], [э], [э:]. С приподнятым участком языка на границе его средней и задней частей произносятся гласные условно смешанного ряда в русском ([а], [ы]) и калмыцком ([ы], [ы:]). В английском языке гласными смешанного ряда являются фонемы [ɜ:], [ə], которых нет в русском и калмыцком языках, при произнесении которых приподнят весь язык.

Во всех трех языках есть гласные высокого подъема (закрытые), среднего подъема (средней степени открытости) и низкого подъема (открытые).

Необходимо подробнее остановиться на сходных чертах английских гласных [ɜ:] и [ə] и калмыцких [ə:] и [э:], а также английских [ə] и [ɟ:] и калмыцких "неясных гласных" и [ɟ:].

Английский [ɜ:] - долгий монофтонг смешанного ряда, среднего подъема, нелабиализованный. При произнесении [ɜ:] язык приподнят, спинка языка лежит плоско, кончик языка находится у нижних зубов, зубы чуть обнажены, расстояние между верхними и нижними зубами небольшое.

Калмыцкий [ə:] представляет собой гласный переднего ряда. При его произнесении губы сильно выпячиваются вперед и округляются. Калмыцкий [ə:] является лабиализованным звуком.

Английский [æ] - полудолгий, нелабиализованный монофтонг, переднего ряда, низкого подъема, широкой разновидности. При произнесении [æ] рот довольно широко раскрыт, язык находится в передней части полости рта, плоско лежит во рту, средняя часть его вытягивается вперед и кверху, кончик языка находится у нижних зубов.

Калмыцкий звук [ə:] является нелабиализованным гласным переднего ряда, низкого подъема. Но калмыцкий [ə:] употребляется со смягченным вариантом согласных. Поэтому надо обратить внимание на невозможность смягчения английских согласных, чтобы не получилось [мээн] вместо [мээн].

Английский [ə] - нейтральный, безударный монофтонг смешанного ряда, среднего подъема, краткий, нелабиализованный. При произнесении этого гласного несколько приподнят весь язык целиком. Для английского [ə] характерна краткость и отсутствие четкой артикуляции. Недопустима его замена русскими [а] или [ы], а также калмыцкими "неясными гласными" /И8, с. 59/. Калмыцкие редуплицированные гласные в составе слов с гласными заднего ряда произносятся приблизительно как ы-образный звук, а в словах с гласными любых рядов после "ч", "х" и с гласными переднего ряда приблизительно как и-образный звук, а отчасти как некий э-образный звук, что недопустимо переносить на артикуляцию английского нейтрального звука [ə].

Английский [u:] - долгий лабиализованный дифтонгоид заднего ряда, высокого подъема, узкой разновидности. При произнесении этого звука язык находится в задней части полости рта. Задняя часть языка значительно приподнята. В процессе произнесения [u:] язык перемещается от продвинутого вперед и более низкого положения в направлении более задней и закрытой позиции. Губы значительно округлены, причем округление увеличивается к концу произнесения.

Калмыцкий [y] и русский [y] является по сравнению с английским [u:] более задними, более закрытыми и более лабиализованными. Надо следить, чтобы губы были округлены, но не вытянуты вперед. При произнесении калмыцкого [y:] губы сильно выпячиваются и округляются, щеки при этом как бы вытягиваются по бокам во-

внутрь, а подбородок отходит назад и вниз.

В случае ошибки, подмены английского [ɪ:] русским [y] или калмыцким [ɥ:] следует в первую очередь следить, чтобы студенты не допускали сильной лабиализации, чтобы губы не были вытянуты вперед.

Все гласные фонемы калмыцкого языка являются простыми (монофтонгами) и произносятся с неизменной артикуляцией в течение всего периода. В русском языке тоже нет дифтонгов. Но есть сочетания звуков: "ай", "ой", "эй", "ау", "оу" и т.д. Их отличие от английских дифтонгов состоит в том, что это сочетание двух самостоятельных фонем. Второй элемент этих сочетаний произносится более отчетливо по сравнению со вторым элементом английских дифтонгов и в ряде случаев является слогообразующим, например, "ау".

Проведенное нами сравнение системы гласных фонем трех языков позволяет заключить:

I. В трех рассматриваемых нами языках (английском, калмыцком и русском) нет ни одной фонемы, при произнесении которой положение органов речи можно было бы считать идентичным. Однако артикуляция некоторых английских гласных в определенной степени близка к артикуляции калмыцких и русских монофтонгов.

II. К явлениям, совпадающим с калмыцким языком, но не совпадающим с русским, относятся:

1) долгота английских и калмыцких гласных [i:], [o:], [a:], [ɪ:], [ɥ:] - [и:], [о:], [а:], [y:], [ə:].

2) Краткость английских и калмыцких гласных [ɪ], [ɒ], [ʌ], [ʊ], [ə] - [и], [о], [а], [у], [ə].

3) Сходные черты в артикуляции английского [ɜ:] и калмыцкого [ə:]; английского [æ] и калмыцкого [э:].

III. Черты, совпадающие с русским, но не совпадающие с калмыцким языком, не обнаружены.

IV. К характеристикам, не совпадающим в трех языках, относятся:

1) смешанный ряд гласных в английском языке [ɜ:], [ə];

2) наличие в калмыцком языке фонем [ɥ], [ɥ:];

3) дифтонгоидальный характер английских гласных [i:], [ɪ:];

4) позиционные изменения долготы ядра английских дифтонгов;

5) слабое, неотчетливое произнесение скольжения дифтонгов.

Описанные основные расхождения, минимые сходства и близости в фонетической системе английского, калмыцкого и русского языков

позволяют определить, какие явления могут представить для студентов наибольшую трудность и какие формы работы могут быть рекомендованы для предупреждения и исправления ошибок в артикуляции английских гласных.

Постановка английских звуков с опорой на калмыцкий и русский языки базируется на сознательном подходе к изучению английского произношения с широким использованием наглядности при работе над произношением. Постановка каждого нового звука, как правило, начинается с его прослушивания, затем объясняется его артикуляция.

Подробное практическое описание артикуляции английского звука может даваться в том случае, если в калмыцком или русском языках отсутствует звуковой эквивалент. При наличии в калмыцком или русском языке звука, несколько отличающегося от английского, обращается внимание на различие в артикуляции. Если же в калмыцком и русском языке имеются сходные звуки, усвоение их идет путем имитации. Во вводном фонетическом курсе английского языка необходимо давать упражнения на сопоставление звуков трех языков.

Литература

1. Русский язык - язык межнационального общения и единения народов СССР/Под ред. И.К. Белододеда. - Киев: Наук. думка, 1976. - 254 с.; Великий Октябрь и русский язык. - Киев: Вища школа; Лейпциг: Энциклопедия, 1977. - 294 с.
2. Развитие национально-русского двуязычия/ Д.Д. Дешериев, А.Н. Баскаков, В.Ю. Михальченко и др. - М.: Наука, 1976. - 368 с.
3. Исаев М.И. Социоллингвистические проблемы языков народов СССР: Вопросы языковой политики и языкового строительства. - М.: Высш. школа, 1982. - 168 с.
4. Дешериев Д.Д. Языковые проблемы многонационального советского общества. - Вопросы языкознания, 1982, № 6, с. 14-27.
5. Филин Ф.П. Современное общественное развитие и проблема двуязычия. - В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. - М.: Наука, 1972, с. 13-26.
6. Население СССР: Справочник/ Под общ. ред. Л.Н. Володарского. - М.: Политгиздат, 1983. - 191 с.
7. Леонтьев А.А. Теория речевой деятельности и проблемы обучения русскому языку. - Русский язык за рубежом, 1967, № 2,

8. Fishman J. The Implication of Bilingualism for Language Teaching. - In: Trends in Language Teaching. N.Y., 1966, p. 121.

9. Верецагин Е.М. Типология билингвизма и методика обучения иностранным языкам. - В кн.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1966, вып. 3, с. 57.

10. Вербицкая Л.А. О звуковых эталонах русской речи (на материале гласных). - Учен. зап. ЛГУ, 1964, вып. 69, № 325. Вопросы фонетики, с. 55.

11. Негневицкая Е.И. К вопросу о системе научных проблем в изучении процессов овладения вторым языком. - В кн.: Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1978, с. 3-8.

12. Vassilyev V.A. English Phonetics: A Theoretical Course. - М.: Vyssaya Shkola, 1970. - 323 p.; Vassilyev V.A. et al. English Phonetics: A Normative Course. - М.: Vyssaya Shkola, 1980. - 256 p.

13. Дикушина О.И. Фонетика английского языка. - М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1952. - 350 с.

14. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. - М.: МГУ, 1956. - 239 с.

15. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. - М.: Просвещение, 1977. - 173 с.

16. Панов М.В. Русская фонетика. - М.: Просвещение, 1967. - 437 с.

17. Павлов Д.А. Фонетика современного калмыцкого языка. - Элиста: Калмыцдат, 1983. - 207 с.

Калмыцкий государственный университет

И.А. Стернин

СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА (опыт экспериментального исследования)

Студенты из зарубежных стран, обучающиеся в советских вузах, являются билингвами. Процесс обучения, официально-деловое общение и бытовое общение с советскими людьми и иностранными студентами из других стран осуществляются ими на русском языке, в то время

как общение с соотечественниками на протяжении всего периода обучения осуществляется на родном языке.

Общеизвестно интерферирующее влияние родного языка на изучаемый иностранный язык. Преодоление интерференции является одной из важных задач обучения. Изучение лексической интерференции обычно осуществляется на уровне лексико-семантических вариантов: исследуется подстановка учащимися семемы одного языка под лексему другого языка. Под семемой в данной работе понимается план содержания лексико-семантического варианта, под лексемой - план его выражения.

В гораздо меньшей степени изучены проблемы несовпадения семного состава эквивалентных или близких семем разных языков; в теоретическом плане важность подобных исследований признается почти всеми, конкретные же исследования в этой области практически отсутствуют. Вместе с тем подобные различия могут проявляться как в устной, так и в письменной речи и оказывать существенное влияние на процесс понимания или интерпретации текста.

Нами была предпринята попытка исследования проблемы семных несоответствий в условиях разных культур. Экспериментальным путем выявлялась семная структура наиболее частотных слов - наименований лиц по профессии в речевом сознании русских-монолингвов и немцев-билингвов.

Участовавшие в эксперименте немцы-билингвы, студенты-филологи, достаточно свободно владеют русским языком, все исследуемые слова входят в их активный словарный запас и полностью освоены парадигматически, синтагматически и стилистически. Данное обстоятельство позволило экспериментально выявить и сравнить семную структуру одного и того же русского слова у русских и немцев.

В эксперименте участвовало 55 студентов из ГДР и 41 русский студент-филолог. Слова и задания давались на русском языке. Исследованию подвергались следующие единицы: учитель, летчик, инженер, ученый, солдат, продавец, артист, начальник, моряк, доярка, официант, врач, студент, профессор, спортсмен.

Участникам эксперимента предлагалось письменно ответить на 3 вопроса по каждому из перечисленных выше слов: типичный ... - какой внешне, какой по характеру, что делает.

Полученные в результате эксперимента признаки (семы) обобщались, ранжировались и производилось сопоставление полученных

для каждого слова совокупностей сем у русских и немцев. При обработке результатов для каждого полученного семантического признака вычислялся индекс яркости как отношение числа информантов, выделивших данную сему, к общему числу информантов, участвовавших в эксперименте. При сопоставлении принимались во внимание семантические признаки с индексом яркости не менее 0,20.

Выявленные в эксперименте семы относились преимущественно к разряду периферийных и отражали типичные представления носителей языка о соответствующих референтах. Все эти признаки являются психологической реальностью для представителей соответствующих культур и вполне однозначно связываются в их речевом сознании с соответствующей лексемой.

При описании семантических признаков, выявленных для того или иного слова, принят следующий порядок их подачи: сначала - признаки, входящие в рубрику "внешность", затем - "характер", затем - "поведение". Цифра обозначает индекс яркости данного признака. Иногда приводятся и семы с индексом яркости чуть меньше порогового (0,20); это делается в том случае, если этот признак выделен как яркий информантами другой языковой группы.

Немцы-билингвы

Русские-монолингвы

Учитель

аккуратно одет 0,53
 модно/красиво одет 0,25
 в очках 0,21
 с портфелем 0,18
 объясняет 0,41
 учит детей 0,36
 ставит оценки 0,20
 строгий 0,54
 любит детей 0,25
 умный 0,23
 справедливый 0,20
 нервный 0,18

в очках 0,31
 аккуратно одет 0,19
 объясняет 0,29
 ставит оценки 0,20
 добрый 0,41
 строгий 0,39
 сдержанный 0,24

Летчик

в форме 0,78
 спортивная фигура 0,38
 высокий 0,25

в форме 0,38
 подтянут 0,28
 высокий 0,43

летает 0,31
водит самолеты 0,43
смелый 0,22
спокойный 0,38
сознательный 0,28
умный 0,28
мужественный 0,27

летает 0,60

смелый 0,30
веселый 0,30

Инженер

в халате 0,71
с ручкой (карандашом) 0,28
чертит 0,27
ведет научные исследования 0,31
работает в учреждении 0,28
наблюдает за работой других 0,27
планирует 0,20
обсуждает проблемы с рабочими 0,20
умный 0,28
сознательный 0,25
аккуратный 0,23
образованный 0,20

худой 0,25
хорошо одет 0,30
чертит 0,60

Ученый

в очках 0,75
в халате 0,53
в костюме 0,25
занимается исследованиями 0,77
пишет 0,40
читает 0,38
умный 0,58
рассеянный 0,30
любопытный 0,25
целеустремленный 0,20

в очках 0,28
старый 0,30
седой 0,25
занимается исследованиями 0,43
пишет 0,28

Солдат

в форме 0,97
с короткой стрижкой 0,35

в форме 0,63
с короткой стрижкой 0,30

с оружием 0,25
стреляет 0,30
служит в армии 0,28
ващищает родину 0,25
выполняет приказы 0,22
занимается спортом 0,20
веселый 0,20
мужественный 0,22
дисциплинированный 0,22
смелый 0,18

подтянут 0,28
марширует 0,23

веселый 0,40

Продавец

в белом халате 0,71

женщина 0,43
мужчина 0,32
полный 0,30

обслуживает покупателей 0,73
предлагает товары 0,55
выполняет роль кассира 0,30

стоит за прилавком 0,30
продает 0,30

вежливый 0,50
приветливый 0,42
разговорчивый 0,23

грубый 0,50
злой 0,50

Артист

красивый 0,50
красиво одет 0,23
хорошая фигура 0,26
необыкновенная внешность 0,20

красивый 0,50
красиво одет 0,40

исполняет роль 0,61
часто репетирует 0,25
поет 0,22
учит роль 0,22

играет на сцене 0,28
выступает 0,35

веселый 0,33
талантливый 0,22
самоуверенный 0,20

веселый 0,30
общительный 0,25

Начальник

толстый 0,17
в костюме 0,38

толстый 0,30

руководит предприятием 0,31
сидит в кабинете 0,17

строгий 0,28
аккуратный 0,23
вежливый 0,23
умный 0,20

руководит 0,45
сидит в кабинете 0,28
кричит 0,28

строгий 0,33
нервный 0,43
злой 0,43

Моряк

в форме 0,88
хорошо сложен 0,22
высокий 0,22

служит на корабле 0,45
выполняет различную работу
на нем 0,25

веселый 0,41
любит женщин 0,23

в форме 0,25
стройный 0,40

плавает 0,38

веселый 0,38
смелый 0,28
общительный 0,25

Доярка

в белом халате 0,43
в платке 0,41
толстая 0,37
краснощекая 0,37
в сапогах 0,31
в фартуке 0,24

доит коров 0,63
работает с коровами 0,30
заботится о коровах 0,30
работает в коровнике 0,26

добрая 0,24
любит животных 0,51
глупая 0,24
трудолюбивая 0,21

в халате 0,40
в косынке 0,35

доит коров 0,60

добрая 0,58
спокойная 0,25

Официант

черный костюм; белая рубашка 1,00
с галстуком 0,22
с белой салфеткой в руке

в белом 0,25
мужчина 0,45

обслуживает посетителей 0,48	обслуживает посетителей 0,40
бегает по ресторану, спешит 0,45	бегает с подносом между столами 0,38
вежливый 0,53	любит чаевые 0,28
приветливый 0,47	ворует 0,28
проворный 0,22	изворотливый 0,28

Врач

в белом халате 0,68	в белом халате 0,70
в очках 0,40	мужчина 0,43
с медицинским инструментом 0,20	
лечит больных 0,73	лечит больных 0,83
разговаривает с пациентами 0,30	
прописывает лекарства 0,28	
оперирует 0,22	
осматривает больных 0,22	
добрый 0,20	добрый 0,48
спокойный 0,18	спокойный 0,35
приветливый 0,25	внимательный 0,38
умный 0,38	
ответственный 0,25	
вежливый 0,20	

Студент

в джинсах 0,58	молодой 0,28
с портфелем 0,30	
в куртке 0,23	
учится 0,83	учится 0,30
празднует 0,45	
читает 0,40	
ходит на занятия в вуз 0,22	
веселый 0,58	веселый 0,50
любопытный 0,30	общительный 0,30
иногда ленив 0,23	

Спортсмен

хорошо сложен 0,51	стройный 0,55
физически сильный 0,25	сильный 0,50

высокий 0,27
в спортивном костюме 0,60
здоровый вид 0,24
тренируется 0,56
занимается спортом 0,49
участвует в соревнованиях 0,24

высокий 0,38
атлетическая внешность 0,35
тренируется 0,33
бегает 0,30
целеустремленный 0,40
волевой 0,35
смелый 0,28

Профессор

в очках 0,71
старый 0,21
в костюме 0,50
седой 0,19
преподает 0,76
читает 0,36
пишет 0,26
исследует 0,21

в очках 0,55
старый 0,30
читает лекции 0,48

умный 0,71
рассеянный 0,33

умный 0,25
строгий 0,25

Отметим, что среди семантических признаков, выделенных в эксперименте, попадают и ядерные семы (студент - "учится в вузе", доярка - "доит коров", спортсмен - "занимается спортом", официант - "обслуживает посетителей" и др.), однако большинство выделенных компонентов относятся все же к периферии семантики слова.

Контрастивный анализ полученных результатов показывает, что в значении слова в языковом сознании монолингва и билингва наблюдаются как совпадающие, так и различающиеся семы. Расхождения в семной структуре одной и той же семы у русских и немцев наблюдаются, по крайней мере, в трех планах. Во-первых, билингвы могут связывать с лексемой русского языка несколько иную по составу совокупность сем. Так, лексема инженер в сознании русских связывается с тремя семами, яркость которых превышает 0,20, а в сознании немцев - с двенадцатью такими семами, причем совпадает лишь одна сема - "чертит". Лексема ученый у русских связывается с

пятью яркими семантическими признаками, а у немцев – с десятью, у слова студент – десять ярких сем в сознании немцев и лишь четыре – в сознании русских информантов. Во всех этих случаях число совпадающих сем невелико.

Во-вторых, отдельные семы, представленные в речевом сознании билингва, совпадая с семами, обнаруживаемыми в речевом сознании монолингвов, могут заметно отличаться от них по яркости, то есть степени психологической осознанности, выделенности в структуре значения.

Приведем некоторые примеры:

	МОНОЛИНГВЫ	БИЛИНГВЫ
учитель		
модно одетый	0,02	0,53
добрый	0,41	0,14
строгий	0,39	0,54
ученый		
в очках	0,43	0,77
солдат		
в форме	0,63	0,97
веселый	0,40	0,20
продавец		
обслуживает покупателей	0,30	0,73
начальник		
толстый	0,30	0,17
студент		
учится	0,30	0,83
профессор		
умный	0,35	0,71
летчик		
высокий	0,43	0,25
летает	0,60	0,31
инженер		
чертит	0,60	0,27
артист		
красиво одет	0,40	0,23
моряк		
в форме	0,25	0,88
доярка		
добрая	0,59	0,24

врач
добрый

0,48

0,20

В-третьих, при совпадении ядерных семантических компонентов периферийная часть семантики слова в сознании билингва существенно отличается от периферийной части значения в сознании монолингва.

Так, например, в сознании информантов-немцев в словах моряк, артист, доярка, врач обнаруживается гораздо большее количество периферийных сем, чем в русском языке.

Выявленные расхождения в семной структуре лексем в речевом сознании билингвов и монолингвов обусловлены, по-видимому, национально-культурными факторами, которые, отражаясь в семантике, оказывают интерферирующее воздействие на семантику русского слова.

Не следует преувеличивать важность выявленных расхождений. С одной стороны, конечно, полученные результаты говорят о значительных семантических отличиях в структуре значения многих слов в речевом сознании носителя данного языка как родного и носителя данного языка как иностранного. Эксперимент показал, что даже на продвинутом этапе семная структура русского слова у студента-иностранца не может считаться вполне сформированной. С другой стороны, выявленные расхождения не следует абсолютизировать в силу того, что они, как уже подчеркивалось, относятся преимущественно к периферийным семантическим компонентам значений и далеко не в каждом акте общения могут быть актуализованы и, следовательно, обнаружены.

Семная специфика слов разных семантических разрядов в речевом сознании билингвов нуждается в серьезном контрастивном изучении, которое, помимо теоретико-типологического значения, имеет и коррективно-методические цели. Без контрастивного анализа невозможно сформировать в сознании обучающихся адекватную структуру значения слова изучаемого языка.

Воронежский государственный университет

О.В. Загоровская

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

Проблема восприятия и усвоения учащимися эмоционально-оце-

ночной лексики русского языка в условиях учебного билингвизма, то есть при овладении русским языком как вторым языком общения и познания в русском языковом окружении, относится к числу наиболее сложных проблем. Наблюдения показывают, что затруднения или даже нарушения межкультурной коммуникации в условиях учебного билингвизма, появление целых зон ошибок очень часто связаны с употреблением слов, имеющих разного рода эмоционально-оценочные характеристики, отражающие особенности собственно русской языковой культуры.

Трудности методического характера при изучении эмоционально-оценочной лексики в значительной степени связаны с неразработанностью теоретических положений о данном разряде лексических единиц русского языка, объеме и основаниях классификации этой лексики, ее национально-культурном своеобразии.

Решение вопроса о границах эмоционально-оценочной лексики русского языка целесообразно связывать с анализом семантической структуры слова. Критерием отнесенности словесной единицы к указанному лексическому разряду может являться наличие в ее семантике эмоционально-оценочных компонентов значения /1/.

Лексическое значение слова представляет собой совокупность денотативного, коннотативного и образного компонентов. Денотативный компонент есть часть значения словесного знака, отражающая в обобщенной форме предметы и явления объективной действительности. Коннотативный компонент, характеризующий ситуацию общения, участников акта общения и их отношение к предмету речи, включает в себя эмоциональный (отражающий факт эмоционального переживания субъектом определенного явления действительности), оценочный (связанный, как правило, с эмоциональным и заключающийся в выражении одобрительной или неодобрительной оценки предмета речи), интенсивно-экстенсивный (отражающий степень проявления действия, признака) и стилистический (связанный с принадлежностью словесной единицы к определенной сфере или ситуации общения в данный период развития языка) микрокомпоненты, или семы. Образный компонент - это обобщенный, чувственно-наглядный образ предмета, называемого знаком /2/.

Анализ материала словарей и речевых произведений показывает, что в русском языке выделяется 3 группы слов, которые имеют в своей семантической структуре эмоционально-оценочные семы и могут быть отнесены к разряду эмоционально-оценочных.

1. Собственно эмоционально-оценочные слова, в семантической структуре которых особую значимость имеют семы эмоциональности, оценочности и стилистической отнесенности.

К этой группе эмоционально-оценочных слов относятся, прежде всего, неофициальные, разговорные существительные и глаголы типа "жулик" (плут, с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой), "задира" (зачинщик ссор и драк, забияка, с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой), "клеветать" (распространять порочащие кого-либо или что-либо ложные сведения, с эмоцией презрения и отрицательной оценкой), а также официальные, свойственные публицистической сфере общения словесные единицы типа "агрессия" (нападение одного государства на другое с целью захвата территории, уничтожения независимости и насильственного подчинения населения, с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой), "зачинщик" (тот, кто начинает что-либо неблагоприятное, с эмоцией осуждения и отрицательной оценкой).

Вместе с тем, к собственно эмоционально-оценочным словам относятся словообразовательные производные номинативных лексем с суффиксами субъективной оценки типа "старикашка", "доченька".

К выделенному лексическому ряду примыкают также словесные единицы, в которых сема эмоциональности подавляет сему оценки (например: "карапуз" - с эмоцией одобрения и лаской о маленьком ребенке) или вообще является единственным выраженным компонентом значения слова (например, в эмоциональных обращениях типа "голубушка", "соколик", "милочка").

Отдельную подгруппу в группе собственно эмоционально-оценочных словесных единиц составляют усилительно-эмоциональные слова, в которых семы эмоциональности, оценки и стилистической отнесенности дополняются семой интенсивности-экстенсивности. Ср.: "тупица" - очень глупый, несообразительный человек, с эмоцией презрения, отрицательной оценкой и стилистической окраской неофициальности, разговорности; "восхитительный" - чрезвычайно красивый, прелестный, с эмоцией одобрения, положительной оценкой и стилистической окраской неофициальности, разговорности. В группу усилительно-эмоциональных слов включаются также словообразовательные производные номинативных лексем с увеличительным или уменьшительным значением типа "ручонка", "ручища" (от "рука"), словообразовательные производные со значением характеристики человека типа "трудяга" (от "трудиться"), "богачей" (от "богатый"), "злюка" (от

"злой") /3/. К усилительно-эмоциональным словам относятся и глаголы широкой диффузной семантики, передающие интенсивные действия, процессы и имеющие разговорный или просторечный характер: "наяривать", "шпарить", "грохнутья". Вне контекста носители языка воспринимают только номинативное значение таких глаголов. Однако контекстуальное употребление подобных словесных единиц всегда связано с эмоциональной ситуацией, что дает право говорить о наличии в их семантической структуре потенциальных эмоциональных сем, которые так или иначе актуализируются в условиях речевого употребления.

П. Узуально-эмоционально-оценочные слова, в семантической структуре которых особую значимость имеет коннотативный компонент стилистической отнесенности, представленный как "официальное, высокое" (высокая лексика) и "неофициальное, вульгарное" (грубые вульгаризмы). Наибольший интерес представляет так называемая "высокая лексика", к которой относятся слова, традиционно используемые для создания приподнятости, возвышенности, отмечаемые в словарях пометами "высокое", "торжественное", "риторическое", "приподнятое", "поэтическое" /4/. В составе высокой лексики выделяются слова торжественно-возвышенные и слова поэтические.

К узуально-эмоционально-оценочным относятся, прежде всего, торжественно-возвышенные слова с выраженным эмоционально-оценочным компонентом значения, свойственные публицистической и художественной сферам общения. Для семантической структуры большинства торжественно-возвышенных слов характерны положительные эмоционально-оценочные компоненты значения. Ср.: "труженик", "бессмертье", "отчизна", "дерзать", "несокрушимый". Немногочисленна в русском языке группа высоких слов, имеющих в своей семантике отрицательные эмоционально-оценочные семы. Ср.: "бесчестье", "злодеяние", "судилище", "ярмо", "гонитель". Существуют также торжественно-возвышенные слова, полюсность эмоции и оценки которых может меняться. Ср.: "оплот мира" - "оплот реакции", "великое деяние" - "гноусное деяние" и т.п. К выделенной группе эмоционально-оценочных слов примыкает также высокая лексика, в которой сема оценки остается невыраженной. Ср.: "кончина" - с эмоцией сочувствия о смерти; "Слава!"; "Да здравствует!" и т.п.

В разряд узуально-эмоционально-оценочной лексики следует включать и такие торжественно-возвышенные слова, в семантической структуре которых семы эмоции и оценки относятся к числу потен-

циальных и актуализируются лишь в определенных контекстуальных условиях. Ср.: "дар", "зодчий", "грядущий", "стяг" и т.п. Наблюдения показывают, что использование высокой лексики возможно лишь в эмоционально насыщенных ситуациях, которые могут оцениваться или как положительные или как отрицательные. Очевидно, что употребление слова "зодчий" вместо "архитектор", слова "испить" вместо "выпить", слова "дар" вместо "подарок" и т.п. предполагает определенную эмоциональную оценку предметов, явлений, процессов, выражает определенную эмоциональную настроенность говорящего. В целом, традиция употребления высоких слов в соответствующих сферах создает вокруг них как бы своеобразный эмоциональный потенциал, в результате чего в семантических структурах подобных словесных единиц развиваются потенциальные эмоционально-оценочные семы.

Лексика поэтическая представляет собой весьма немногочисленную группу слов, являющихся остатками ушедшей в прошлое системы функционально ограниченного поэтического языка. Поэтическая лексика подразделяется на лексику архаическую ("златой", "лани-ты", "очи", "младость") и традиционно-метафорическую ("лазурь", "муза", "эфир"). Семантическая структура поэтизмов во многом тождественна семантической структуре торжественно-экспрессивных слов. Семы эмоциональности и оценки у большинства поэтизмов являются потенциальными, обусловленными традициями употребления данных языковых единиц в эмоциональных ситуациях и контекстах. Вместе с тем следует отметить, что многие из архаических поэтизмов в настоящее время уже не воспринимаются как эмоционально-оценочные и теряют свои эмоционально-оценочные компоненты даже на уровне потенциальных составляющих семантической структуры слова (ср., например: "твердь" в значении "небо", "зеницы" в значении "глаза").

Ш. Образные эмоционально-оценочные слова, в семантической структуре которых наряду с денотативными и коннотативными компонентами присутствуют выраженные образные компоненты значения.

К выделенному разряду эмоционально-оценочной лексики относятся, прежде всего, слова с яркой внутренней формой типа "лежебока", "мироед", "кровосос", "безбожник", "братоубийственный", образность которых основана на сохранении мотивированности значений.

Большую группу образных эмоционально-оценочных слов состав-

ляют семантические производные номинативных лексем типа "лопух" (о простоватом, несообразительном человеке, с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой), "бревно" (о тупом, глупом и нечутком человеке, с эмоцией пренебрежения и отрицательной оценкой), "комедия" (о лицемерии, притворстве в исполнении чего-либо, лицемерном поведении, с эмоцией презрения и отрицательной оценкой) и т.п.

С точки зрения тематической отнесенности можно выделить следующие основные разряды семантических производных номинативных лексем:

1) названия животных:

а) звери: "зверь", "зверюга", "заяц", "лев", "выдра", "бык" и т.п.;

б) птицы: "гусь", "голубь", "сокол", "орел" и т.п.;

в) пресмыкающиеся: "змея", "гадюка", "гадина" и т.п.;

г) насекомые: "муравей", "гнида" и т.п.;

д) названия частей тела животных: "морда" (о лице), "лапа" (о руке) и т.п.;

2) названия растений: "лопух", "дуб" и т.п.;

3) названия неодушевленных предметов: "бревно", "каланча", "кукла", "истукан", "пень", "золото" (все – о человеке), "болото" (о том, что характеризуется косностью, застоем, отсутствием живой инициативы, с эмоцией презрения и отрицательной оценкой) и т.п.;

4) отвлеченные понятия: "комедия", "маскарад" (притворство; поведение, имеющее целью скрыть внутреннюю сущность чего-либо), "дрянь" (о чем-нибудь плохом, скверном, с эмоцией презрения и отрицательной оценкой) и т.п.;

5) социальные и профессиональные понятия и обозначения: "барин" (о человеке, который уклоняется от труда, перекладывает свою работу на других, с эмоцией неодобрения, отрицательной оценкой), "артист" (тот, кто обладает высоким мастерством в какой-либо области, талантливо делает что-то, с эмоцией восхищения и положительной оценкой), "варвар" (грубый и жестокий человек, с эмоцией негодования и отрицательной оценкой) и т.п.;

6) названия мифических существ: "ведьма", "демон", "бука" (о нелюдимом, угрюмом человеке, с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой).

К образным эмоционально-оценочным словам относятся и так называемые "изобразительные слова" (по терминологии М.И. Черемиси-

ной) типа "мыра", "хмырь", "фифа" /5/. На первое место в семантической структуре "изобразительных слов" выдвигаются эмоционально-оценочные и стилистические семы, подкрепленные образным компонентом значения, который оказывается неопределенным, "размытым". В связи с тем, что денотативное содержание подобных словесных единиц меняется в зависимости от ситуации, индивидуального опыта участников коммуникации и денотаты этих слов не поддаются однозначному описанию, образные компоненты значений лексем типа "мыра" и "хмырь" могут по-разному обрабатываться в индивидуальном сознании говорящих и, следовательно, могут существенно меняться.

В группе образной эмоционально-оценочной лексики встречаются словесные единицы с колеблющейся эмоционально-оценочной отношенностью. Так, например, слово "сорвиголова" в качестве характеристики чрезвычайно смелого и ничего не боящегося человека может употребляться как с эмоцией одобрения и положительной оценкой, так и с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой, а слово "муравей" как характеристика трудолюбивого человека может осмысляться как в положительном эмоционально-оценочном плане, так и в отрицательном.

К образным эмоционально-оценочным словам примыкают лексемы, в семантической структуре которых компонент оценки остается невыраженным, а компонент эмоциональности имеет очень большую смысловую нагрузку (например: "горемыка" - человек, постоянно испытывающий горе, беды, неудачник, с эмоцией сочувствия, яркой внутренней формой и стилистической окраской неофициальности, разговорности).

Изучение эмоционально-оценочной лексики русского языка показывает, что по отношению ко всем эмоционально-оценочным единицам можно говорить о превалировании в их семантической структуре коннотативных компонентов значения и подавленности денотативных компонентов. Однако степень подавленности, нейтрализации денотативных компонентов значения в различных группах эмоционально-оценочных слов не одинакова. Можно выделить две разновидности эмоционально-оценочных единиц: эмоционально-оценочные слова с ослабленной номинативностью и эмоционально-оценочные слова с сильно ослабленной номинативностью /6/. Эмоционально-оценочные слова с ослабленной номинативностью составляют большую часть эмоционально-оценочной лексики русского языка. Они называют определенный ре-

форсит и одновременно характеризуют его, выражают эмоциональное отношение говорящего к называемому явлению, эмоциональную оценку факта и т.п. К эмоционально-оценочным словам с ослабленной номинативностью относится большинство собственно эмоционально-оценочных словесных единиц (за исключением усилительно-эмоциональных слов и слов собственно эмоционального типа "голубушка", "милочка", "карапуз"), почти вся узуально-эмоционально-оценочная лексика и образные эмоционально-оценочные словесные единицы, сохраняющие определенную константную семантику ("лежебока", "братоубийственный"). Эмоционально-оценочные слова с сильно ослабленной номинативностью характеризуются ярко выраженной диффузностью семантики, которая возникает в результате выдвигания на первый план коннотативных компонентов значения и смещения на периферию номинативных компонентов. Ядро смыслового содержания таких слов составляют эмоциональные, оценочные, стилистические семы. Словесные единицы с сильно ослабленной номинативностью по существу соотносятся не с денотатом, а только с референтом в каждом конкретном коммуникативном акте. К указанному разряду эмоционально-оценочной лексики русского языка относятся усиленные эмоциональные слова и эмоциональные обращения, а также значительная часть образных эмоционально-оценочных слов (семантические производные номинативных лексем, "изобразительные слова" и т.п.).

В целом, эмоционально-оценочная лексика русского языка имеет ярко выраженную национально-культурную специфику. Национально-культурная значимость подобных слов проявляется на уровне коннотативных компонентов значения, в первую очередь, на уровне эмоционально-оценочных сем. Наиболее ощутимым и наглядным оказывается национально-культурное своеобразие собственно эмоционально-оценочных словесных единиц с суффиксами субъективной оценки (ср.: "судьбина", "долюшка", "страстишка", "зятек") и образных эмоционально-оценочных слов (ср.: "заяц" как характеристика трусливого человека; "сокол" как характеристика сильного и красивого человека; "охламон" как характеристика человека, небрежного во внешнем виде, в поведении, небрежно относящегося к окружающим и к самому себе).

Наблюдения показывают, что в процессе усвоения русской эмоционально-оценочной лексики носителями других языков денотативные и коннотативные особенности русских эмоционально-оценочных

слов часто выпадают из поля зрения учащихся или воспринимаются ими в искаженном виде. Непонимание смыслового наполнения указанных словесных единиц обуславливается, как правило, отсутствием эквивалентов русским эмоционально-оценочным образованиям во многих языках мира (так, например, во многих языках отсутствует в той или иной степени система суффиксальных образований, выражающих субъективную оценку). Неправильное восприятие русской эмоционально-оценочной лексики обуславливается чаще всего действием процессов интерференции, то есть влиянием системы родного языка, перенесением особенностей эмоционально-оценочного наполнения словесных единиц родного языка на соответствующие словесные единицы русского языка (ср., например, различия в эмоционально-оценочных наполнениях семантических производных номинативных лексем типа "коза" в русском и немецком языках; "гусь" в русском и английском языках; "корова", "слон" в русском языке и языках народов Востока и т.п.). Все это определяет необходимость особого подхода к изучению эмоционально-оценочной лексики русского языка в условиях учебного билингвизма, выделения подобного рода слов в особый лексический разряд на основе приведенной выше классификации, требует подробной семантизации лексических единиц с учетом специфики их денотативных, эмоционально-оценочных, стилистических и образных компонентов значения.

Литература и примечания

1. Ср. с критериями выделения эмоционально-оценочной лексики в работах: Киселева Л.А. Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики русского языка. - В кн.: Проблемы русского языкознания. Л., 1968, с. 45-60. (Учен. зап. ЛГПИ; Т. 281); Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. I. Семантика. - В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979, вып. 8, с. 12-46.

2. См. об этом: Стернев И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. - Воронеж: ВГУ, 1979. - 156 с.

3. Ср.: Лукьянова Н.А. Указ. соч.

4. См. об этом: Голуб В.Я. Высокая лексика в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 1977. - 22 с.

5. См.: Черемисина М.И. Экспрессивный фонд и пути его изучения. - В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразо-

вания. Новосибирск, 1979, вып. 8, с. 10.

6. Ср. с классификацией экспрессивной лексики, предложенной Н.А. Лукьяновой: Лукьянова Н.А. О термине экспрессив и о функциях экспрессивов русского языка. - В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980, вып. 9, с. II-2I.

Сыктывкарский государственный университет

В.Э. Войлошникова

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Вопросы описания терминологической лексики в настоящее время приобретают исключительную научно-теоретическую и практическую значимость. В связи с появлением новых научных направлений увеличивается не только количество терминов, но и неоднозначность в их понимании. Это касается и лексикологической терминологии. Особенно часто возникают трудности при усвоении терминов в условиях учебного билингвизма, когда русский язык является вторым языком общения и познания. Трудности эти связаны с практическим употреблением терминов, реализующих номинативную функцию, и обусловлены, в первую очередь, правильным выбором именно того термина, который наиболее точно называет данное понятие. При усвоении термина, во-первых, может происходить неоднозначное понимание соотношения понятия и языкового явления, названного данным термином. Во-вторых, в изучаемом языке часто одно понятие названо двумя или несколькими терминами. Один из них принадлежит к изучаемому языку, другой - заимствован. Эти термины содержат некоторое своеобразие в определении одного и того же понятия и по-разному могут быть осмыслены. В-третьих, для изучающего русский язык как второй язык общения, помимо терминов русского языка существуют термины родного языка. Их определения часто не схожи, дефиниции, включаемые в термины, подчинены разным внутрязычковым законам.

Решение задачи адекватного усвоения значения терминов, преодоления интерференции целесообразно, на наш взгляд, связывать с описанием понятийного содержания терминсистем, в частности,

терминов антонимии.

Ученые уже давно обратили внимание на соотносительную противоположность элементов языка. Слова, между которыми возникают такие отношения, называются "антонимами". Определения термина "антонимы", содержащиеся в работах разных авторов, помогают увидеть круг вопросов, к которым привлечено внимание исследователей, определить систему понятий, включаемых в него.

Все чаще фиксируется внимание на глубинных процессах, характеризующих связи и отношения как внутри, так и между антонимами и системой языка в целом:

- 1) степени антонимичности (зона антонимии) /8, с. 77/;
- 2) оценочном характере лексического значения антонимов /10, с. 190/;
- 3) самом общем коррелятивном признаке /6, с. 36/;
- 4) месте антонимов в лексико-семантической парадигме /12/.

В связи с наметившимися аспектами исследования появляются и новые термины, требующие информационного анализа. Между ними, в свою очередь, устанавливаются внутренние связи и соотношения. Так, антонимичные отношения обнаруживаются не только в лексике, но и во фразеологии, морфологии, синтаксисе, поэтому наряду с термином "лексические антонимы" употребляются термины "фразеологические антонимы", "морфологические антонимы", "синтаксические антонимы". Эти термины объединяются в одну парадигму.

Анализ антонимов с точки зрения их структуры привел к появлению терминов "однокорневые антонимы" и "разнокорневые антонимы".

Исследование антонимии в языке и речи позволило выделить специфические понятия и ввести в оборот следующие термины: "языковые антонимы" ("узусальные", "регулярные", "истинные", "квазиантонимы") и "речевые антонимы" ("оказиональные", "индивидуальные", "индивидуально-авторские", "текстуальные", "контекстуальные").

Термин "языковые антонимы" внутренней формой указывает на парадигматические отношения, лежащие в основе языковой антонимии. В мотивации термина "регулярные антонимы" содержится указание на устойчивость, постоянство антонимических отношений.

Термин "истинные антонимы" содержит в своей семантике признак противопоставления термину "квазиантонимы", имеющему в значении сему "приблизительные антонимы".

Термины речевой антонимии ярко проявляют свою внутреннюю форму, признак, положенный в основу номинации. При их употреблении возникают ассоциативные связи (речевые антонимы – речь). Каждый из них называет как бы основной отличительный признак понятия. Так, термины "текстуальные антонимы" и "контекстуальные антонимы" указывают, что значения противоположности проявляются именно в контексте. Если подчеркивается, что слова антонимизирует определенный автор, употребляют термины "индивидуальные антонимы", "индивидуально-авторские антонимы". Коннотативные оттенки значения оказываются в данных терминах очень яркими, окрашивают всю их семантику. В термине "узуальные антонимы" наблюдается, наоборот, стремление соответствовать общепринятому употреблению, в отличие от термина "окасиональные антонимы", не соответствующего такому употреблению.

В понятийной группе явления окасиональной и узуальной противоположности описываются и вычленяются относительно друг друга и обладают следующими сравнительными признаками:

1. Языковые антонимы обладают воспроизводимостью, окасиональные – не обладают.
2. Языковые антонимы разграничиваются на производные и непроизводные, окасиональные все производны.
3. Среди языковых преобладают антонимы разнокорневые, среди окасиональных однокорневые.
4. Языковые антонимы бывают и нейтральными и стилистически окрашенными; окасиональные все стилистически окрашены.
5. Семантика словообразовательного значения у окасиональных антонимов ярче, чем у языковых /5, с. 34/.

Термины "зона антонимии", "степень антонимичности" введены Л.А. Новиковым. Они обозначают меру содержания противоположности, заключенную в антонимической паре в зависимости от контекста. Автор пишет: "Антонимия как противопоставление слов – понятие абсолютное, в то время как сами антонимы (средства ее реализации) всегда относительно, что обусловлено характером их семантики, широтой сочетаемости с другими словами, особенностями речевой ситуации и другими причинами. С этой точки зрения резкой границы между "антонимами" и "неантонимами" нет и быть не может... Речь идет, строго говоря, о большей или меньшей степени антонимичности слов" /8, с. 77/.

С 50-х годов XX века начинаются интенсивные исследования

связей и отношений антонимов с другими явлениями языка и речи. Одним из первых в русистике обратил внимание на системные связи антонимов А.М. Пешковский. Он писал: "Ничто так не помогает выявить разницу между синонимами как подборание к ним антонимов, слов с противоположным значением" /9, с. 175/. Системным связям антонимии посвятили свои труды ученые А.А. Введенская, Н.П. Колесников, Л.А. Новиков, Д.Н. Шмелев, А.А. Уфимцева, М.Р. Львов и др. Их работы позволяют глубже проникнуть в понятийную группу антонимии и систематизировать ее терминологический состав. Было замечено, что понятие об антониме возникает лишь в том случае, когда существует не менее двух семантически соотносимых слов, противоположных по значению. Таким образом, вычленяется наименьшая функциональная единица антонимии, микросистема - антонимическая пара. Она обладает специфическими лексико-семантическими, грамматическими и функциональными признаками. Представим это в схеме:

Стремясь определить круг понятий, обозначаемых термином "антонимическая пара", составим его рабочую дефиницию. Антонимическая пара - диалектическое единство двух слов, ассоциирующихся по противоположным значениям, характеризующееся специфическими лексико-семантическими, функциональными и грамматическими признаками.

Боле крупную микросистему антонимии, состоящую как минимум из двух антонимических пар, обозначают термином "антонимический ряд". Это группа единиц, семантически близких по функции противопоставления, образуемых в языке и речи. "Два или более близ-

ких по значению слова, имеющих несколько лексем, противоположных по значению.

Например: тяжелая - слабая
 сильная - легкая
 могучая - несильная

} волна" /II, с. 122/

Рассматривая синонимические, деривационные и антонимические отношения между словами во взаимосвязи и взаимообусловленности, Л.А. Новиков выделяет понятие "антонимического блока" или "антонимическую парадигму" (по терминологии М.И. Фоминой). Этим термином обозначены сложные семантические отношения, совокупность понятий, выражающих сближение (по вертикали) и сопоставление (по горизонтали) на основе структурно-словообразовательных или функционально-семантических связей между словами /8, с. 76; II, с. 122/.

Антонимические отношения слов в "блоках" пропорциональны, так как имеют определенную точку отсчета, средний член.

Исследуя системные отношения между антонимами, ученые все глубже проникают в объем понятий, представляющих данное явление. В 1973 году Л.А. Введенская описала одну из сложных микросистем антонимии, отражающую отношения между синонимами и антонами, назвав ее термином "Синонимико-антонимическая парадигма" /I/. Это лексическая микросистема, состоящая из двух рядов синонимов, связанных "линейной" или "радиальной" связью, между словами которых существуют антонимичные отношения, обусловленные: а) характером смысловых различий, заключенных в словах каждого ряда; б) словообразовательной структурой соотносимых слов; в) стилистической характеристикой; г) дистрибуцией слов с относительно противоположными значениями; д) объемом синонимических рядов.

В 1976 году появилась вторая работа этого автора, в которой рассмотрено как влияние синонимии на антонимию, так и наоборот. Проведенный анализ показывает, что взаимосвязи антонимических и синонимических отношений помогают установить не только объем ряда синонимов, но и объем ряда антонимов. Выявляется также и обусловленность процессов, характерных для антонимов (изменение их семантики, образование новых пар антонимов, вытеснение одних антонимов другими) именно их связью с синонимами.

Л.А. Введенская пишет: "Образование антонимичных пар зависит от характера смысловых различий, заключенных в словах каждо-

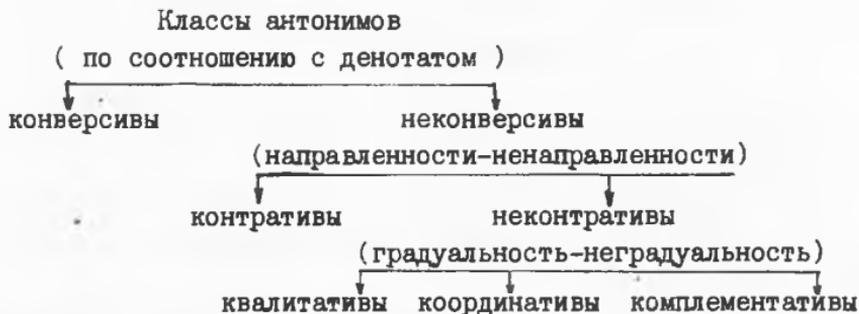
го ряда, от словообразовательной структуры соотносимых слов, от их эмоционально-оценочной или стилистической характеристики, от сочетаемости слов с соотносительно противоположными значениями /2, с. 47/. Поэтому позднее употребляемый ею термин "антонимосинонимическая парадигма" /3, с. 106/ представляется удачным. как и первый, имеющим строгие логико-семантические границы, четко выделяющим существенные признаки, необходимые и достаточные.

Анализируя парадигматический аспект противоположности в лексике, исследователи различают регулярно воспроизводимые противопоставления слов (главные, основные) и противопоставления, опирающиеся на главные, но ограниченные по употреблению и менее регулярные по воспроизводимости в речи. Такое понятие названо термином "квазиантонимы" (ст. лат. *quasi* - нечто, вроде, как будто, как бы). Это противопоставления, основанные на вторичных значениях слова, стилистически и семантически неоднородные, ограниченные в употреблении, нерегулярно воспроизводимые, за которыми может стоять или не стоять логико-семантическая соотнесенность понятий. Данный термин встречаем в статье Л.А. Новикова

"Антонимия и словари антонимов", являющейся введением к словарю антонимов М.Р. Львова, а также во вступительной статье М.Р. Львова к своему словарю /7, 5/. Явление квазиантонимии рассмотрено ими как языковое. Ученые выделяют у квазиантонимов как обязательный признак - логико-семантическую соотнесенность понятий. Однако при дальнейшем изучении этого понятия Л.А. Введенской оказалось, что логико-семантическая соотнесенность не всегда имеет место, но это относится исключительно к многозначным словам-антонимам. Л.А. Введенская пишет: "Такие антонимы тоже относятся к "квазиантонимам", только образуют среди них особую группу. Они не фиксируются словарями" /4, с. 40).

Следует сказать далее, что антонимы классифицируются учеными по типу противоположности. Выделяется этот тип на основании разных признаков: соотнесенности с денотатом, выражения направленности - ненаправленности противопоставления, указания на степень качества. Классы таких антонимов называются терминами: "конверсивы", "контративы", "квалитативы", "координативы", "комплементаривы". Они описаны в работе Л.А. Нови-

кова /7, с. 195/. Представим это в схеме:

Состав понятийной группы антонимии можно представить в виде логико-структурного построения:

В результате исследования терминологической системы антонимии можно в общих чертах наметить этапы работы по преподнесению и усвоению содержания лексических терминов в условиях учебного билингвизма. Они сводятся к следующему:

- а) выявление денотативного содержания и объема понятийной группы антонимии;
- б) уяснение значения и семантических признаков терминов антонимии;
- в) сопоставление терминов внутри терминологической группы с целью дифференциации их употребления.

Такой анализ необходим для формирования в сознании обуча-

ющихся адекватной системы терминологических понятий русского языка.

Литература

1. Введенская Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Ростов н/Д, 1973. - 35 с.
2. Введенская Л.А. Понятие синонимико-антонимичной парадигмы. - В кн.: Филологические этюды. Языкознание. Ростов н/Д, 1976, вып. 2, с. 47-58.
3. Введенская Л.А. Методика изучения научной терминологии в вузе. - В кн.: Учебный процесс в высшей школе. Ростов н/Д, 1983, с. 104-110.
4. Введенская Л.А. Антонимы, несоотнесенные в понятийном плане. - В кн.: Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии. Ростов н/Д, 1981, с.35-43.
5. Введенская Л.А., Гончаренко Г.Е. Окказиональные антонимы. - Изв. Сев.-Кав. научн. центра высш. школы, 1980, № I, с. 34-37.
6. Колесников Н.П. Семонимические словари. - Ростов н/Д: РГУ, 1981. - 70 с.
7. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. - М.: Русский язык, 1982. - 390 с.
8. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). - М.: МГУ, 1973. - 289 с.
9. Пешковский А.М. Избранные труды. - М.: АН СССР, 1959, с. 175.
10. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. - М.: Наука, 1968, с. 190.
11. Фасина М.И. Современный русский язык: Лексикология. - М.: Высш. школа, 1978. - 252 с.
12. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1969. - 35 с.

Ростовский государственный у. верситет

ОТЫМЕННЫЕ ПРЕДЛОГИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Письменные стили, особенно научно-технический и газетно-публицистический, остро нуждаются в дифференцированных средствах выражения отношений между словами. Этой цели как раз и служат производные отыменные составные предложные группы типа "на основе", "в результате", "в интересах", *in the course of*, *in favour*. Данная статья посвящена анализу функционирования этих предложных групп в газетно-публицистическом стиле в русском и английском языках.

Грамматический строй языка, будучи величиной изменяемой по сравнению со словарным составом языка, развивается в соответствии с изменяющимися потребностями взаимопонимания. Ярким примером таких изменений, происходящих в языке, является образование так называемых новых производных предлогов на базе лексически полноценных слов: существительных, наречий, деепричастий. В связи с этим представляется ошибочным мнение Ф.И. Буслаева о том, что "новых служебных слов язык уже не создать не может" /1/. Служебные слова образуются в языке на основе лексически полноценных слов, но "в процессе своей грамматизации как раз и получают ту возможность выражать отношения обобщенного абстрактного характера, ту независимость от лексики знаменательного слова, с которым данный служебный элемент сочетается, что только и может доказать их включение в разряд грамматических средств. При этом степень этого абстрагирования и отвлечения может быть различна" /2/.

Почему же язык все-таки нуждается в новых предложных группах? Первичные предлоги отличаются своей многозначностью. Они могут совмещать в себе самые разнородные, иногда даже противоречивые оттенки и значения. Поэтому они не могут четко и однозначно передать все многообразие отношений, которое вытекает из потребностей развития общества. Поэтому в систему средств выражения все усложняющихся отношений реальной действительности привлекаются однозначные слова и, в первую очередь существительные, которые благодаря частично сохранившемуся лексическому значению могут более точно передавать эти отношения. Б.А. Ильин,

отмечая, что одним из элементов составных предлогов является бывшее существительное или причастие, подчеркивает, что значение такого предлога в какой-то мере сохраняет связь с лексическим значением производного слова, поэтому по сравнению с первичными предлогами производные предлоги являются моносемантическими /3/. Положения о моносемантичности производных предлогов придерживаются многие лингвисты /4, 5, 6/. В связи с этим классическим является высказывание В.В. Виноградова: "Составные предлоги этого типа в силу своей этимологической определенности не могут совмещать многих и притом разнородных значений. ... Составные предлогные сочетания имеют строго очерченный узкий круг значений и употреблений ..." /7/.

Но далеко не всякое самостоятельное слово может служить базой для образования новых предложных групп. Служебные слова — это слова, как подчеркивает Л.С. Бархударов, которые функционируют в качестве грамматических средств языка /8/. Поэтому одним из важных условий превращения полнозначного слова в неполнозначное Д.И. Леденёв полагает приобретение им таких свойств, "благодаря которым это слово из арсенала номинативных средств языка переходит в арсенал его функциональных, так сказать технических средств" /9/.

Самостоятельные слова переходят в служебные, когда они начинают утрачивать свою полнозначность, то есть освобождаются от всякого вещественного содержания и начинают выражать отношения между словами. Н.А. Каламова считает, что "процесс перехода одной части речи в другую зависит от новой степени абстракции, от новой синтаксической функции, которую выполняет та или иная часть речи" /10/. При выполнении этой новой функции слово вступает уже в новые синтаксические связи с другими словами, приобретает новые грамматические категории, тем самым по-новому выражая отношение к объективной действительности.

Переход самостоятельного слова в служебное происходит только тогда, когда в первичном значении самостоятельных слов содержится потенциальная возможность выражения связей и отношений между словами. По справедливому замечанию Б.А. Серебrenникова, "служебные слова наиболее естественно возникают из слов, в природной семантике которых заложена потенциальная способность к выражению релятивности" /11/. Еще Л.В. Щерба обращал внимание на слова и группы слов, выступающие в роли предлогов (посредством

ч.-л., в отличие от ч.-л., по поводу ч.-л.). Однако эти слова зачастую не приводятся ни в грамматиках, ни в словарях в качестве предлогов /I2/. То же наблюдается и в других современных европейских языках, что, в свою очередь, отмечается зарубежными лингвистами. "There is also an important class of group prepositions such as by means of, for the sake of, with regard to" /I3/.

Самую многочисленную группу среди производных предлогов составляют предлоги, образованные от имен существительных. И это неудивительно, так как, по мнению В.Н. Мигирина, существует зависимость между ролью частей речи в предложении, обусловленной характером их категориального значения, и их способностью к разного рода трансформациям /I4/. Широта синтаксических функций является необходимым условием для осуществления разного рода трансформаций. Существительные, превосходя другие части речи многообразием своих синтаксических функций, выделяются среди них и по своим грамматическим трансформациям. Такой же точки зрения придерживается и Е.Т. Черкасова, которая объясняет высокую продуктивность перехода существительных в предлоги широким объемом их семантики и богатством их синтаксических функций /I5/.

В группу вторичных предлогов переходят существительные с наиболее абстрактным значением, среди которых можно выделить следующие группы: имена логических конструкторов и конструкторов психологической и интеллектуальной деятельности, ср. "интерес", "цель", "результат", "дух", "смысл" в русском языке и interest, aim, benefit в английском языке; существительные, обозначающие пространственное измерение, ср. "сторона", "область", "направление" в русском языке и basis, framework, field в английском языке; имена различных геометрических измерений, ср. "форма", "вид", "сфера", "мера" в русском языке и sphere, form в английском языке; имена, обозначающие среду, окружение, ср. "контекст", "система", "обстановка" в русском языке и light, context, atmosphere в английском языке; существительные, обозначающие процесс и какое-либо действие: "ход", "процесс", "дело", "протяжение" в русском языке и process, case в английском; отглагольные существительные: "содействие", "дополнение", "учет" в русском языке и help, defence, addition в английском; имена, обозначающие отрезки времени: "время", "период", "канун", "год" в русском языке и year, eve, period, time в английском языке; имена

отношений: "отличие", "связь", "соответствие" в русском языке и relation, comparison, connection, accordance в английском; названия некоторых частей тела и имени человека, способные метонимически обозначать отношения к лицу – участнику действия: "глаз", "имя", "лицо", "глава" в русском языке и behalf, name в английском.

В определенной грамматической форме такое существительное как бы застывает и начинает выполнять другие синтаксические функции – связывать между собой слова и выражать отношения между ними.

Наша небольшая группа выражает вам самые дружеские чувства по случаю наступившего Нового года /Известия, 1982, 29 янв., с. 5/. За годы независимости индийский народ добился немалых успехов в деле подъема национальной экономики /Известия, 1982, 26 янв., с. 1/.

Not all the problems have been solved in the course of socialist construction /Marxist Review 1980, vol.23, N 5, p.11 / Congress cut social programmes in the name of "fighting inflation" /Daily world, 1980, May 5, p. 3/.

Процесс перехода существительных в предлоги сопровождается значительными изменениями в лексическом значении имени от своего первичного денотативного значения до полной потери связи с этим исходным значением, т.е. от Д₁л. до К₂л., и в грамматическом значении формы происходит такой же сдвиг от Д₁гр. через Д₂гр. и К₁гр. до К₂гр. /16/.

Самые многочисленные группы среди составных предлогов составляют и в русском и в английском языках такие, в которых существительное сохраняет свое первичное денотативное значение Д₁л.:

Судебные решения выносились в пользу издательства /Новое время, 1980, № 2, с. 27/. Так было на протяжении всей истории СССР /Новое время, 1980, № 1, с. 1/.

This was planned in the days of President Kennedy /New Time 1978, N 49, p. 29/. The balance is not in favour of imperialism /New Time, 1980, N 2, p. 20/.

В этих предложных группах лексемы сохраняют свое первичное денотативное значение. Изменения идут только по линии грамем. Грамемы "в + вин. п.", первичное пространственное значение

которой - обозначение внутренности или середины предмета как предела движения, "на + предл. п.", первичное пространственное значение которой - обозначение поверхности, которая является местом пребывания предмета, *in + N.*, первичное пространственное значение которой - обозначение нахождения предмета внутри какого-либо пространства сохраняют в этих предложных группах только мотивированную связь с этими первичными пространственными значениями и могут быть обозначены K_1 гр. К данному типу предложных групп, семемная формула которых может быть представлена как $D_{1л.} + K_1$ гр., также относятся предлоги "в интересах", "в целях", "в условиях", "на пользу", "при помощи" и др., *in the days, in addition*.

Следующий тип предложных групп - это формы, имеющие семемную формулу $D_{1л.} + K_2$ гр.:

Работа проведена в соответствии с правилами МОК /Известия, 1980, 28 мая, с. 6'. ... направил поздравление в связи с избранием его на этот пост /Новое время, 1980, № 5, с. 2/.

In accordance with an agreement they shall issue... /Student News, 1980, vol.34, N 1, p.7/. The anti-Soviet campaign let loose in the West in connection with the events in Afghanistan once again shows... /New Time, 1980, N 2, p.1/.

В этих случаях мотивированная связь с первичным пространственным значением граммемы "в + предл. п." - обозначением внутренности или середины предмета как вместилища чего-либо - и с первичным пространственным значением английской граммемы *in+N* утрачивается, и эти граммемы приобретают семемный статус K_2 гр. К данной группе так же относятся формы "в результате", "по поводу", "в годы", "в процессе", "во время".

Значение лексемы $D_{2л.}$ и в русских, и в английских предложных группах отмечается значительно реже, чем значение лексемы $D_{1л.}$ Сюда относятся такие формы, как "в вопросе", "в случае", "в честь", "со стороны", "на случай", "по вопросу", "в дни" в русском языке и *in honour, in the matter, on the part of, in times, in the case, on the occasion* в английском языке.

Во вновь образуемых предложных группах лексемы могут терять свое денотативное значение и приобретать коннотативное. И для русского, и для английского языков наиболее характерны формы, в которых лексемы сохраняют связь с первичным денотативным значением и могут быть обозначены $K_{1л.}$

Работа проведена на основе данных гарантий /Известия, 1980, 25 мая, с. 6/. Вопрос может быть решен в контексте урегулирования /Известия, 1980, 31 мая, с. 4/.

... to promote bilateral relations on the basis of full equality /New Time, 1978, N 48, p.6/. Our struggle in Zimbabwe is taking place in the context of a situation of vicious, barbaric brutality /Student News, 1979, vol.33, N 3, p.6/.

В данных примерах граммема "на + предл.п.", on + n. и "в + предл.п.", in + n. имеют специализированные значения: в первых двух случаях - основания действия, в последних двух - сферы применения, которые могут быть обозначены D_2 гр. К предложным группам, имеющим такую же семемную формулу $K_{1л.} + D_2$ гр. относятся также формы "в области", "в рамках", "в контексте", "в системе", "на базе" в русском языке и in the field, with the object, in the sphere в английском языке.

Следующий тип предложных групп представлен и в русском, и в английском языках такими, семемная формула которых обозначается $K_{1л.} + K_{1г}$.

Они присутствовали в качестве почетных гостей /Новое время, 1978, № 49, с. 10/. Их движение по пути прогресса сопровождалось бурными событиями /Новое время, 1980, № 2, с. 6/.

In the course of 1942 this organisation gained in strength /Marxist Review, 1980, N23, vol.5, p.38/. In the framework of the 8th Summer School a special meeting was held on August 5th /Student News, 1980, N 1, vol.34, p.26/.

К данному типу предложных групп относятся также формы "на пути", "в направлении", "по мере", "на стороне", "в лицо" и др. в русском языке.

Небольшую группу в нашем материале составляют формы, лексема которых может быть обозначена $K_{2л.}$.

В свете этих требований возрастает роль ... /Известия, 1980, 28 мая, с. 2/. Фестиваль пройдет под знаком чествования великого революционера /Комс. правда, 1980, 23 мая, с. 3/.

The point here is to act in the light of the real possibilities /Marxist Review, 1980, N 5, p.58/.

Граммемы "в + предл.п.", "под + твор.п.", in + n. в данных предложных группах имеют семемный статус D_2 гр.

Последняя разновидность - это предложные группы, в которых и лексема, и граммема полностью утрачивают всякую связь со своим

первичным денотативным значением, семейная формула таких пред-
ложных групп может быть представлена как $K_{2л.} + K_{2гр.}$.

Эта идея развита в силу исторического опыта /Новое время,
1978, № 48, с. 5/. Переговоры проходили в духе взаимопонимания
/Новое время, 1980, № 1, с. 8/.

Party strives for bringing up our citizens in the spirit
of socialism /Marxist Review, 1980, vol.23, N 5, p.13/. ... ef-
forts to promote good-neighbourly relations between our count-
ries in the name of friendship between our peoples /New Time,
1980, N 2, p.3/.

Вновь образованные отыменные предложные группы вследствие
развития в них обобщенного значения сочетаются все с большим ко-
личеством имен абстрактного характера различных семантических
групп, главенствующее место среди которых занимают отглагольные
существительные, такие как "участие", "договор", "решение", "борь-
ба", "встреча", "гарантия" и др. в русском языке и соответству-
ющие им эквиваленты в английском языке.

Следует заметить, что для газетных текстов вообще характер-
но наличие большого количества отглагольных существительных, ко-
торые способствуют компрессии информации, так необходимой для
газетных текстов, несущих большое количество информации. И для
передачи такого обилия содержания очень важно вместить как можно
больше информации в минимум текста. Эту роль, в первую очередь,
и берут на себя отглагольные существительные, отсюда и вытекает
большая их употребительность в газетных текстах.

В предлоги, в основном, переходят существительные в форме
единственного числа в определенной предложно-падежной форме, в
русском языке - это "в+вин. п.", "в + предл.", "на + предл.", в
английском языке - это сочетание существительного с первичным
предлогом in например, in favour, in regard to, in the inte-
rests of, in the matter.

Таким образом, в качественном отношении, то есть в лекси-
ческом наполнении отыменных предложных групп и характере выра-
жаемых значений, можно отметить сходство в их функционировании в
русском и английском языках. Что же касается количественного
употребления, то здесь наблюдаются значительные различия в упот-
реблении этих форм в газетно-публицистическом стиле рассматрива-
емых языков. Если на выборку в 100000 печ.зн. в русском языке
приходится примерно 80 примеров с отыменными предложными группа-

ми, то на выборку того же объема в английском языке приходится уже только 25 примеров. Это, вероятно, можно объяснить тем фактом, что первичные предлоги в английском языке как языке аналитического строя играют большую роль, чем в русском. Диапазон их употребления гораздо шире, так как функция выражения грамматических значений перешла от отмиравшей падежной системы к предлогам еще в среднеанглийский период. Поэтому английский язык чаще, чем русский прибегает к помощи первичных предлогов и при выражении более абстрактных отношений. Вновь же образуемые составные предложные группы являются как бы дополнением к уже сложившейся предложной системе. Они практически не употребляются в разговорной речи и характеризуют собой научную, публицистическую и техническую литературу.

Все это следует учитывать при обучении как английскому языку в русской аудитории, так и русскому языку в английской.

Литература и примечания

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. - М.: Изд. братьевъ Салаевыхъ, 1868, ч. I-2, с. 45.
2. Ярцева В.Н. Смещение лексики с грамматикой. - В кн.: Против вульгаризации. М., 1952, т. 2, с. 365.
3. Ильин Б.А. Предлоги в современном английском языке. - Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1958, т. 157, с. II.
4. Черкасова Е.Т. К изучению образования русских отыменных предлогов. - В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1955, с. 135-136.
5. Назикова Е.А. Выражение причинных отношений в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1952, с. 7.
6. Власов Е.Н. Предложно-именные словосочетания с причинным значением в современном немецком языке. - Дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1972, с. 15.
7. Виноградов В.В. Русский язык. - М.; Л.: Учпедгиз, 1947, с. 683.
8. Бархударов Л.С. К вопросу о служебных словах. - Иностр. языки в школе, 1965, № 6, с. 19.
9. Леденев Ю.И. Состав и функциональные особенности класса неполнозначных слов в современном русском литературном языке. - В кн.: Неполнозначные слова. Ставрополь, 1974, вып. I, с. 207.

10. Каламова Н.А. Переход наречий в служебные части речи: предлоги, союзы, частицы. - Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1952, с. 66.

11. Серебренников Б.А. Примечания к статье О.С. Ахмановой "О роли служебных слов в словосочетании". - Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, М., 1952, вып. II, с. 118.

12. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. - М.; Л., 1947, с. 79. - Цит. по: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, 1974, с. 319-338.

13. Sweet H. A New English Grammar. - Oxford, 1900, Part I, p. 90

14. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. - Бельцы: Бельцкий гос. пед. ин-т, 1971, с. 152.

15. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. - М.: Наука, 1966, с. 24.

16. Используются следующие условные обозначения: $D_1л.$ - первичная лексическая денотативная семема; $K_2л.$ - вторичная коннотативная лексическая семема; $D_1гр.$ - первичная денотативная грамматическая семема; $D_2гр.$ - вторичная денотативная грамматическая семема; $K_1гр.$ - первичная коннотативная грамматическая семема; $K_2гр.$ - вторичная коннотативная грамматическая семема. Подробнее об этом см.: Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. - Воронеж: ВГУ, 1978, с. 45-94.

Воронежский государственный университет

А.Б. Шевнин

БИЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ ПОСТСКАЗУЕМЫХ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ (В СТИЛЕ НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Практическим материалом для данной статьи послужили английские предложения с постсказуемыми второстепенными членами (дополнение и дополнение, дополнение и обстоятельство, обстоятельство и обстоятельство). Нами исследованы 2196 предложений функционального стиля научной и технической литературы (ФСНТЛ), в которых второстепенные члены находятся в постпозиции к глаголу-сказуемому предложения: 1098 английских предложений и, соответственно, 1098 русских предложений-эквивалентов.

Теория логико-грамматического членения предложения (ЛГЧП), впервые опубликованная В.З. Панфиловым в 1963 году, предоставляет возможность плодотворного исследования данного конкретного материала двух языков. Исследователями языка неоднократно отмечалось, что, если в устной форме речи основным способом логико-грамматического (актуального) членения предложения является ударение, интонация, пауза /1, с. 120; 2, с. 114/, то в письменной форме речи, каковой является, преимущественно, научная и техническая литература (НИТЛ), основным способом ЛГЧП является порядок слов.

Здесь необходимо сделать уточнение: в проблеме "порядка слов" нас интересует порядок расположения различных элементов предложения, (традиционно, членов предложения) относительно друг друга, а не характер расположения этих элементов /3, с. 99/. Формально-грамматический (синтаксический) уровень позволяет выделить такие члены предложения как подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство; на логико-грамматическом уровне выявляются элементы вспомогательной информации (ВИ) и основной информации (ОИ).

В.Н. Ярцева, говоря о месте и значении контрастивной лингвистики среди других наук о языке, отмечает, что "... сравнение языков плодотворно лишь при наличии хотя бы одного сходного элемента их структуры. Мало пользы от сравнительного изучения в том случае, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы ни в чем не имеют сходства" /4, с. 9/. Именно билингвистические исследования ФСНИТЛ, в частности перевод, обусловили необходимость выделения и применения для анализа языковых явлений особой, билингвистической методики благодаря тому, что предложения различных языков, выражающих одну и ту же мысль, на логико-грамматическом уровне имеют одну и ту же структуру /5, с. 60/. Однако следует ли из того, что при одинаковой логико-грамматической структуре предложения двух языков будут иметь одинаковую синтаксическую организацию? Синтаксическая организация английского предложения обуславливается определенной степенью фиксированности и грамматикализованности порядка слов /6, с. 2/ и поэтому не обладает четкой дифференциацией ВИ и ОИ (в предложениях с прямым, неинвертированным порядком слов). В русском же языке (в его письменной форме речи) порядок слов однозначен: в начале предложения следуют члены предложения, несущие ВИ, а в конце предложения - члены предложения, несущие ОИ,

причем основная информация (ОИ) располагается после сказуемого /7, с. 40/. Таким образом, словопорядок в письменной форме речи русской НИТЛ служит индикатором распределения информации в английской НИТЛ, ключом для снятия логико-грамматической полисемии (если таковая имеется) членов английского предложения.

Многозначность является необходимым атрибутом любого естественного языка, и слово или словосочетание может быть одновременно многозначным и однозначным. Воспринимаемая носителями языка однозначность многозначного языкового знака свидетельствует "о способности человека конкретизировать из омофонов то единственное значение, которое необходимо ему для речевой коммуникации" /8, с. 123/. Принцип однозначности распределения между членами предложения ВИ и ОИ в русской НИТЛ позволяет нам правильно произвести ЛГЧП английской НИТЛ, поставить и решить вопрос об информативной значимости постсказуемых второстепенных членов. Ввиду этого в нашем исследовании английский язык выступает в качестве языка-объекта, то есть языка, на который направлено наше исследование, а русский - в качестве языка-инструмента, то есть языка, посредством и с помощью которого осуществляется выявление тех или иных закономерностей в языке-объекте.

Согласно билингвистической схеме ЛГЧП /5, с. 85-88/, исследованные нами предложения английского языка с второстепенными членами в постпозиции к сказуемому могут быть представлены определенными логико-грамматическими формулами.

К первой группе относятся предложения, в которых подача информации в обоих языках линейная: сначала следуют члены предложения, выражающие ВИ, а затем - члены предложения, выражающие ОИ. Все эти предложения могут быть сведены к следующим логико-грамматическим формулам (ЛГФ):

* АЛГФ Ш (+IV): слабое подлежащее (ВИ) + комплекс: ослабленное сказуемое + сильное дополнение + сильное обстоятельство (ОИ).
Biochemical events can produce chemically pumped steady - state non-equilibrium molecular systems (ОИ) at the cellular level (ОИ) /9, 115/.

Биохимические явления (ВИ) способны создавать химически нагнетаемые установившиеся неуравновешенные молекулярные системы (ОИ) на клеточном уровне (ОИ) /10, с.135/.

Данная логико-грамматическая формула охватывает в нашем исследовании 336 предложений, что составляет примерно 29% от

корпуса следованной материала. В качестве варианта данной логико-грамматической формулы можно выделить предложения с пост-позитивным обстоятельством, органически не входящим в комплекс с глаголом-сказуемым, но несущим ОИ. Если данный член предложения обозначить (+IU), то вышеуказанная формула может быть представлена в следующем виде: слабое подлежащее (ВИ) + комплекс: ослабленное сказуемое + сильное дополнение + сильное обстоятельство (не связанное непосредственно с глаголом-сказуемым) (ОИ).

In several patients the subcutaneous insulin infusion (ВИ) significantly lowered the meal blood glucose concentration (ОИ), without producing hypoglycemia (ОИ) /11, 1316/.

У одной группы больных подкожное вливание инсулина (ВИ) значительно понижало концентрацию глюкозы в крови во время еды (ОИ), не вызывая гипогликемии (ОИ) /12, с. 1316/.

Данное обстоятельство, расположенное в предложении языка-инструмента в конечной позиции, в языке-объекте несет дополнительные элементы ОИ, образуя тем самым, в комплексе со сказуемым и дополнением, логико-грамматический предикат (ЛГП).

АЛГФ Ш(+Ш): слабое подлежащее (ВИ) + комплекс: ослабленное сказуемое + сильное дополнение + сильное дополнение (ОИ).

This suspicion (ВИ) has forced attention on the scientific endeavor concerned with RF fields (ОИ) /9, 56/

Это обстоятельство (ВИ) привлекло внимание к работам, посвященным выяснению влияния полей ВЧ (ОИ) /10, с.56/.

In particular, we (ВИ) refer the reader to other relevant presentations by the panel members and their collaborators (ОИ) /9, 115/.

В частности, мы (ВИ) отсылаем читателя к другим публикациям докладов членов экспертной комиссии и их сотрудников (ОИ) /10, с. 134/.

В вышеприведенных предложениях в состав ЛГП входят прямое дополнение и предложное дополнение как члены формально-грамматической структуры предложения. Глаголов которые выражают действие, направленное одновременно на два предмета, в английском языке имеется значительное количество. Это глаголы с двойным подчинением с общим значением "подвергать" (expose), "сравнивать" (compare), "давать, создавать" (give, produce) и т.д. Связанные с этими глаголами дополнения различаются тем, что прямое дополнение, непосредственно следующее за глаголом, подвергается непосред-

редственным воздействию, тогда как косвенное дополнение обозначает предмет, на который действие глагола ориентировано /II, с. 333/.

Постсказуемое положение прямого дополнения в английском языке объясняется определенной степенью фиксированности и грамматикализованности порядка слов. Характер протекания действия конкретизируется прямым дополнением, а предложное дополнение уточняет объект распространения (ориентации) этого действия. Такая развернутость предопределяет распределение ВИ и ОИ в языке-инструменте.

АЛФ IУ(+IУ): слабое подлежащее (ВИ) + комплекс: ослабленное сказуемое + сильное обстоятельство + сильное обстоятельство (ОИ).

The involvement of lens heating in cataractogenesis (ВИ) has been investigated by altering ocular temperatures by whole-body or localized hyper- or hypothermia (ОИ) /9,51/.
Зависимость катарактообразования от нагрева хрусталика (ВИ) исследовалась путем изменения температуры глаза посредством общей или местной гипер- или гипотермии (ОИ) /10, с. 63/.

The thin-walled sample holders (ВИ)... are inserted through slots in the narrow walls of the respective waveguides (ОИ) /9, 118/.

Тонкостенные держатели проб... (ВИ) вводились через прорези в узких стенках соответствующих волноводов (ОИ) /10, с. 138/.

Данный тип предложений (как свидетельствуют и вышеприведенные примеры), главным образом, характеризуется употреблением глаголов в пассивной форме, что исключает постсказуемое употребление дополнения и способствует распространению предложения за счет обстоятельств, характеризующих условия протекания действия или состояния. Понятия факультативности и второстепенности обстоятельств затрагивают лишь формально-грамматическую организацию предложения и ни в коей мере не характеризуют логико-грамматический уровень членения предложения: вместе с глаголом-сказуемым они формируют ЛП1, то, ради чего было построено предложение.

Наряду с обстоятельствами, выраженными номинативными словосочетаниями, постсказуемую позицию могут занимать и обстоятельства-наречия. Следование за таким наречием информативно наиболее значимого обстоятельства, выраженного номинативным словосочета-

нием, снижает его информативную роль в структуре предложения и переводит его в состав элементов (ВИ). Билингвистическая методика исследования ФСНИТЛ подтверждает информационную тематичность обстоятельства-наречия в английской НИТЛ, ввиду чего в русском варианте наречие расположено в препозиции к глаголу-сказуемому и выступает в качестве наречного конкретизатора (ВИ) последнего /5, с. 79/.

This characteristics increases (OI) monotonically (VI) with the increasing angle from the antenna main beam (OI) /9,124/.

Эта характеристика монотонно (ВИ) возрастает при увеличении угла отклонения от заданного направления лепестка антенны (OI) /10, с. 131/.

На этот счет в работе Н.П. Брылевой имеется возражение против того, что только "постпозиция наречия в русском языке дает при логико-грамматическом членении предложения другую логико-грамматическую формулу" /14, с. 67/. Даже при беглом анализе предложений: "Эти вещества быстро реагируют" и "Эти вещества реагируют быстро", вполне очевидно, что информационная значимость обстоятельства-наречия в последнем предложении гораздо выше, чем в первом, и, следовательно, его логико-грамматическая формула будет иной. Критика данного положения лишь на основании того, что "такое сильное обстоятельство при переводе ч а с т о (разр. наша - А.Ш.) располагается перед глаголом-сказуемым" /14, с.67/, является по меньшей мере необудительной.

Рассмотренные выше типы предложений (соответствующие АЛГФ Ш(+IU), АЛГФ Ш(+Ш), АЛГФ IU(+IU) не противоречат нарастающей гамме коммуникативного динамизма /15, с. 192/, функциональной перспективе Я. Фирбаса и коммуникативному динамизму К. Бооста. Однако, проведенное нами билингвистическое исследование показывает, что в целом ряде предложений в составе ЛГП имеет место переосмысление информационной значимости входящих в него членов предложения. Так, если в английском языке порядок следования постсказуемых второстепенных членов один, то в соответствующем русском предложении этот порядок может быть нарушен даже в составе ЛГП, поскольку для русского языка не безразлично, который из второстепенных членов более информативно значимый. Соответственно, позиция наиболее информативного члена предложения будет конечной.

Microwave radiation induces a unique type of thermal

stress (ОИ₁) in the mammalian lens (ОИ₂) /9, p. 51/.

СВЧ-облучение создает в хрусталике млекопитающих (ОИ₂) уникальное по своим свойствам тепловое воздействие (ОИ₁) /10, с.63/.

Данное переосмысление логических акцентов в языке-инструменте посредством применения билингвистической методики дает объективную картину информационной роли постсказуемых членов предложения в языке-объекте. Более того, билингвистический анализ подтверждает и дополняет монолингвистический, при котором в основу критериев определения информативности членов предложения положены просодические требования, предписывающие избегать при порождении высказывания исхода на короткий член при наличии длинных компонентов, и контекстуально-ситуативная индикация /13, с. 189/. Данные типы предложений с линейным порядком следования членов, то есть от ВИ к ОИ, составляют 59% от исследованного материала. Такой большой процент предложений, в которых синтаксическая организация совпадает с логико-грамматическим членением, свидетельствует о специфике ФСНИТЛ, в котором синтаксический уровень предложения в большей мере (нежели в других функциональных стилях) "приспосабливается" к потребностям выражения логической структуры мысли" /16, с. 223/.

Однако постсказуемое расположение второстепенных членов в формально-грамматической структуре предложения не всегда свидетельствует о их "сильных" информационных позициях с точки зрения логико-грамматического уровня членения предложения. Билингвистический анализ показал, что один из членов предложения может стать информационно слабым и входить в состав ВИ, монолингвистически это объясняют употреблением анафорического определенного артикля, собственным лексическим значением, широким смысловым объемом и т.д. /15, с. 189/. Если "слабый" член предложения обозначить символом УШ ("слабое" обстоятельство) и УП_д ("слабое" дополнение), то данную группу предложений с двумя постсказуемыми членами предложения можно свести в АЛГФ III и АЛГФ IV.

Technology assessment has had limited application in the health field (VIII) /11, 1194/.

В области здравоохранения (УШ) социально-экономическая аттестация техники не нашла широкого применения /12, с. 13/.

Оба иноструктурных варианта могут быть выражены следующими формулами:

АЛГФ: ВИ - ОИ - ОИ - ВИ

РЛГФ: ВИ - ВИ - ОИ - ОИ

CCD transversal filters utilize this charge transfer mechanism (УП_д) in the following way /17, 1004/.

В трансверсальных фильтрах на ПЗС этот механизм переноса заряда (УП_д) используется следующим образом /18, с. 71/.

Символически оба эти предложения можно записать следующим образом:

АЛГФ: ВИ - ОИ - ВИ - ОИ

РЛГФ: ВИ - ВИ - ОИ - ОИ

В последнем предложении английское "слабое" подлежащее моносемично русскому "слабому" обстоятельству, английское "слабое" дополнение моносемично русскому "слабому" подлежащему. Оба вышеприведенных предложения подтверждают (согласно билингвистической методике синусоидальный характер подачи информации в языке-объекте /5, с. 68/, многозначность членов предложения на логико-грамматическом уровне. Данная разновидность предложений, в которых один из постсказуемых членов предложения (дополнение или обстоятельство) является "слабым" и входит в состав ЛГС, представлена 18 процентами предложений всего исследованного материала.

И, наконец, билингвистический анализ английских предложений с постсказуемыми дополнениями и обстоятельствами позволяет выявить в языке-объекте наличие третьего порядка слов "сильное подлежащее + ослабленное сказуемое", то есть препозитивное подлежащее в английских предложениях на логико-грамматическом уровне может быть "сильным" членом предложения и нести ОИ. Выявление препозитивного "сильного" подлежащего стало возможно благодаря действию билингвистического закона, который сводится к тому, что "если в предложении любого языка наличествует сильное (предикатное) подлежащее при объективном (не эмоциональном) порядке слов, то в русском предложении с одинаковым содержанием эквивалент этого сильного подлежащего будет расположен в конце предложения" /7, с. 47/.

Данный порядок слов в английских распространенных предложениях сводится, главным образом, к АЛГФ УИ: сильное подлежащее (ОИ) + ослабленное сказуемое (ОИ).

Corneal irrigation with physiological saline solutions (ОИ) has also been used (ОИ) to prevent corneal damage (VIII) due to tissue dehydration during microwave exposure (ВИ) /9, 50/.

Для предотвращения повреждения роговицы (ВИ), вследствие обезвоживания ткани (ВИ) во время СВЧ-облучения (ВИ), применялось (ОИ) орошение роговицы физиологическими солевыми растворами (ОИ) /10, с. 62/.

В данном английском предложении постсказуемые второстепенные члены предложения (обстоятельства) логико-грамматически являются "слабыми" и, следовательно, в русском соответствующем предложении расположены в начале предложения, как элементы ВИ.

Наличие третьего порядка слов в распространенных английских предложениях с постсказуемыми второстепенными членами свидетельствует о возможности "антиперспективного", "антидинамического" распределения ВИ и ОИ. Постсказуемая позиция второстепенных членов не является логико-грамматически маркированной, то есть они могут относиться как к ЛПС, так и к ЛПП. Английские предложения с наличием в них третьего порядка слов охватывают примерно 16% исследованного материала. Именно поэтому мы позволим не согласиться с точкой зрения, согласно которой для английских предложений с постсказуемыми второстепенными членами "не характерны типы с коммуникативно сильной препозицией или слабой постпозицией" /13, с. 191/. В вопросе установления логико-грамматических типов распространенных предложений основным критерием должен явиться критерий объективности оценки исследуемого материала и учета, как характерных, так и нетипичных (например, с количественной стороны) моделей распределения ОИ и ВИ.

Таким образом, предварительный билингвистический анализ английских предложений с постсказуемыми второстепенными членами в ФСНИТЛ позволяет сделать ряд выводов:

1. Постсказуемые второстепенные члены (дополнение, обстоятельство) логико-грамматически не маркированы и могут нести как ВИ, так и ОИ, полифункциональны.

2. Значительное преобладание английских предложений, выраженных формулами: АЛГФ Ш(+Ш), АЛГФ Ш(+IV), АЛГФ IV(+IV), АЛГФ IV(+Ш) свидетельствует о семантической ослабленности глаголов-сказуемых, что в свою очередь является, по нашему мнению, одной из причин формально-грамматической эксплицитности изложения, то есть распространения предложения.

3. Наличие третьего порядка слов в распространенных предложениях противоречит общепринятому мнению о "нарастающей гамме

коммуникативного динамизма" и должно учитываться при построении английских структур.

4. Выведенные модели английских предложений с постсказуемыми второстепенными членами могут оказать помощь в практике перевода английской и русской НИТЛ, а также при изучении грамматических закономерностей ФСНИТЛ.

5. Билингвистический анализ дополняет монолингвистические исследования и способствует объективному решению проблемы снятия логико-грамматической межъязыковой многозначности.

Литература

1. Кацнельсон С.Д. О категории субъекта предложения. - В кн.: Универсалии и типологические исследования. М., 1974; с. 104-125.

2. Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. - М.: Высш. школа, 1980. - 143 с.

3. Долинина И.Б. Системный анализ предложения. - М.: Высш. школа, 1977. - 176 с.

4. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. - М.: Наука, 1981. - 110 с.

5. Пумпянский А.Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. - М.: Наука, 1974. - 247 с.

6. Шевякова Е.Е. Вариации порядка слов в современном английском языке. - Автореф. дис... докт. филол. наук. - М., 1982. - 46 с.

7. Пумпянский А.Л. Грамматические закономерности научной и технической литературы: Англо-русские эквиваленты. - Калинин: КГУ, 1982. - 80 с.

8. Пумпянский А.Л. О принципе языковой многозначности. - Вopr. языкознания, 1983, № 1, с. 122-130.

9. Proceedings of the IEEE, 1980, v.68, N1.

10. Труды института инженеров по электротехнике и радиоэлектронике, 1980, т. 68, № 1.

11. Proceedings of the IEEE, 1979, v.67, N 9.

12. Труды института инженеров по электронике и радиотехнике, 1979, т. 67, № 9.

13. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. - М.: Высш. школа, 1955. - 391 с.

14. Брылева Н.П. Некоторые замечания о порядке слов при пе-

реводе с английского языка на русский. - В кн.: Тетради переводчика, М., 1976, вып. 13, с. 58-70.

15. Цыпышева М.Е. Актуальное членение и перевод многочленных структур. - В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. - М., 1982, с. 175-196.

16. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. - М.: Наука, 1971. - 232 с.

17. *Proceedings of the IEEE*, 1980, v. 68, N 8.

18. Труды института инженеров по электронике и радиотехнике, 1980, т. 68, № 8.

Калмыцкий государственный университет

И.П. Цветова

ПРИНЦИПЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОДКЛАССОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДИАХРОНИИ

Существование подклассов в языке является объективным фактом. Деление слов на подклассы вызвано тем, что часто для грамматического анализа рассмотрение классов слов неэффективно в силу того, что не могут быть учтены все особенности лексического значения некоторых единиц, специфика их грамматических свойств.

На необходимость более мелких подразделений внутри каждого класса указывается как советскими лингвистами, такими, как В.Г. Адмони, О.И. Москальская, Д.Н. Шлейвис, так и зарубежными исследователями: Г. Глисоном, Дж. Лайнзом, М. Лестером. Так, В.Г. Адмони в своей статье "Размер предложения и словосочетания как явление синтаксического строя" отметил, что в области грамматических исследований работы приобретают наиболее плодотворный характер лишь "при условии значительной дифференцированности анализа... с учетом различных лексико-грамматических разрядов слов" /1/. Не менее важен учет существования подклассов слов, их лексико-грамматических разрядов при преподавании языка, особенно неродного, так как незнание грамматических свойств таких разрядов чрезвычайно затрудняет усвоение языка.

Субкатегоризация имен существительных вызвана неоднородностью лексических и грамматических свойств тех единиц, которые входят в данный класс. В "Теоретической грамматике современного

английского языка" дается определение имени существительного как знаменательной части речи, которая обладает значением предметности. "Предметность - грамматическое значение, в силу которого словесные единицы - названия как собственно предметов, так и не-предметов (абстрактных понятий, действий, свойств и т.д.)- функционируют в языке сходным образом с названиями собственно предметов" /2/. Но синтаксические дериваты, то есть отглагольные, отадъективные существительные, называющие состояния, свойства, качества и т.п., не всегда могут участвовать в морфологических категориях имени. Таким образом, очевидно, что класс существительных нуждается в дальнейшей детализации.

Однако лингвисты, указывающие на необходимость деления слов в пределах части речи, признавая существование подклассов, расходятся во взглядах на определение количества подклассов и их характера. Данное расхождение вызвано тем, что в основу субклассификации положены различные принципы. Отсюда появились классификации, основанные только на семантическом или только на грамматическом принципе.

Большинство грамматических субкатегоризаций принадлежит зарубежным исследователям, в частности Квирку /3/, Норману /4/. Деление на подклассы проводится ими на основе отношения имен существительных к категории числа. В соответствии с этим признаком выделения лингвисты получили 3 подкласса существительных:

- 1) исчисляемые существительные, типа *bottle, nation, apple*;
- 2) неисчисляемые существительные, типа *grass, humour*;
- 3) существительные, которые могут быть как исчисляемыми, так и неисчисляемыми: *paper, hope, light*.

Примером классификаций, построенных на семантическом принципе, может послужить классификация существительных, предлагаемая А.А. Уфимцевой /5/. Здесь признаком выделения подклассов берется соотношение денотативного и сигнификативного значений слова. А.А. Уфимцева выделила 4 семиологических типа:

1. Термины, включающие названия орудий, инструментов. Эти термины являются словами с денотативным значением. Термины - дефиниции в различных областях науки, являющиеся словами с сигнификативным значением.

2. Имена с денотативно-сигнификативным значением. Сюда относятся "имена реальных предметов материального мира, видимых, осязаемых".

3. Существительные с сигнификативно-денотативным значением. К этим словам причисляются имена с широкой понятийной основой, например, *thing*, *fact* и собирательные существительные.

4. Абстрактные существительные, обладающие сигнификативным значением, куда входят названия ирреальных предметов типа русалка, а также названия состояний, свойств, качеств, названия понятий, которые обозначают мыслительные категории, такие, как материя, признак.

Данная классификация не учитывает грамматические характеристики слова, а значит, слово не может быть рассмотрено как единица системы языка. Исследователю при лингвистическом анализе необходимо учитывать не только семантические различия слов, но и особенности их грамматического функционирования. Отсюда представляется справедливым мнение тех авторов /6/, которые считают неправомерным отнесение существительных типа русалка к абстрактной лексике и причисляют их к конкретным одушевленным существительным. Действительно, подобные слова являются обозначениями предметов ирреального мира, но функционируют они как одушевленные.

Исходя из важности для лингвистического анализа как семантического, так и грамматического аспекта, во многих классификациях выделение подклассов стало производиться на основании единства семантических и грамматических критериев. Такими являются классификации В.В. Виноградова /7/, Л.В. Щербы /8/.

Однако лексико-грамматические классификации могут отличаться друг от друга. Это зависит от того, какие грамматические признаки положены в основу деления слов. Так, в книге "Современный английский язык" классификация построена на основе взаимодействия лексического значения слова с грамматической категорией числа /9/. А Ю.Д. Апресян /10/ делит существительные по отношению их к системе местоимений, отчасти к словообразованию и к категории числа. Таким образом, различия между классификациями зависят от принципов, которые положены в их основу.

В последнее время лингвистов привлекает проблема взаимоотношения между подклассами существительных и их синтаксическим функционированием. На материале русского языка подобные исследования проводились Байковым В.Г. /11/, анализирующим подклассы существительных в функции дополнения, Кольхановой Е.Б. /12/, изучающей лексическое наполнение функции обстоятельства образа действия, Щebetенко Е.А. /13/, исследующим взаимоотношения под-

разделений имен существительных и функции обстоятельства времени.

На материале французского языка В.И. Естафьев /14/ провел анализ соотношения между семантикой и синтаксической функцией имени существительного.

Исследование закономерностей синтаксического функционирования подклассов современных английских имен существительных проведено Н.В. Труханович /15/, которая проанализировала пять подклассов:

- 1) конкретные неодушевленные существительные;
- 2) конкретные одушевленные существительные;
- 3) вещественные существительные;
- 4) собирательные **существительные**;
- 5) абстрактные существительные.

Несмотря на то, что с точки зрения семантики одушевленные, собирательные и вещественные существительные входят в подкласс конкретных существительных, они рассматривались отдельно в целях выявления особенностей синтаксического функционирования. Результаты исследования показали, что все анализируемые подклассы существительных имеют свои особые синтаксические свойства. Учет синтаксических особенностей подклассов существительных предоставил возможность определить соотношение между подклассами в исследуемой части речи.

На основании результатов анализа закономерностей синтаксического функционирования подклассов имен существительных в современном английском языке представляется интересным провести подобное исследование на материале древнеанглийского языка, приняв в качестве исходных те же пять подклассов. Это подтвердит закономерность намеченного деления, его значимость для понимания системы языка. Однако надо отметить, что отграничение абстрактных существительных вызывает трудность в современном английском языке, но, когда обращаешься к семантике древних слов, эта проблема усложняется разницей в представлениях современных людей и древнего человека. Так, существительное "жизнь" явно относится сейчас к абстрактной лексике, потому что оно не имеет денотата, который бы существовал в реальной действительности в виде какого-либо предмета. Но, основываясь на данных изучения семантики древнего слова, проводимого многими лингвистами, можно увидеть, что ряд абстрактных в современном понимании существительных обозначал

наряду с абстрактными понятиями и материальные предметы в древний период. Так, М.И. Стеблин-Каменский сравнил древнеанглийское слово **feorh** с соответствующим словом в древнескандинавском языке и пришел к выводу, что "понятие "жизнь" было представлено в этом слове как нечто одновременно и отвлеченное и предметное" /16/. Н.В. Феоктистова тоже указывала на тот факт, что существительное **feorh** "жизнь" понималось как нечто присущее живому существу, субстанциональное, находящееся где-то внутри человека. Вещественным в понимании древнего человека было и дыхание, в подтверждение чего Н.В. Феоктистова привела пример: **hi mid langre sweortunge dæst ord tham breostum tesh** - он длинным мечом то дыхание вытянул из груди /17/. Таким образом, при субклассификации древнеанглийских существительных надо учитывать специфику их семантики, помнить о нечеткости разграничения конкретных и абстрактных представлений в древнем слове, обращая внимание на контекст, в котором употребляется исследуемое существительное.

Материалом исследования послужили сплошные выборки из прозаических произведений древнеанглийского периода.

Анализ закономерностей синтаксического функционирования подклассов древнеанглийских имен существительных показал, что в позиции подлежащего используются преимущественно конкретные одушевленные существительные. Их процент равен 90 из числа проанализированных примеров:

Se fæder is angin and se sunu is angin (Ael., 10). - Отец есть начало и сын есть начало /18/.

Надо отметить, что слова, обозначающие предметы ирреального мира, такие, как **halga gast** "святой дух", **god** "бог", **deoful** "дьявол" тоже включены в подкласс конкретных одушевленных существительных на основании того, что в раннем понимании людей они обозначали вполне определенные одушевленные предметы.

þoet synd oenglas and manna saula þe ongunnen þa þa he god gesceop (Ael., 12). - Ими являются ангелы и души людей, которые появились, когда их создал бог.

Процент конкретных неодушевленных существительных, употребленных в функции подлежащего, невелик - 7%:

ealla þa halgan bec aegþer ge on þære ealdan. æge on þære niwan soþlice sprecað be þere halgan þrynsse (Ael., 12) - Все святые книги как в Старом завете, так и в Новом говорят о святой Троице.

3% приходится на вещественные существительные:

as heora blod is heora lif (F.J., 4) – но его кровь есть его жизнь.

Абстрактные и собирательные существительные в позиции подлежащего не зарегистрированы.

На примере анализа подклассов древнеанглийских имен существительных в функции подлежащего определилось, что данная функция, как и в современном английском языке, отмечена категориальным показателем одушевленности. Однако распределение подклассов в рассматриваемой функции отличается от расположения подклассов в современном языке, где конкретные неодушевленные существительные стоят на втором месте по употреблению, а абстрактные – на третьем. Этот факт, по всей вероятности, можно объяснить конкретностью мышления носителей языка в древнюю эпоху.

В функции дополнения наибольшей употребительностью характеризуются конкретные неодушевленные существительные (47%):

þu is an scyppend wat ealle þing (Ae1, 12) – Этот единственный создатель знает все вещи.

Большой процент приходится и на конкретные одушевленные существительные (40%):

and se sunu is angin æfre of þam fæder ascenned (Ae1, 12) – И сын есть начало, вечно происходящее от отца.

В данной функции встречаются и абстрактные существительные (8%):

he geseop fixas and fugealas, and sealde þam fixum sund (F.J., 4) – Он создал рыб и птиц и дал тем рыбам способность плавать.

Вещественные существительные употребляются сравнительно редко. Примеры их употребления составили 3%:

hi nan wæter ne gemytton (F.J., 22) – они никакой воды не нашли.

Случаи употребления собирательных существительных единичны (2%):

witodlice Moyses laedde Ibrahela folc (F.J., 8) – Конечно, Моисей повел народ Израиля.

И в функции дополнения распределение подклассов существительных в современном и древнеанглийском языке различно. Так, из современных существительных наиболее употребительными после конкретных неодушевленных являются абстрактные существительные, в

то время как в древнеанглийском языке на втором месте по частоте употребления стоят конкретные одушевленные существительные.

Таким образом, подклассы имен существительных обладают своими синтаксическими свойствами, причем эти особенности существительных древнеанглийского периода отличаются от функциональных свойств современных английских существительных.

Литература

1. Адмони В.Г. Размер предложения и словосочетания как явление синтаксического строя. - Вопр. языкознания, 1966, № 4, с. 118.
2. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Вншшкола, 1981, с. 21.
3. A University Grammar of English/ Quirk R., Greenbaum I., Leech G., Svartvik J. - М.; Vysshaya Shkola, 1982. - 391 p.
4. Norman R. an Outline of the Subclasses of the English Nominal. - In: Readings in Applied English Linguistics. N.Y., 1964.
5. Уфимцева А.А. Лексическая номинация. - В кн.: Языковая номинация, М., 1977, с. 5-85.
6. Труханович Н.В. Синтаксическое функционирование подклассов имени существительного (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1981. - 20 с.
7. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. - М.; Л.: Учпедгиз, 1947. - 784 с.
8. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. - В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 63-68.
9. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. - М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1956, с. 20
10. Апресян Ю.Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. - В кн.: Лексикографический сборник. М., 1962, № 5, с. 52-72.
11. Байков В.Г. Факторы, определяющие использование морфолого-синтаксических типов для выражения объектных отношений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Симферополь, 1968. - 23 с.
12. Колянханова Е.Б. Частотность морфолого-синтаксических типов и факторы, определяющие их выбор в сфере выражения обстоятельства образа действия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 1971. - 19 с.

13. Шебетенко Б.А. Частотность временных конструкций разного морфологического типа и принципы их выбора в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1971. - 25 с.

14. Евстафьев В.И. Соотношение между семантикой и синтаксической функцией имени существительного в простом предложении французского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1974. - 24 с.

15. Труханович Н.В. Указ. соч., с. 8-19.

16. Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. - Л.: АН СССР, 1953, с. 268.

17. Феоктистова Н.В. О динамике семантических сдвигов слов со значением "жизнь" в древнеанглийский период. - В кн.: Диахронические исследования германских языков. Калинин, 1982, с. 57-64.

18. В статье приняты следующие сокращения для обозначения источников примеров: Ael. - Skeat W. Aelfric's Lives of Saints, being a Set of Sermons on Saint's Days, Formely Observed by the English Church. - London, 1885, vol. 1. - 354 p.; F.J. - Funke O., Jost K. An Old English Reader. - Bern, 1942.- 58 p.

Ленинградский государственный университет

З.Е. Фомина

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА (на материале русского и немецкого языков)

По словам Ш. Балли, "живая речь во всех своих проявлениях обнаруживает рассудочную сторону и эмоциональную сторону, представленные в очень различных пропорциях в зависимости от душевного состояния говорящего, конкретной ситуации и социальной среды" /1/. Такую характеристику можно дать не только разговорной речи в целом, но и отдельному слову. Речь идет о том, что в семантической структуре слова, в значении слова следует различать денотативный (предметно-логический) и различные разновидности коннотативных компонентов значения, характеризующие то или иное отношение говорящего к акту общения, участникам акта общения, сообщаемому и т.д., то есть несущего дополнительную информацию. У Е.Г. Ковалевской мы читаем: "... существует взаимосвязь языка с различными степенями человеческого сознания: мышлением, волей, эмоциями, поэтому в содержание слова (смысл слова, лексическое значение слова, семантику слова, семантическую структуру слова)

... включают кроме интеллектуального (понятийного, предметно-понятийного, концептуального), эмоциональное (эмоциональный момент, эмоциональные элементы, эмотивное содержание, эмотивное значение) ..." /2/.

Проблема коннотативного эмоционально-оценочного компонента представляется нам наиболее интересной, так как она еще недостаточно исследована.

Задача данного исследования состоит в том, чтобы выяснить, как функционирует эмоционально-оценочный компонент в глагольной лексеме немецкого и русского языков, выявить его специфику.

Источниками нашего анализа послужили общественно-политические тексты из газет "Правда" (Пр.) и "Neues Deutschland" (N.D.).

Результаты семантического исследования глаголов показали, что эмоционально-оценочный компонент, содержащийся в их семантике, относится не к самому названному действию, а к его цели, объекту, способу, субъекту.

В большинстве немецких и русских глаголов эмоционально-оценочный компонент выражает цель действия, например, разобить, замаскировать, шпионить, сговориться; в немецком языке - *besän-tel* (замаскировать), *dramatisieren* (драматизировать), *reini-gen* (мучить, истязать) и др.

Ни для кого не секрет, что экстремистам из "Солидарности" на отдельных предприятиях удалось разобить трудовые коллективы, внести смуту в их повседневную жизнь. Пр., 23.12.81.

Эмоционально-оценочный компонент выявляется здесь по цели действия - в неблагоприятных, предосудительных целях.

К глаголам, обозначающим действия, в результате которых появляются отрицательные/положительные объекты, мы относим следующие лексемы: сфабриковать, потворствовать, ознаменовать и др.; в немецком языке - *fabrizieren* (фабриковать), *schüren* (подстрекать).

"Ich fabriziere Morde, nicht Szenarien", schreit er in den Saal, "und die Beweise findet ihr niemals". ND, 4.11.80

В исследуемой оппозиции эмоционально-оценочный компонент выявляется по отношению к объекту - "Morde" (смерти).

У целого ряда немецких и русских глагольных лексем эмоционально-оценочный компонент относится к способу осуществления какого-либо действия. Например, наживаться, вторгнуться, вломиться, диктовать; в немецком языке - *diktieren* (диктовать), *brüskieren*

(грубо обращаться с кем-л.).

Множество же других компаний и канадских, и американских продолжает наживаться на продаже вооружения и боеприпасов антинародному режиму Претории. Пр., 16.10.80.

Эмоционально-оценочный компонент выявляется в способе действия - "нечестным путем". В качестве примера немецкой оппозиции аналогичного рода можно рассмотреть такое соотношение глаголов: свирепствовать, зверствовать;

Truppen des südafrikanischen Rassistenregimes hausen in den überfallenen südangolanischen Provinzen... wie die Barbaren. ND, 24.10.80.

Эмоционально-оценочный компонент также характеризует способ действия - действовать грубо, жестоко, зверски, подобно варварам.

Малочисленную группу представляют глаголы, у которых эмоционально-оценочный компонент выявляется по отношению к субъекту (положительному или отрицательному). Например, восторжествовать, разгромить и др.; в немецком языке - brandmarken (заклеймить), schänden (обесчестить).

Die Journalisten der Deutschen Demokratischen Republik werden alles, in ihren Kräften Stehende zu tun, um dieses ungeheuerliche Verbrechen gegen den Frieden zu brandmarken, die Schuldigen zu entlarven... ND, 11.6.82.

В описанной оппозиции эмоционально-оценочный компонент выявляется по отношению к субъекту - люди, борющиеся за мир, против преступлений империализма.

Необходимо отметить, что в газетных текстах встречается большое количество глаголов, которые содержат эмоционально-оценочный компонент, отсутствующий в семеме Д1 и появляющийся в семеме К1 той же лексемы. В данном случае мы будем пользоваться терминологией М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, согласно которой семема Д1 является первым языковым знаком образа предмета, явления реальной действительности, знание которой основано на восприятии предмета реальной действительности, его называемого, и не может быть получено другим, чисто языковым путем. Коннотативная мотивированная семема К1 возникает в результате развития значения семемы Д1, а также и семемы Д2 /3/.

У глаголов вышеназванного типа эмоционально-оценочный компонент, содержащийся в семеме К1, относится также не к самому наз-

ванному действию, обозначаемому глаголом, а к его цели, объекту, способу, субъекту. К этой группе языковых единиц мы относим такие слова, как: подрывать, разжигать, сколотить, напирать, протаскивать, раздувать, расколоть и др.; в немецком языке - anheizen (разжигать), aufhetzen (натравлять), herauspumpen (выкачивать), einschmuggeln (протаскивать), unterminieren (подрывать) и многие другие. Приведем примеры с глагольными лексемами, у которых эмоционально-оценочный компонент выражает цель действия:

Подрывать ДІ - уничтожить, разрушить взрывом;

Подрывать КІ - нанести вред чему-л., расстроить, поколебать что-л. нужное, хорошее в темных, враждебных целях;

Попытки Вашингтона и определенных кругов ФРГ подорвать экономические связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами встречают резкое осуждение общественности, официальных и деловых кругов, а также западногерманской печати. Пр., 4.03.82.

Эмоционально-оценочный компонент в глагольной лексеме "подрывать" выявляется по отношению к цели действия - "в темных, враждебных целях".

Нередко встречаются глагольные лексемы, у которых эмоционально-оценочный компонент характеризует объект действия:

Сколотить ДІ - соединить, скрепить, прибав друг к другу; сбить;

Сколотить КІ - собрать, создать группу людей, действующих в темных, предосудительных целях.

Как известно, именно в тот период Вашингтон сколотил агрессивный блок НАТО, втянув в него также Данию, Норвегию и Исландию. Пр., 28.10.80.

В результате действия, обозначаемого глаголом "сколотить", появляется отрицательный объект - агрессивный блок НАТО. Эмоционально-оценочный компонент выявляется в данной оппозиции по объекту действия.

Anheizen D 1 - etwas anfeuern, zu heizen beginnen;

- что-л. разжечь, начать топить;

anheizen K 1 - etwas Schlechtes, Ubles vergrößern, verschärfen

-усилить что-л. плохое, обострить, нагнетать в неблагоприятных целях;

Als besonders wichtig bezeichnete Peter Florin Verhandlungen und Vereinkommen zur Beseitigung der Spannungen an der Grenzzone zwischen der VR Kampuches und Thailand, wo die "fortgesetzten Übergriffe der Pol-Pot Banden die Spannungen anheizen und die

В немецком примере эмоционально-оценочная сема выявляется также аналогичным образом, то есть по объекту - "die Spannung - gen" (напряженность).

В следующей группе глаголов эмоционально-оценочный компонент выражает способ действия:

Протаскивать ДІ - пронести с трудом что-л. тяжелое, громоздкое;

Протаскивать КІ - добиться включения, приема кого-л. в состав чего-л., применяя недопустимые методы, действуя нечестным путем;

Именно "ястребы" взяли еще в прошлом году протаскивать через конгресс законопроект, разрешающий продать национальное достояние чехословацкого народа. Пр., 16.07.81.

В исследуемом слове эмоционально-оценочная сема выявляется по способу действия - "действовать нечестным путем, применяя недопустимые методы".

Рассмотрим глаголы, у которых эмоционально-оценочный компонент выявляется по отношению к субъекту действия:

Свиrepствовать ДІ - проявлять свирепость, жестокость в действиях, поступках;

Свиrepствовать КІ - проявляться с большей силой, бушевать, неистовствовать, проявляя свирепость, жестокость в действиях.

Фашистская хунта свиrepствует. В тюремных застенках томятся более четырех тысяч политзаключенных, подвергающихся пыткам и издевательствам. Пр., 07.09.81.

В этом случае эмоционально-оценочный компонент выражает субъекта действия, обозначаемого глаголом "свиrepствовать" - фашистская хунта, которая свиrepo, хищнически расправляется с чилийскими патриотами, попирая все нормы права и закона.

Aufblühen ВІ - erblühen, sich langsam öffnen - расцветать, медленно открываться;

aufblühen КІ - sich entfalten - развиваться, расцветать (о ком-л., чем-л. хорошем, положительном)

Der Weltraum kann und muß die Erdbewohner einen, die Erkenntnis fordern, daß die Menschen gemeinsam einen Planeten bewohnen und daß es von ihnen abhängt, ob dieser Planet friedlich aufblühen wird. ND, 5.11.80.

Эмоционально-оценочный компонент, содержащийся в семантике глагола "aufblühen", характеризует субъекта действия - "Planet" (планета, которая должна расцвести, быть цветущей).

Таким образом, результаты семантического исследования позволяют сделать вывод о том, что и в немецких и русских глагольных лексемах эмоционально-оценочный компонент характеризует не само действие, а его цель, объект, способ, субъекта. В большинстве случаев в общественно-политических текстах немецкого и русского языков употребляются глаголы, в которых эмоционально-оценочный компонент выражает цель действия.

Литература

1. Балли, Ш. Французская стилистика. - М.: Изд-во иностр. лит., 1961. - 394 с.

2. Ковалевская Е.Г. Семантическая структура слова и стилистические функции слов. - В кн.: Языковые значения. Л., 1976, с. 158 (Сб. науч. тр./ЛГПИ им. А.И. Герцена).

3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. - Воронеж: ВГУ, 1978. - 143 с.

Словари

1. Малый академический словарь русского языка.-М., 1952-1962, т. I-4.

2. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. - Berlin, 1970-1978, Bd. 1 - 6.

Воронежский государственный университет

П.П. Червинский

КОНТРАСТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Психологическая оправданность методического приема, степень его соответствия природе изучаемого объекта, условиям обучения во многом определяют его эффективность. Достижение желаемого оказывается в прямой зависимости от того, насколько органично построена система приемов, насколько последовательно воплощены в ней условия, материал, задачи обучения, обучающий и обучаемый.

Обучение русскому произношению нерусских в условиях русско-национального двуязычия специфично. По характеру целей, по усло-

виям оно со всей очевидностью будет отлично от обучения как в одноязычной, так и в иностранной аудитории.

Понимая сложность возникающих в данной связи вопросов и не желая ни уходить, ни уклоняться от них, напротив, стремясь способствовать их разрешению, автор из-за ограниченности объема статьи вынужден сузить круг задач: в статье будут показаны только принципы возможной системы приемов; общие задачи обучения в двуязычной аудитории, обуславливающие задачи обучения произношению, предстанут лишь в самом общем виде. Цель статьи, таким образом, сводится к тому, чтобы дать основу, разработать принципы создания системы обучения произношению в калмыцко-русской двуязычной аудитории, а не представить данную систему в более или менее осязаемом виде.

Предполагаемая система, опираясь на закономерности названного двуязычия, ориентируется в основном на вероятного индивида, на индивидуальные черты, поскольку, при наличии общего, речь отдельного лица - это прежде всего его собственная речь, и обучение произношению, главным образом, - работа индивидуальная.

Прежде чем выработать методику и строить обучающую систему, необходимо определить задачи самого обучения. Они обуславливаются существующей в республике языковой ситуацией и целями национального развития. Русская речь калмыков - явление неоднородное, степень взаимодействия двух фонетических систем, степень интерференции калмыцкого и русского языков у говорящих, в зависимости от возраста, происхождения, среды, рода деятельности, различны. Русский компонент (от него будем отталкиваться) может быть представлен в речи отдельного лица без существенных включений (практическое отсутствие акцента), а также с включениями различного характера и разной силы.

Основной принцип обучения должен состоять в том, чтобы развитие, усиление русского компонента не только не производилось в ущерб калмыцкому, но, напротив, способствовало его закреплению и усилению. Две тенденции - притягивания и отталкивания - взаиморегулируются таким образом, чтобы притягивались две системы как сосуществующие и равные и отталкивались как различные в собственных, несмешиваемых звуковых проявлениях.

Достижение баланса, взаимодействие и взаиморегулировка двух систем, отношение взаимодополнения между ними следует рассматривать как оптимальную и желательную тенденцию развития двуязычия.

Равное совершенствование обеих речевых сфер в условиях двуязычной языковой среды возможно в случае сознательной ориентировки говорящих: знание языка вторичного усиливает знание первичного и делает их равнодоминирующими только в том случае, если обучаемые осознают это не просто как необходимость, а видят, знают, чувствуют и могут находить пути сопряжения и отталкивания двух систем, понимают то общее, что есть в них, и то, что отличает их. Другими словами, говорящему необходим хотя бы минимальный навык внутреннего анализа и контроля обеих своих речевых сфер, навык взаимной корректировки и взаимоконтроля между родным языком и русским.

Непересекаемость двух сфер, несопоставимость их в сознании говорящего — явление достаточно характерное. Двуязычие неравное, с ущербом одного из компонентов, равно как и смешение компонентов, значительная степень интерференции, взаимного проникновения двух систем — во многом следствие стихийного, неаналитического овладения речевыми навыками. Именно методика контрастов в обучении произношению двуязычной аудитории, независимо от представленных в ней типов двуязычия и степени владения русской речью каждым из обучаемых, представляется той основой средств, которые, будучи выстроены в систему, способны вырабатывать и развивать навыки сознательно-активного отношения к речи, осуществляемой в проявлениях двух различных языковых систем. И именно с произношения необходимо начинать, постепенно подключая другие уровни, поскольку материальным, акустико-физиологическим, моторным и психологическим носителем, знаком языка для сознания в первую очередь выступает произношение. Не зная языка, только по особенностям артикуляции, мы можем отличить немца от француза, поляка от русского, калмыка от болгарина. Произношение — своеобразный вход в язык, его начало. Умению говорить должно предшествовать умение слушать.

Моторика одной и второй артикуляционной базы, автоматизмы правильного и чистого произношения национального и русского — залог успешного развития взаимодополняющего двуязычия. Обучение произношению русскому в условиях еще одной языковой среды должно вестись одновременно и равно с обучением произношению языка данной среды: сознательное отношение к речи, достигающееся в процессе обучения только русскому произношению вне параллели с национальным будет неполным для говорящего, поскольку его русская речь

только часть его речевого проявления.

Методика контрастов в последнее время все шире применяется как при обучении языку в иностранной аудитории, так и в двуязычной. Составители учебников русского языка для национальных школ, иностранных языков для русских и русского для иностранцев часто опираются при описании языка-объекта на его отличие от языка аудитории. Не составляют исключения и учебники русского языка в школах Калмыкии.

Поставленные задачи обучения произношению и создание на их основе обучающей системы предполагают принципиально новое использование методики контрастов: не спонтанное и даже не системное, преимущественно развивающееся в пределах изучаемого объекта, а двуобъективное, двуравное и взаимодополняющее.

Подобная методика, обусловливаемая задачами национального языкового развития на современном этапе, не только не снимает необходимость использования созданных ранее и успешно применяемых методик, но опирается на них, логически продолжая и укрупняя сферу их действия.

Обучающая система предназначается для вузов, готовящих преподавателей русского языка в национальных школах, либо в русских школах в условиях иной языковой среды. Отсюда следуют принципиальные особенности всей системы, корректировка и приспособление которой возможны практически для любых условий.

Каковы же основные принципы организации системы? Покажем это на примере калмыцко-русского двуязычного варианта. Та или иная национально-русская вариация системы - это фактически собственный блок заданий, собственная система, обладающая только принципиально, строительно общими чертами с ей подобными, ибо даже русский компонент всех возможных систем-вариантов не может совпадать, поскольку воплощение его, последовательность заданий, построенных на контрастах сближения и отталкивания, характер упражнений на отработку звуков, выработку навыков и механизмов зависят от особенностей второго языка, от условий пары и, соответственно, должны быть представлены всякий раз по-иному.

Система предполагает обучение в три ступени: 1) звуки, звукосочетания, слог, ударение, морфонемика, 2) просодика - интонация, строение фразы, паузы, темп, 3) стилистическая характеристика - стилистические пласты произношения, просторечие, разговорная речь, формы и стили речи.

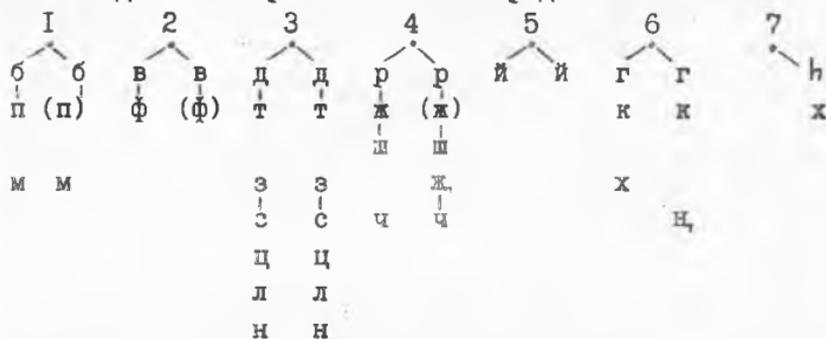
Основу I ступени составляет практическое овладение артикуляционной базой одного и второго языка в наборе тех составляющих, точками которых данная система воплощается в речи. Точками система описывается, с опорой на точки производится обучение, по контактными отличиям точек осуществляется контрастация (разведение) артикуляторных механизмов языков русского и другого.

Обучение фактически начинается со звуков, не с определения звукового ряда данного языка, а с мест образования звуков. Звуки на этом первом этапе не дифференцируются. Наложением двух систем достигается их предварительная контрастность, невозможность в частности образования звука одной системы в несвойственной для него точке (для гласных соответствием точки будет позиция органов ротовой полости).

Точек образования согласных русского языка 6: 1) нижняя часть верхней губы, 2) резцовая часть передних верхних зубов, 3) задняя плоскость передних верхних зубов, 4) углубление под бугорком альвеол, 5) средняя часть твердого нёба, 6) мягкое нёбо. В калмыцком языке таких точек будет на одну больше: добавляется увула (7).

Данные имевшихся под рукой источников / I - 3 / не позволили установить непосредственные контактные различия в точках соответственно русской и калмыцкой артикуляционной базы, - сведения более точного, экспериментально-фонетического характера, думается, помогут восполнить этот пробел. Эти данные необходимы, поскольку именно несовпадение, отличие в характере звука - основа контрастивного обучения.

По точкам звуки распределяются следующим образом (контактный сдвиг необходимо оговаривать особо и представлять в схеме):

/слева от точек звуки русского, справа - калмыцкого языков/.

Сравнение по точкам позволит установить больший диапазон, точнее раздвинутость исходной базы калмыцких согласных, меньшую активность губ (точки 1 и 2), поскольку звуки "п", "ф", "в" не столь свободны, как в русском: "ф" встречается в калмыцком языке в заимствованиях, к тому же поздних, "п" и "в", равно как и "р", "л" до последнего времени были не характерны для начала слова (необходимо помнить об отмеченности начала слова в калмыцком языке, как, впрочем, и в других языках монгольских и тюркских). Начало слова, его фонетические признаки и свойства - также показатель артикуляционных предпочтений, рассматривающийся, однако, в другой связи, на втором этапе, при изучении моторных, двигательных признаков артикуляционной базы.

Расширение фонетических возможностей калмыцкого языка под влиянием заимствований из санскрита, тибетских языков и в последнее время русского при том, что не исчезали собственные, характерные для калмыцкого языка *h, ж, н, к* позволяет говорить о тенденции к раздвижению артикуляционной базы (в противном случае заимствуемые нехарактерные фонетические позиции замещались бы, ассимилировались), о тенденции к активизации ранее менее активных точек, о динамике, развитии в целом всей артикуляционной системы. Процесс этот, судя по данным И.К. Илишкина /3/ и Д.А. Павлова /4, 5/, еще не закончился. Наблюдается некоторая стабилизация в сфере точек (парадигматика), в то время как в области моторики, звуко-сочетаний (синтагматика) процесс, несомненно спровоцированный взаимодействием двух систем в условиях двуязычия, еще не закончен. Об этом свидетельствуют живые еще явления, связанные с неясностью палатализованных, движения и фонетические проявления в связи с падением редуцированных, особая неясность состояния гласных *и*, соответственно, согласных, оказывающихся в ранее непривычных сочетаниях в конце слова.

Раздвижение артикуляционной базы, сферы точек и их активности следует рассматривать не как прямое, без адаптации, включение, а как ассимиляцию, приспособление к фонетическим условиям калмыцкого языка новых звуков и новых звуковых сочетаний. Процессы живой разговорной калмыцкой речи не всегда находят отражение в словарях и очерках грамматики языка /1, 2, 6/, тем более процессы еще не стабилизировавшиеся. При обучении произношению по контрастивной методике подобные явления, затрагивающие сферу как синтагматики, так и парадигматики звуковой системы, должны, по

мере возможности, находить свое отражение.

При обучении фонетическим позициям гласных русского и калмыцкого языков необходимо отталкиваться не столько от группы основных звуков-фонем, сколько от фонетических реализаций гласных. В этом случае меньшими оказываются отличия и несовпадения в области гласных, и основное внимание можно уделять характеру контактных сдвигов в парах, сдвигов, связанных со степенью огубления, степенью напряженности звука, с отличием в положении языка, степени открытости/закрытости, длительности. Отличие фонемного состава двух языков (6 гласных русского и 9 пар по долготе/краткости калмыцкого) — это не артикуляционные отличия, поэтому при обучении произношению состав фонем может служить только отправным пунктом, опорой обучения произношению, в то время как основное внимание следует уделять звуку, его позиционным разновидностям. Отсутствие у автора под рукой всесторонних экспериментальных фонетических данных по калмыцкому языку вынуждает ограничить сопоставление только фонемным составом. Это начальный этап, основу обучающей системы произношению, ориентированной на чистоту звука, его несмещение со звуками другого языка, должны составлять не столько контрасты фонемного, сколько контрасты фонетического состава.

Для гласных артикуляционным определителем звучания служат не точка и контур работы органов, как для согласных, а позиция, вид расположения органов ротовой полости в момент произнесения звука, в момент его кульминации. Динамику гласных составляет не движение органов речи друг относительно друга в момент произнесения, а движение голоса, воздушной струи (для согласных данный признак, будучи дополнительным, рассматривается на последующих этапах артикуляторного описания). Парное описание гласных фонем калмыцкого и русского языков — это фактически характеристика соответствующих позиций: и — и, э — э, ø — э, ø — ы, ø — е, у — у, о — о, а — а. Процессы в звукосочетаниях, удлинение начальных гласных в заимствованных словах (армия — ээrm, закрома — заакрэм), обусловливаемые в определенной мере спецификой соответствующих гласных, парным их отличием, законами построения слога, соответствия в парах у — ы, 'о — е, а — э (ср. деготь — дэгд, куртка — кұлт, тарелка-тэрлк), гармония гласных в калмыцком, а также другие черты синтагматического характера необходимо рассматривать на последующих этапах, при рассмотрении законов артикуляторного строения фонети-

ческого слова.

Соблюдение поэтапной последовательности при обучении произношению связано не столько с практическим результатом (достижение чистоты звука и поэтому расчленение на этапы его образования), сколько с психологической необходимостью выработки навыка сознательного, аналитического контраста, разведения систем (внутреннее расподобление разного и пути, навыки определения общего).

Второй этап для согласных предполагает, как говорилось ранее, изучение работы органов, определение характера их движения. В результате выявляется динамический контур звука. Этот этап при обучении произношению чрезвычайно важен, поскольку именно работой активных органов в их соединениях и характере движения к пассивным достигается произносительная характеристика чистого звука. Второй этап, таким образом, — этап дифференциации звукотипов при выделенных точках. Парность по звонкости/глухости, твердости/мягкости, контрасты в характере производства дополнительных артикуляций и особенностей участия голоса описываются на последующих этапах, примыкающих ко второму. Эта область непосредственно выводит в синтагматику звука.

Звукотипы точек описываются методом двойного парнораспадающегося противопоставления с введением и описанием критерия контраста. Критерий должен не только представляться, но быть мускульно закрепленным у обучаемых. Названные звукотипы по парам следующие:

<u>русские</u>		<u>калмыцкие</u>
1. б//м		1. б//м
2. в		2. в
3. д,з,ц//л; д,з,ц//н		3. д,з,ц//л; д,з,ц//н
л//н		л//н
д,з//ц		д,з//ц
д//з		д//з
4. р//ж,ч	ч//ж,	4. р//ж, (ж)
5. й		5. й
6. г	ø//н, ø//h	6. г//н, 7. h

Представленная подобным образом, в контрасте, фонетическая система согласных звуков каждого языка с описанием специфических

свойств каждой, как пересекающихся, так и непересекающихся, — это только основа, предварительная ступень обучения произношению. Отработка чистого звука в контрасте русского и калмыцкого соответствия предшествует отработкам звука в фонетических позициях и сочетаниях.

Законы слогового построения, особенности палатализации русского и калмыцкого языков (как известно, в калмыцком мягкими могут быть только звуки д, т, н, л — переднеязычные 3-й точки, в то время как в русском мягкость одной точкой не ограничивается), законы оглушения/озвончения, гармонии гласных, согласных, ударение, явления конца и начала слова, количественная характеристика гласных и характер редукции, фонетический облик слова в отношении к сильным и слабым позициям — все это необходимое продолжение системы обучения с опорой на достигнутую и освоенную в автоматизмах основу: контрастивное и сознательное овладение артикуляционной базой во всех ее проявлениях.

Особого отношения в системе заданий требует выявление и осознание контрастов звуковых соответствий в симметричных либо заимствованных словах типа ставка — аставка, деготь — дэгд, купец — кувц, тарелка — тэрлк, колхозник — колхознѣг, карандаш — карьндаш, улица — уульнц, квадратный — квадратный, стул — устул, Ставрополь — Саргуль.

Задания на контрасты звуковых соответствий необходимо включать на разных этапах обучения произношению, в зависимости от задачи этапа и одновременно с ориентацией на общее.

Методика контрастов, включая различные по характеру действия, приемы и способы, последовательно подключая и активизируя артикуляторные, акустические, психологические механизмы речи, будучи основой продуманной и на единых принципах построенной системы обучения произношению, способна стать эффективным средством при достижении задач, стоящих перед современным народным образованием. Автоматизмы владения родным языком и русским, совмещение, нивелирование отличий, законы так называемой интерференции, фонетического соскальзывания, являющиеся результатом столкновения фонетических систем в условиях двуязычия, не всегда в достаточной мере способны уравниваться стихийным действием противоположной тенденции к отталкиванию. Задача обучения — восполнить недостаток средствами разумного и направленного регулирования, опирающегося на исследование законов, природы, тенден-

ций объекта.

Развитие экспериментальных исследований фонетики современного русского /7, 8/ и калмыцкого /9/ языков, достигнутый уровень теоретических обобщений в этой области, равно как и в области изучения психологических и функциональных основ билингвизма /10, II/, сопоставительное изучение обеих фонетических систем /6/ должны с необходимостью найти свое воплощение в практике преподавания, задачи которого в условиях двуязычия, как уже говорилось, сводятся к обучению одновременному, равному и контрастивному.

Непосредственным воплощением в практику достигнутых теоретических обобщений, рекомендаций и предпосылок могла бы стать обучающая система, принципы организации которой в самом общем виде были изложены в настоящей статье.

Литература

1. Калмыцкий язык/Сост. Б.Х. Тодаева - Л.: Наука, 1968. - 137 с. (Языки народов СССР; Т. 5).
2. Калмыcko-русский словарь/Под ред. Б.Д. Муниева. - М.: Русский язык, 1977. - 767 с.
3. Илишкин И.К. Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыcko-русского двуязычия. - Элиста, 1972. - 112 с.
4. Павлов Д.А. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. - Элиста, 1963. - 105 с.
5. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык: Фонетика и графика. - Элиста, 1968. - 237 с.
6. Илишкин И.К. Сопоставительная грамматика калмыцкого и русского языка: Фонетика и морфология. - Элиста, 1973. - 200 с.
7. Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика. - М.: Высшая школа, 1979. - 256 с.
8. Бондарко А.В. Звуковой строй современного русского языка. - М.: Просвещение, 1977. - 173 с.
9. Биткеев П.Ц. Экспериментальные исследования звукового строя калмыцкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1965. - 23 с.
10. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). - М.: МГУ, 1969. - 160 с.
11. Черниговская Т.В., Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Билингвизм

Ростовский государственный университет

Н.С. Кугультинова

ПРОИЗНОШЕНИЕ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В РУССКОЙ РЕЧИ КАЛМЫКОВ-БИЛИНГВОВ

Особенности произношения твердых и мягких согласных в русской речи калмыков-билингвов рассматриваются на материале речи информантов среднего поколения, одинаково хорошо владеющих обоими языками, в позиции перед гласными переднего ряда <э> <и>.

Одной из самых характерных особенностей звуковой системы современного русского языка является противопоставление согласных фонем по признаку твердости-мягкости, которое охватывает почти всю систему консонантизма. В отличие от русского языка в калмыцком противопоставление твердых и мягких согласных фонематически значимо лишь для 4-х пар согласных: <л-л'> <н-н'> <д-д'> <т-т'> /I/. Для остальных согласных, кроме непарных мягких <ж> <ч> <й>, наличие или отсутствие палатализации фонематического значения не имеет, а зависит от сочетающихся с ними гласных. Калмыцкие гласные с точки зрения их сочетаемости по закону сингармонизма подразделяются на два фонематически противопоставленных ряда: передний и задний. В словах с гласными переднего ряда согласные под их влиянием смягчаются, в словах же с гласными заднего ряда согласные в калмыцком языке не смягчаются. Смягченность для непарных твердых калмыцких согласных является оттенковым признаком, то есть смягченные согласные являются разновидностями твердых согласных фонем.

Таким образом, позиция согласных перед гласными переднего ряда является в калмыцком языке слабой по признаку твердости-мягкости, в то время как в русском языке эта позиция является сильной. До недавнего времени позиция перед <э> считалась в русском языке слабой по твердости-мягкости. Твердые и мягкие согласные в этой позиции не различались, так как в исконно русских словах перед гласным переднего ряда <э> находились только мягкие согласные. Однако в связи с общеупотребительностью в русском языке

ке многих заимствованных слов и лексической самостоятельностью аббревиатур с твердыми согласными в позиции перед гласным переднего ряда <э> позиция эта в настоящее время признается сильной для противопоставления парных по признаку твердости-мягкости согласных /2/.

Учитывая некоторые различия в позиции согласных перед <э> и перед <и>, целесообразно рассмотреть их отдельно.

Произношение твердых и мягких согласных перед <э>.

Русская орфоэпическая норма предписывает произношение мягких согласных перед <э> в исконно русских и хорошо освоенных заимствованных словах. В русской речи калмыков-билингвов в некоторых словах эта норма нарушается, парные мягкие согласные произносятся твердо: ст[ры]мение, ди[рэ]ктор, у[мь]р, от[вы]чал, п[рѣ]дседатель, [рѣ]вматизм, [ры]жим, п[рэ]жде, ап[рэ]ль, в[рэ]-мя, с[ры]да.

В приведенных примерах обращает на себя внимание то, что веляризации подвергся, в основном, согласный [р], хотя информантам были предъявлены и слова с другими согласными в этой позиции.

Твердое произношение мягких парных согласных перед <э> вызвано, по-видимому, тем, что в калмыцком языке мягкие парные согласные /то есть <л'> <н'> <д'> <т'>/ в этой позиции не выступают, так как они встречаются в словах с гласными заднего ряда, а перед <э> в калмыцком языке могут находиться лишь смягченные или, как их еще называют, полумягкие согласные. Смягченный согласный произносится при значительно меньшем дополнительном подъеме средней части спинки языка к твердому небу, чем мягкий, и степень этого подъема зависит от сочетающегося с ним гласного /3/. Поэтому смягченные и твердые согласные в калмыцком языке на слух различаются хуже, чем мягкие и твердые. Калмыки, хорошо различая в родном языке переднерядные и заднерядные гласные, почти не различают смягченные и твердые согласные, так как в калмыцком языке смягченный согласный и переднерядный гласный выступают как единое нерасчлененное целое, которое более всего соответствует традиционному понятию синлабемы. Твердое произношение мягких согласных в позиции перед <э> в непервых слогах у билингвов вызвано, возможно, еще и тем, что гласный <э> в калмыцком языке может находиться только в первых слогах, поэтому сочетание "согласный + <э>" в непервых слогах в слове для калмыков несколько необычное явление. Калмыцкий согласный <р> вообще не сочетается

с гласным <э>, так как он не встречается в начале исконно калмыцких слов, поэтому больше всего нарушений наблюдается при произношении <р'> перед <э>.

Произношение твердых и мягких согласных перед <и>.

В современном русском языке позиция перед <и> для твердых и мягких парных переднеязычных и губных согласных фонем является позицией максимальной дифференциации. Заднеязычные согласные <к> <г> <х> выступают в этой позиции только в своих мягких разновидностях, твердые заднеязычные перед <и> в исконно русских словах не встречаются. После твердых согласных фонема <и> выступает в своей разновидности среднего ряда <ы>.

В речи билингвов перед гласным <и> в некоторых словах наблюдается неразличение твердости-мягкости согласных, что является очевидным нарушением русских орфоэпических норм: това[ры]щи, пятilet[кы], дру[гы]е, б[ры]гадир, ста[ры]чок, т[ры], по[хы]тил, п[ры]нять, нап[ры]мер, гово[ры]т, педаго[гы], травматоло[гы]я.

Возможной причиной приведенных нарушений является то, что парные по твердости-мягкости калмыцкие согласные в рассматриваемой позиции встречаются лишь в определенных формах. Гласный <и> встречается, в основном, в первых слогах калмыцких слов. В первых слогах <и> встречается только в аффиксах родительного падежа и аффиксах, образующих вопросительные и желательные формы. А так как мягкие парные согласные в калмыцком языке могут находиться только в непервых слогах слов, то они встречаются только перед <и> в составе аффикса. В основном же в калмыцких словах согласные, находящиеся перед гласным <и>, являются смягченной разновидностью твердых согласных фонем, которая акустически ближе к твердым, чем к мягким согласным. Обращает на себя внимание и тот факт, что в рассматриваемых примерах замена мягких согласных твердыми происходит лишь среди согласных, не имеющих мягких коррелятов в калмыцком языке.

Таким образом, замена мягких согласных твердыми перед гласными переднего ряда <э>, <и> в русской речи калмыков происходит только в отношении согласных, не имеющих мягких коррелятов в калмыцком языке (случаи типа [тэ]ма отмечались лишь у билингвов старшего поколения).

Причиной описанной замены является, по-видимому, силлабемный характер звукового строя калмыцкого языка, при котором в сочетании "согласный + гласный" качество согласного определяется

рядом гласного, то есть гласный играет главную роль, а согласный – подчиненную, поэтому калмыки-билингвы, перенося артикуляционные привычки родного языка на русскую речь, произносят перед гласным переднего ряда полумягкий согласный, который на слух воспринимается как твердый.

Литература

1. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. – Элиста, 1968, с. 113.
2. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Высш. школа, 1979, с. 130-132.
3. Павлов Д.А. Указ. соч., с. 115-116.

Калмыцкий государственный университет

Е.И. Микитенко, С.В. Серебрякова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Современный этап развития языкознания характеризуется более пристальным вниманием к изучению языка в речи. Исследование конкретного, живого языкового материала основывается на изучении языка не как застывшего инвентаря единиц, а в действии, в его реальном функционировании /1/. В связи с этим в науке о языке возникает новая область – лингвистика текста, изучающая функционирование языковых единиц в строе связной речи. Анализ языковых фактов на материале переводов – это как раз непосредственное изучение функционирования языка в речи, так как перевод имеет дело с конкретными речевыми произведениями, то есть с текстами /2/.

В основе сопоставления оригинала и перевода лежит понятие эквивалентности, базирующееся на общности семантического содержания текстов исходного языка (ИЯ) и переводящего (ПЯ) /3/.

На материале речевых произведений, находящихся в отношении перекодирования (оригинал и перевод), в данной статье выявляются и анализируются средства достижения фразеологической эквивалентности немецкого текста русскому тексту.

Под фразеологической эквивалентностью понимается общность фразеологической семантики текста оригинала и перевода. Струк-

турный фактор при отборе материала не имел решающего значения, так как при фразеологической эквивалентности структурная может отсутствовать. Традиционная классификация немецких и русских фразеологизмов по структурно-семантическим критериям при анализе языковых фактов текстов оригинала и перевода не учитывалась, и единицы вторичного образования, характеризующиеся устойчивостью, идиоматичностью, воспроизводимостью в речи как готовые единицы /4/, именуются в статье фразеологизмами или фразеологическими единицами.

Следует отметить, что фразеологическая система как русского, так и немецкого языков опирается и строится на средствах разных уровней языка и, в первую очередь, на лексическом и грамматическом уровнях, что также учитывается при сопоставительном анализе фразеологических единиц ИЯ и ПЯ.

"Из всех творений языкового гения человека фразеология - наиболее самобытное, сложное и компликативное явление" /5/.

Фразеологизмы отражают национальную специфику языка, его самобытность и своеобразие. Во фразеологии запечатлен богатый исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Наличие фразеологизмов, особенно из бытовой сферы, и увеличение частотности их употребления свидетельствует о степени развитости литературного языка, о расширении его функций, о стремлении к определенному языковому единству. Это в полной мере применимо и к немецкому языку, развитие которого отличается особым своеобразием и представляет собой длительный, противоречивый процесс. Для германских земель характерным было многовековое господство латыни, являвшейся языком церкви, образования, науки. Немецкий же язык, считавшийся бедным, грубым и вульгарным, был уделом простого народа, то есть употреблялся преимущественно в устной речи /6/.

Фразеологизмы, восходящие к начальному периоду становления немецкого национального языка (в основном из сферы повседневной жизни), придают языку неповторимый национальный колорит, красочность, наглядность. Такие фразеологизмы оживляют повествование, служат для характеристики героев или условий их жизни, поэтому очень важно адекватно отразить в тексте ПЯ фразеологическую семантику ИЯ. Это справедливо и по отношению к немецким переводам с русского.

Выявление путей и средств достижения фразеологической экви-

валентности дает богатый материал для исследования проблем вторичной номинации. Часто при переводе вскрывается свойственная анализируемым языкам специфичность, которая иногда ускользает при одноязычном рассмотрении.

Источником языкового материала настоящей работы послужила повесть В. Белова "Привычное дело" и ее перевод на немецкий язык "Sind wir ja gewohnt", изданный в 1982 г. издательством Фольк унд Бэльт /7/.

Методом сплошной выборки было выявлено 180 фразеологических единиц оригинала и перевода. Анализ языковых фактов показал, что при переводе довольно редко достигается фразеологическая эквивалентность сразу по всем аспектам (структурному, функциональному, семантическому, стилистическому и др.), например:

1. - Этот уже скоро на свои
ноги встанет /57/. " ...Bald wird er schon auf
eigenen Füßen stehen". /124/

В переводе есть небольшое структурное расхождение по сравнению с оригиналом, которое вызвано отсутствием грамматической категории вида в немецком языке. В ИЯ действие выражено глаголом совершенного вида встанет, в ПЯ действие имеет значение недостижимости предела, о чем свидетельствует лексическая семантика неопределенного глагола stehen. Можно было бы перевести данный фразеологизм немецким структурно-семантическим эквивалентом sich auf eigene Füße stellen, чтобы избежать фазовой трансформации действия: совершенный вид в ИЯ → значение недостижимости предела действия в ПЯ. Но тогда имела бы место структурно-темпоральная трансформация: форма будущего времени в ИЯ → презенс футуралис в ПЯ, так как предельные по своей семантике глаголы тяготеют к футуральному презенсу, а неопределенные - к футуруму I. Несмотря на частотное расхождение, все функционально-семантические характеристики русского фразеологизма адекватно отражены в немецком тексте.

В некоторых случаях (12 из 180) можно говорить о полной структурной и функционально-семантической эквивалентности фразеологических единиц перевода и оригинала, несмотря на введение в немецкий текст дополнительных экспликативов некоторых сем, например:

2. - Ведь, где тонко, там и
рвется /49/. "Wo dünn ist, dort reißt
sich das Leder". /107/

В немецком тексте эксплицируется сема повторяемости, неизбежности наступления действия (рвется → reißt) при определенных условиях (где тонко → wo's dünn ist). Экспликатором этой семы является наречие immer-всегда, отсутствующее в оригинале.

А.В. Федоров отмечает, что многие теоретики перевода считают одним из признаков идиом их "непереводимость" в буквальном смысле и тут же добавляет, что такие мнения ошибочны, так как "буквальный смысл", то есть прямое номинативное значение слов, входящих в состав идиом, уже не воспринимается носителями языка по причине утраты мотивировки или самой реалии, выражаемой словом /8/. В подобных случаях буквальный перевод фразеологизма не имеет смысла, хотя входящие в его состав слова можно понять. Такие сочетания не поддаются членению на составные части с целью осмысления целого через частное. Для того, чтобы адекватно отразить в тексте перевода истинный смысл подобного высказывания может быть использовано фразеологическое выражение со сходной семантикой, не совпадающее с исходным по словарному смыслу отдельных компонентов:

3. Куда ни кинь, везде клин. hin und her überlegte er.
все выходило по Митькиному. wie er die Sache auch drehte,
/38/ mitja hatte recht. /82/

В тексте ПЯ адекватно передается смысл исходного фразеологического выражения, но немецкая фразеологическая парная форма hin und her имеет иной аспектный состав, хотя эвфонический характер присущ и ей. В немецком и русском примерах существенную роль в организации фразеологизма имеет план выражения, так как фразеологичность основывается не только на семантическом сдвиге входящих во фразеологизм компонентов, но и на звуковом оформлении. В таких и подобных случаях при переводе не наблюдалось привлечение структурно-семантических эквивалентов по той простой причине, что их нет в немецком языке. Сходные по семантике фразеологические эквиваленты имеют иной состав и структурную организацию. Такие средства выразительности, как рифма, метр, аллитерация, ассонанс, присущие некоторым фразеологизмам, имеют формальный (эвфонический) характер, поэтому перевод их весьма затруднен /9/. Эквивалентами их в переводе могут быть сходные по семантике словосочетания, не обладающие фразеологичностью. Например:

4. - Вот теперь поехали с "...So, nun fahren wir los,
орехами, поскакали с durch Gras und Moos..."

колпаками /2/.

Фразеологичность в тексте ПЯ теряется, здесь нет и соответствующей эмоционально-экспрессивной окраски, значение начала движения выражено в немецком тексте путем первичной номинации, но эвфонический признак (рифма) присутствует в тексте перевода.

В другом случае при переводе теряется фразеологичность, но сохраняется эмоционально-экспрессивная окраска:

5. Есть только бескрайняя Einen Himmel gab es nicht. Nur
глубина, нет ей конца-края, Höhe unendlich, unergründ-
лучше не думать /15/. lich. Aber besser nicht darü-
ber nachdenken. /33/.

Необъятность, глубину неба, которому нет конца, в немецком тексте характеризуют прилагательные: unendlich, unergründlich. Способствует адекватности перевода и синтаксическое построение предложения.

Немецкими эквивалентами русских фразеологизмов могут быть фразеологизмы, имеющие сходную семантику, но различную структурную организацию без сохранения эвфонических признаков, например:

6. Телята вон в коровнике Die Kalber drüben brüllen
ревмя-ревут /16/. wie am Spieß. /36/.

Немецкий фразеологизм wie am Spieß, компаративный по структуре, теряет эвфонический характер, но обеспечивает функционально-семантическую фразеологическую эквивалентность. Или такой пример:

7. Два дня Иван Африканович Zwei Tage lang ging Iwan Afri-
ходил как в тумане - от kanowitsch betäubt umher. Von
Митьки ни слуху, ни духу Mitja und Mischa kein Lebens-
/34/. zeichen. /74/.

Значение "не подавать признаков жизни" и в тексте ПЯ выражено путем вторичной номинации, значит речь идет о сохранении фразеологичности при утрате рифмы.

Отмечены и обратные случаи /8/, когда в качестве переводческого эквивалента в немецком тексте используются фразеологизмы с ярко выраженной формальной структурой. то есть эвфонически окрашенные, а исходные фразеологизмы таких признаков не имеют:

8. И вот теперь его Und nun verunglimpfte man ihn
склоняли по всем падежам. auf Schritt und Tritt, pranger-
на всех собраниях... te ihn auf jeder Versammlung an

- На всю округу славили
/28/

"Weit und breit /10/ in der
Gegend bin ich verschrien"
/61/.

Таким образом, наличие эвфонических признаков у русских фразеологизмов, выдвижение на первый план структурного фактора при образовании фразеологичности вызывают самые разнообразные модификации в тексте немецкого перевода.

Если русские фразеологизмы построены на образном переосмыслении национально-специфических ситуаций, которые могут быть неизвестны носителям немецкого языка, то в немецком тексте, как правило, встречается описательный перевод. Например, как может понять немецкий читатель фразеологизм банный лист, если в немецком языке нет немецкого обозначения слова баня - только русское заимствование - die Banja. Вот и приходится переводчику прибегать к длинному и подробному толкованию в переводе, что конечно же приводит к утрате фразеологичности:

9. Но не отступился, ма- Aber er ließ nicht locker, der Bur-
зурик, и вечером опять sche. Abends fing er wieder davon
пристал как банный an. War nicht abzuschütteln, gera-
лист... /38/ de wie ein Birkenblatt von einem
Schwitzbasen, das sich, einem in der
Banja an den Hintern klebt. /82/

При обратном переводе уже нет того стилистического эффекта, той эмоционально-экспрессивной окраски, которыми обладает исходный фразеологизм банный лист: Но он не отступался, этот парень. Вечером он снова начал разговор, не отставал как березовый лист от веника для парной, который приклеивается к телу в бане. В немецком языке есть сходный по семантике фразеологизм sich an j-n wie eine Klette anhängen, который дословно означает: прис- тать как репей. Но при его употреблении в качестве эквивалента, как представляется, осталась бы невыраженной национально-специфическая ситуация.

Немецкому читателю вряд ли будет понятен скрытый, коннотативный смысл сочетания das armenische Radio. И прав переводчик, передавший смысл фразеологического сочетания армянское радио сложным словом Kindermärchen (детские сказки):

10. -Армянское радио, -- "Kindermärchen", meinte Misha

сплюнул Мишка. - А ежели и правда, так ерунда все /23/.

aussprechend. "Selbst wenn es wahr ist, bleibt's doch Quatsch" /50/.

Фразеологизмы, включающие наименование национальных исторических реалий, чуждых носителям другого языка имеют своими эквивалентами сходные по семантике выражения, как правило, сравнительной структуры: "wie...". Вот как, например, переведен фразеологизм вольный казак, встретившийся в тексте два раза:

II (а) Вольный казак.
(название пятой главы)

Frei wie ein Vogel /79/.

II (б) ... поезжай теперь куда хочешь, хоть на все четыре стороны поезжай, вольный теперь казак /40/.

Fahr, wohin das Herz begehrt, bis ans Ende der Welt! Frei biet du, wie ein Zigeuner. /86/.

В двух случаях в тексте перевода присутствует компонент frei (свободный), передающий смысл исходного фразеологизма. Для более точной передачи эмоционально-экспрессивной окраски в немецком тексте применяется сравнение: в первом случае - frei wie ein vogel (свободен как птица), во втором - frei wie ein Zigeuner (свободен как цыган). В немецком языке есть возможность буквального перевода словосочетания вольный казак - der freie Kosak, но прямой перевод может быть непонятен немецкому читателю, если он не знает известных русскому читателю фактов истории, да и немецкое сочетание der freie Kosak не является в немецком языке фразеологизмом.

Присутствие в русских фразеологизмах просторечного компонента, как правило, обуславливает структурно-семантический сдвиг при переводе на немецкий язык, так как просторечно окрашенные фразеологизмы русского и немецкого языков имеют свою собственную, отличную от другого языка организацию как в структурном, так и в семантическом планах:

12. -... Пей! А мне до лампочки ... /29/

"... Trinkt! Mir ist alles scheißegal" /64/

13. - Мне ваше начальство, знаешь... Я его в гробу видел. В белых тапочках.

"Eure Obrigkeit kann mir... ist mir affenwurscht".

- Чево?

"Wie?"

- До лампочки.

"Affenwurscht!"

В тексте перевода примера 13 присутствует грубо-просторечный компонент *scheißegal*. Как видно из последних двух примеров, просторечные фразеологизмы русского языка не имеют структурно-семантических эквивалентов в немецком языке, в данном случае налицо функционально-семантическая эквивалентность.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что тезис о полной непереводаемости фразеологизмов неверен. Мера переводимости фразеологизмов находится в полной зависимости от их структурно-семантической организации. Трудно переводимыми являются те фразеологизмы, которые содержат сугубо национальные реалии, просторечные компоненты или же эвфонические признаки. При переводе подобных фразеологизмов фразеологичность может присутствовать в тексте ПЯ (но при смене аспектного состава единиц) или же отсутствовать (при сохранении семантики уже не на фразеологическом уровне). Семантическая эквивалентность перевода оригиналу является основным требованием к адекватному переводу. Стилистические же потери при переводе, перераспределение первичной и вторичной номинаций единиц оригинала и перевода являются неизбежными, что вызвано объективными различиями на всех уровнях языка оригинала и перевода, но они не могут служить доказательством того, что фразеологизмы вообще непереводаемы.

Литература и примечания

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистических исследований. - М.: Наука, 1981. - 139 с.; Halliday M.A.K., McIntosh A., Strevens P. The linguistic Sciences and Language Teaching. - London, 1964, p.4.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. - М.: Международные отношения, 1975, с. 27.
3. Швейцер А.Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода. - Вопросы языкознания, 1970, № 4, с. 30-40; Hollander J. Versions, Interpretations and Performances. - In: On Translation. New-York:Oxford Univers.Press.,1966,p.207.
4. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. - В кн.: История советского языкознания. М.: Высшая школа, 1981, с. 235.
5. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. - Самарканд, 1977, с. II6.
6. Гухман М.М., Семенов Н.Н. История немецкого литературно-

го языка XVI-XVII вв. - М.: Наука, 1984, с. 18.

7. Белов В. Привычное дело. - В кн.: Василий Белов. Повести. Роман-газета, 1982, № 13, 14, с. 1-57.

Below w. Sind wir ja gewohnt. - In: Roman-Zeitung. Berlin: Volk und Welt, 1982, Heft 389. - 125 S. (Aus dem Russischen übersetzt von Hilde Angarowa).

8. Федоров В.А. Основы общей теории перевода. - М.: Высш. школа, 1968, с. 194.

9. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. - М.: Высш. школа, 1980, с. 49.

10. Зарождение и закрепление подобных парных форм немецкого языка, основывающихся на эвфоническом эффекте, происходило со всей очевидностью в 16 в. Особенностью данных стилистических средств, обладающих идиоматическим характером, являлось сочетание в одном выражении узкодиалектного и наддиалектного элемента, что свидетельствовало о стремлении авторов к общедоступности, понятности, красочности и наглядности языка.

Калмыцкий государственный университет

В.В. Митрофанова

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ В АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на материале языков народов СССР)

В современных языках, особенно в подязыках науки и техники, наблюдается все усиливающаяся тенденция к интернационализации средств выражения. Необходимость в возрастании употребления интернациональных языковых элементов диктуется интенсивным обменом информации в научных областях и является сейчас общепризнанной.

Интернациональные термины /1/ в большинстве своем образованы на основе классических языков, так как, во-первых, греческий и особенно латинский долгое время были языками науки, поэтому у разных народов уже существовали сходные по форме и значению термины греческого или латинского происхождения, во-вторых, это мертвые языки, что облегчает использование их элементов в новых сочетаниях /2/, и в-третьих, слова и элементы классических языков характеризуются краткостью, однозначностью и лишены экспрессивности /3/.

Значение греко-латинских элементов особенно велико для терминологий старых областей науки и техники, в частности, для архитектуры.

Развитие архитектуры европейских стран практически до двадцатого века проходило под огромным влиянием архитектуры Древней Греции и Рима. Зачастую вместе с понятиями и явлениями искусства и архитектуры заимствовались и наименования этих явлений. Поэтому в архитектурной терминологии европейских языков много терминов, источником которых являются классические языки.

Для доказательства в статье были использованы данные русского и английского языков. Количественная характеристика некоторых тематических групп архитектурных терминов в русском и английском языках подтверждает значение греко-латинских элементов в интернациональной терминологии европейских языков.

В данной работе для анализа были взяты следующие тематические группы: "Архитектурные сооружения", "Средства художественного оформления архитектурных сооружений", "Арочно-сводчатая система", "Строительные и облицовочные материалы", "Внутренние помещения", "Пристройки к основному объему зданий". Было рассмотрено по 500 терминов в русском и английском языках. Материал - словари и учебная литература.

Полученные данные показывают, что термины, включающие в свой состав греко-латинские элементы, характерны для всех тематических групп обоих языков. В русском языке они составляют от 10% (в тематической группе "Пристройки к основному объему здания") до 48% (в группе "Архитектурные сооружения") от общего количества терминов в данных группах. В английском языке такие термины составляют от 27% (в группе "Пристройки к основному объему зданий") до 54% (в группе "Средства художественного оформления архитектурных сооружений").

Интернациональные термины составляют 14% от общего количества терминов. Большинство из них - однословные термины, заимствованные русским и английским языками непосредственно из классических языков или через язык-посредник. Например, орнамент (ornament), анаглиф (anaglyph), пантеон (pantheon), декор (decoration), алебастр (alabaster), акведук (aqueduct), портал (portal) и многие другие. Среди интернационализмов греко-латинского происхождения есть и составные термины. В основном, это двусловные,

включающие греко-латинские элементы в состав обоих компонентов. Например, параболическая арка (parabolic arch), декоративный элемент (decorative element).

Интернационализмы на греко-латинской основе формировались прежде всего в европейских языках, что позволяет исследователям выделять европейский интернациональный ареал (по терминологии В.В. Акуленко - "европейско-американский ареал" /4/). Однако в современных условиях греко-латинские элементы в составе интернациональных терминов выходят за пределы европейского ареала. Показательны в этом отношении процессы, наблюдаемые в языках народов СССР. Условия национально-русского билингвизма усиливают возможность для широкого использования интернационализмов, в том числе и греко-латинских, в национальных языках Советского Союза.

Свидетельством этого служит наличие греко-латинских интернационализмов, предварительно выделенных нами на материале архитектурной терминологии русского и английского языков, в ряде языков народов СССР.

Для исследования привлекались данные языков разных генетических групп (иранской - таджикский язык, тюркской - узбекский и хакасский, монгольской - калмыцкий, финно-угорский - удмуртский язык) и разного уровня развития (ср. таджикский язык и младописьменный хакасский).

Из-за отсутствия терминологических архитектурных словарей для этих языков сопоставление проводилось на основе общих русско-национальных словарей, не отражающих полностью специальные архитектурные термины, и термины, усвоенные в последние десятилетия.

Несмотря на ограниченность материала, греко-латинские интернационализмы были выявлены во всех рассмотренных тематических группах архитектурных терминов всех сопоставляемых языков. Наиболее характерные случаи их употребления представлены в таблице (см. стр. 145).

Большинство архитектурных терминов с греко-латинскими элементами пришли в национальные языки СССР через русский язык (или через двойное опосредование: из классических языков в какой-либо европейский, затем в русский и через посредство русского языка в языки народов Советского Союза), обозначая новые для того или иного народа понятия. Например, алюминий, амфитеатр, бетон.

Но вот, например, термин "мрамор" (лат. *marmor* гр. *μαρμαρος*) в калмыцком, удмуртском и хакасском языках имеет форму "мрамор",

Архитектурные термины греко-латинского происхождения в языках народов СССР

Русский	Ташкентский	Узбекский	Хакасский	Калмыцкий	Удмуртский
арка	-, (равок, тоқ, пештоқ)	арк, (тоқ, пештоқ)	арка	арк	арка
амфитеатр	амфитеатр	амфитеатр	амфитеатр	амфитеатр	амфитеатр
алюминий	алюминий	алюминий	алюминий	алюминь	алюминий
бетон	бетон	бетон, (тошметин)	бетон	бетон	бетон
вестибюль	вестибюль	вестибюль (дахля)	вестибюль	вестибюль	вестибюль
гранит	гранит, (хоросанг, хоро, санги хоро)	гранит, (метин, харсангтош)	гранит	гранит, (хад чолун)	гранит
мавзолей	-, (мақбара, турсаб, сарона)	мавзолей	мавзолей	мавзолей	мавзолей
мозаика	-, (хотамкорй)	мозаика	мозаика	мозаик	мозаика
мрамор	мармар, санги мармар	мармар, мармар тош	мрамор	мрамор, (хад чолун)	мрамор
музей	музей, (ачирбохона)	музей	музей	музей	музей
обелиск	обелиск	обелиск, (хайкал)	обелиск	обелиск, (суврһн)	обелиск
орнамент	орнамент, (накш, гул)	орнамент, (накш, гул, безак; сураг, расм)	орнамент, (хоос)	-, (зег, намч, чимг)	орнамент
пирамида	пирамида, (ахром)	пирамида	пирамида	пирамид	пирамида
театр	театр	театр	театр	театр	театр
цемент	цемент	цемент	цемент	цемент	цемент
цирк	цирк	цирк, (от ўйин)	цирк	цирк	цирк

Примечание. В окобках указан национальный вариант соответствующего термина, знаком " — " отмечено отсутствие термина с греко-латинскими элементами.

как и в русском, а в узбекском и таджикском языках — форму "мармар". Можно предположить, что в эти языки термин пришел иным путем, в форме, более близкой языку-источнику.

Из таблицы видно, что некоторые термины с греко-латинскими элементами усвоены всеми сопоставляемыми языками и не имеют национального варианта в них. Например, театр, алюминий, амфитеатр, цемент.

Другие греко-латинские интернационализмы также отмечены во всех сопоставляемых языках, но для них есть национальные варианты в отдельных языках. Это термин "гранит", имеющий в калмыцком, узбекском и таджикском языках национальные варианты, термины "мрамор", имеющий вариант в калмыцком языке, "цирк" — в узбекском, "пирамида" и "музей" в таджикском языке (см. таблицу).

Для некоторых терминов с греко-латинской основой в отдельных сопоставляемых языках есть только национальные варианты. Например, в таджикском языке термины "арка", "мавзолей", "мозаика", в калмыцком — "орнамент". Напротив, в удмуртском языке для сопоставляемых терминов национальные варианты не зафиксированы (см. таблицу).

Таким образом, греко-латинские интернационализмы, характерные для архитектурной терминологии европейских языков (в частности, английского), являются неотъемлемой чертой и национальных языков Советского Союза, на основе чего можно сказать, что в терминологической практике европейский и советский ареалы интернационализмов не следует разделять с точки зрения распространения в них элементов древнегреческого и латинского языков.

Литература и примечания

1. Под интернациональными мы понимаем термины, сходные в значении и форме (полностью или по корням) в нескольких или даже в двух-трех языках, если эти языки неблизкородственные и широкого распространения, а источником таких терминов являются классические языки.

2. См.: Баранникова Л.И. Введение в языковедение. — Саратов: СГУ, 1973. — с. 138; Даниленко В.П. Русская терминология. — М.: Наука, 1977, с. 35.

3. См.: Даниленко В.П. Указ. соч.; Черногорова Г.П. Основные вопросы образования технических терминов при помощи греческих и латинских слов и корней в современном французском языке (на мате-

риале имен существительных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1972, с. 3.

4. Акуленко В.В. Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования. - В кн.: Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980, с. 27.

Саратовский государственный университет

Н.С. Васильева

СТЕРЕОТИПНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ ФОРМУЛЫ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

При изучении стереотипных единиц /1/ русского и английского языков нельзя не обратить внимания на их зависимость от внеязыковой реальности. Очевидно, что употребление высокочастотных стереотипных выражений-клише связано со спецификой каждого языка, этикетом и традициями определенного языкового коллектива. Незнание особенностей этикета, фактов вербального и невербального поведения чрезвычайно затрудняет изучение иностранного языка и общение. Рассмотрим следующий пример. Английское ситуативное клише "Free way", означающее свободный от светофоров и ограничений скорости путь, хорошо известно английским водителям транспорта. В то же время жителям нашей страны понадобится дополнительная информация для правильного понимания этого стереотипа. При переводе культурно-коннотированных единиц языка передается часто лишь их лексическое значение, в то время как культурное сознание не сообщается читателю /2/. Правила поведения облегчают взаимопонимание между членами данного общества, а также дают возможность предвидеть поведение и реакцию людей в определенных условиях. Особенности традиций и этикета полнее всего отражаются в разговорных стереотипных выражениях, закрепленных за некоторыми жизненными ситуациями, что создает трудности при их изучении.

Однако различия между клише русского и английского языков зависят не только от расхождений во внеязыковой действительности, присущих данным языковым коллективам. Одинаковые для русских и англичан реалии очень часто оформляются языками по своему. Своеобразие каждого из языков проявляется в отборе, а также возможностях употребления и комбинирования различных клише. Эти факторы

зависят от разных условий. При выборе того или иного стереотипного выражения действия говорящего ограничены как законами, существующими в самом языке, так и некоторыми обстоятельствами действительности. Для того, чтобы правильно понимать и использовать клише иностранного языка необходимо знать не только их значение и строение, а также закономерности их употребления с точки зрения внутриязыкового общения. Необходимо также учитывать "языковые привычки и нормы", существующие в данном языковом коллективе /3/.

Сравнение стереотипных единиц русского и английского языков с точки зрения отраженных в них особенностей национальной культуры производится с тем, чтобы выявить своеобразие, характерное для каждого из них.

Рассмотрим конкретные примеры.

Так, в русском общении распространено клише "Закрыто на обед". Таблички с надписью такого содержания обычно вывешиваются на дверях магазинов, мастерских, ателье и т.д. Известно, что в Англии магазины работают без перерыва, поэтому естественно, что необходимости в подобном объявлении не существует. Тем не менее, в английском языке существует клише "Out to lunch", которое, однако, довольно мало распространено. Очевидно, что малая употребительность этого выражения объясняется недостаточной распространенностью реалии в быту англичан. По свидетельству информантов, таблички с подобной надписью изредка можно встретить на дверях маленьких, частных магазинов; чаще всего в провинциальных городах.

Английское "Out to lunch" представляет собой эллиптическое предложение, которое дословно в русском переводе будет звучать примерно так - "Вышел пообедать". В английском языке существует словоформа "closed", которая полностью совпадает по объему значения с русским "закрыто", тем не менее использование его в подобном русскому контексте в английском языке не наблюдается. Однако это клише часто употребляется в таких контекстах как Closed on Sundays and public holidays; Closed owing to shortage of supplies; Closed. Next Window.

С неодобрением болельщиками плохого судейства на спортивных соревнованиях связано употребление экспрессивных стереотипных выражений англ. "Shoot the referee" и русск. "Судья на мыло". Отметим, что русское клише используется в данной ситуации чаще,

чем английское. Выражение "Shoot the referee" нередко сопровождается неодобрительным восклицанием "Boo", которое также может употребляться отдельно.

Очевидно, что данные расхождения обусловлены как внутриязыковыми закономерностями сопоставляемых языков, так и особенностями определенных традиций.

Однако существуют определенные элементы действительности, для выражения которых в одном из сравниваемых языков не существует соответствующего языкового знака. В данном случае речь идет о клише, которые обозначают отрезки действительности, существующие в жизни обоих коллективов, но не отмечающиеся в одном из них. Обратимся к примерам.

Так, у нас в транспорте часто употребляется клише "На следующей выходите?" ("Выходите?": "Будете выходить?"). Для английского общения в идентичной ситуации подобное поведение не типично. Иногда, давая понять пассажирам, что они загораживают выход и мешают пройти, англичане используют клише "Excuse me", которое является сигналом к определенному поведению.

На дверях вагонов английского метро не принято писать "Не прислоняться", как это делается у нас, в то время как в транспорте в нашей стране вряд ли можно услышать клише как "Держитесь крепче" (дословное соответствие англ. "Hold tight" или "Пусть выйдут" (Let them off), которые часто употребляются в "транспортных" ситуациях в Англии.

В английском общении не принято, вставая в очередь, спрашивать, кто последний. Если англичане стоят в очереди, то последний обычно никуда не отходит, таким образом, из ситуации становится ясно, что последним является тот, за кем никто не стоит.

Такие типичные для русского языка клише как "Тму руку" (в ситуации завершения письма), ответы на некоторые реплики при помощи выражений, основанных на переосмыслении, типа "Привет" также не отмечаются в английском языке.

Как следует из сказанного, клише этой группы являются характерными только для одного языка, хотя часть их может быть понята при переводе. Если рассмотренные выше расхождения объясняются тем, что каждый язык по-своему членит окружающую людей действительность, то отсутствие в сравниваемых языках соответствующих эквивалентов таким стереотипным выражением, как, например, русск. "С легким паром" или англ. "Penny for the Guy" связано с

отсутствием данных элементов действительности в одном из сравниваемых языков.

В отличие от тех расхождений, о которых уже упоминалось, данные различия связаны с внеязыковой действительностью, то есть наличием или отсутствием определенных реалий в культуре одного языкового коллектива при наличии их в культуре другого. При анализе клише этой группы особенно отчетливо проявляется связь между языком и культурой, способность каждого языка отметить и оформить те факты действительности, которые присущи только данному языковому коллективу. Отсутствие той или иной реалии у определенного народа, естественно, влечет за собой отсутствие соответствующего языкового знака. Попытки перевести клише данной группы на другой язык, как правило, приводят к значительным информационным потерям, а иной раз также к нарушению узуса того языка, на который их переводят. По этой причине очень часто значение этих клише приходится передавать с помощью описательных выражений, иногда сопровождая их необходимым культурным комментарием, который помогает точнее раскрыть значение подобных стереотипных выражений.

Не вызывает сомнений тот факт, что для правильного понимания данных клише необходимо знать соответствующие факты из области культуры языкового коллектива, который ими пользуется. Приведем несколько примеров.

Употребление русских клише типа "С легким паром": "Горько" связано с русскими традициями и русским речевым этикетом. Очевидно, что для англичанина незнакомого с особенностями русской культуры клише "Горько", вызывающее у русских мысли, связанные со свадьбами, представляется непонятным, потому что подобная традиция в Англии не существует. Непонятным также окажется русское пожелание "С легким паром", адресованное человеку, который только что помылся.

К данной группе можно также отнести некоторые английские клише, характерные только для английской культуры и английского языкового общения. Так, английское выражение "Penny for the Guy" вряд ли окажется понятным носителям русского языка, так как тесно связано с чисто английским национальным праздником Bank holiday, который отмечается ежегодно пятого ноября, в день, когда был раскрыт заговор, в результате которого должны были быть взорваны здания английского парламента. Католик Guy Fawkes,

который, согласно легенде, должен был произвести этот взрыв, был казнен. Впоследствии неотъемлемым атрибутом праздника стало публичное сжигание чучел *Guy Fawkes*, с которыми, до этого, участники праздника (чаще всего дети) разгуливают по улицам, собирая с прохожих деньги для их сожжения ("Penny for the Guy").

Известно, что в Англии очень широко отмечают рождественские праздники, которые справляются примерно за неделю до Нового года. В канун рождества англичане посылают друг другу поздравительные открытки, в которых обычно пишется "Merry Christmas" или "With compliments to the Season".

В лингвистической литературе подобные языковые единицы получили название безэквивалентных. Безэквивалентные клише не имеют прямых соответствий в языке перевода, что, конечно, не означает их принципиальную непереводаемость. Перевод таких клише возможен, но со значительными потерями и нарушением узуса языка, на который переводят.

Следует отметить, что примеров таких клише, для которых не существует эквивалентов на другом языке, сравнительно немного, причем в русском языке их значительно больше, чем в английском.

Очевидно, что различие между языками тем больше, чем сильнее оно между народами, их культурой, бытом, мировоззрением.

В соответствии со сказанным оказалось возможным различать следующие группы клише /4/:

1. Клише, которые обозначают отрезки действительности, устойчиво отраженные обоими сравниваемыми языками.

1) Клише русского и английского языков, находящиеся в поэлементном соответствии.

Внеязыковая действительность, характерная для обоих коллективов, оформляется при помощи стереотипных выражений, имеющих одинаковую грамматическую форму и лексический состав, например, англ. "Your health", русск. "Ваще (твое) здоровье". Отметим, что примеры полного совпадения всех элементов клише сравниваемых языков довольно малочисленны.

2) Клише русского и английского языков, не находящиеся в поэлементном соответствии. Клише, относящиеся к этой группе, обозначают реалии, существующие в обоих языковых коллективах. Однако языки используют различные грамматические и лексические способы их построения для выражения этих реалий.

а) Грамматические расхождения.

Одинаковые по значению клише английского и русского языков имеют разное грамматическое оформление, например, англ. "No smoking" (форма герундия), русск. "Не курить" (форма инфинитива).

б) Лексико-грамматические расхождения

Сопоставление клише русского и английского языков показало, что наиболее характерным для них являются расхождения как по лексическому составу, так и по грамматическому оформлению. Например, англ. "No admittance", русск. "Посторонним вход запрещен"; англ. "Danger", русск. "Опасно для жизни". Указанные расхождения являются чисто лингвистическими. Они связаны с внутриязыковыми закономерностями каждого из языков: различиями в объеме значений клише русского и английского языков, разным использованием или отсутствием тех или иных грамматических категорий. Можно сказать, что эти различия касаются не самого существа языковых клише, а форм их проявления.

Однако при рассмотрении языковых клише выяснилось, что существуют также определенные элементы действительности, для выражения которых в одном из сравниваемых языков не существует определенного стереотипного знака.

П. Кличе, которые обозначают отрезки действительности, существующие в жизни обоих коллективов, но не отмечающиеся в одном из них.

К этой группе относятся выражения типа англ. "Hold tight". "Let them off"; русск. "На следующей выходите?". "Жму руку".

Ш. Кличе, которые обозначают отрезки действительности, существующие и устойчиво отраженные только в одном из сопоставляемых языков.

Данные различия тесно связаны с наличием или отсутствием определенных реалий в культуре одного языкового коллектива при наличии их в культуре другого. Сюда следует отнести такие клише как англ. "Penny for the Guy", русск. "С легким паром". "Горько".

По своему происхождению и функциям в языке рассмотренные разговорные стереотипные единицы тесно связаны с культурой данного общества, что, как уже отмечалось, создает трудности для их правильного понимания и изучения.

Изучение клише без учета фактов страноведческих знаний может привести к ошибкам в их употреблении и переводе. Для полного овладения данным языковым материалом необходимо знать не только лексическое значение клише, но и определенные факты культуры.

Литература и примечания.

1. Имеются в виду разнообразные по структуре разговорные стереотипные средства выражения-клише типа русск. "Как поживае-те?"; "Счастливого пути!"; англ. "Good luck"; "To your health". Понятие клише распространяется также на всевозможные объявления, надписи на вывесках, предписания, с которыми приходится ежеднев-но сталкиваться, например, русск. "По газонам не ходить"; "Не курить"; англ. "Beware of the dog"; "Tip No Rubbish".

2. Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. - Таллин: Вал-гус, 1977, с. 89.

3. Гак В.Г. Беседы о французском слове - М.: ИМО, 1966, с. II.

4. Клише группировались в зависимости от обозначения ими отдельных отрезков действительности.

Саратовский государственный университет

Р.О. Орлова

О СОЧЕТАЕМОСТИ КОМПОНЕНТОВ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Русский язык как средство общения многонационального совет-ского народа характеризуется многообразием функций и на террито-рии Советской Калмыкии. Калмыцкая Автономная Советская Социалис-тическая Республика расположена в Европейской части Советского Союза в окружении Ростовской, Волгоградской, Астраханской облас-тей, Ставропольского и Краснодарского краев. Такое администрати-вно-географическое положение, несомненно, оказало и оказывает су-щественное влияние на русскую речь калмыков.

Развитие и становление языковой истории в Калмыкии теснейшим образом связано с уникальнейшей историей самого калмыцкого наро-да. В самом деле, уникальность языковой ситуации уже в том, что калмыцкий язык из семьи монгольских языков живет и благоприятно развивается в теснейшем окружении индоевропейской семьи языков. Исключительность языковой ситуации заключается еще и в том факте, что степень овладения русским языком у калмыков (и на фонетическом, и на словообразовательном, и на грамматико-стилистическом уровнях) существенно высока. Объяснение этому находим в учении К.Маркса и

Ф.Энгельса /1/ о том, что субъект истории усматривается не в самой истории, а в людях, которые творят эту историю, то есть в их чаяниях, стремлениях, в их деятельности, труде. И в этой связи возможно утверждение того, что знание русского языка, свою языковую историю приобрел сам трудовой калмыцкий народ, исходя из собственных интересов и стремлений. "На европейском материке калмыки поселились в конце ХУП века и с той поры непрерывно были в соприкосновении с оседлыми народностями различных племенных групп (славян, татар, армян, персов)..." /2/.

Языковая действительность современной Калмыкии представляется довольно интересной и богатой. Рост экономического, социально-политического и культурного уровня населения республики связан с расширением функции русского языка. За последние десятилетия особенно повысился миграционный процесс и мобильность населения Калмыкии. Социалистическая Калмыкия становится многонациональной, многоязычной: в дружной семье советской республики живут и трудятся калмыки (122 тыс.) и русские (125 тыс.), казахи (67 тыс.) и белорусы (17 тыс.), даргинцы (10 тыс.) и чеченцы (10 тыс.), немцы (5 тыс.) и украинцы (3 тыс.) и др. /3/. Бесспорно, что в данной разноязычной среде практически необходим, жизненно важен общий язык. Функцию межнационального языка в республике выполняет русский язык. А это, в свою очередь, порождает многообразие национально-русского двуязычия, ведущую роль калмыцко-русского двуязычия.

Взаимовлияние русского и калмыцкого языков происходит на всех уровнях, в том числе и на уровне синтаксиса. Одной из актуальных задач изучения синтаксиса русской речи в Калмыкии является определение степени нормативности структурно-семантических свойств синтаксических построений, выявление отклонений. Синтаксические инновации не только имеют место в русской речи калмыков-билингвов, но и довольно существенно проявляются в родной речи местных русских жителей республики. Этому способствует прежде всего социально-экономическая, политическая, идеологическая общность наших народов, что приводит к трансференции национальных культур и разноструктурных языковых систем.

Способы построения и внутрискруктурные особенности словосочетания, простого и сложного предложения, сложного синтаксического целого, текста, несомненно, имеют определенные отклонения от нормы в русской речи калмыков-билингвов, но с учетом лин-

гвистиче-их и экстралингвистических факторов эти отклонения получают свою полную дифференциацию. Например, самые распространенные отклонения от нормы русской речи встречаются в способах сочетания компонентов синтаксических единиц: здесь нарушаются и формы подчинительной связи (особенно согласования и управления) и лексико-семантическая совместимость сочетающихся компонентов. Например, в именных словосочетаниях с атрибутивными отношениями: большой окно или большая окна (ср. калмыцкое - ик терз), теплый кавартира или теплая кавартир (ср.: дулан гер), тавая арадная дядя или тоной ородной дядьд (ср.: чини нахих или нахихчи). Причиной таких нарушений следует считать отсутствие грамматической категории рода в калмыцком языке. Однако наличие понятия о мужских и женских одушевленных, то есть живых, существах при абсолютном отсутствии понятия о среднем роде мотивируют появление вариантов оформления по женскому и мужскому роду в одной и той же русской языковой ситуации в применении не только к одушевленным, но и к неодушевленным существительным в русской речи калмыков.

Данные примеры иллюстрируют устную речь старшего поколения, они взяты из разговора информантов в возрасте 70-85 лет с начальным и средним специальным образованием. В речи же молодого и среднего поколения калмыков со средним и высшим образованием подобные факты уже не наблюдаются.

В глагольных словосочетаниях с объектным характером отношений отмечалось: варить чай вместо приготовить чай или вскипятить чай (ср.: калмыцкое цэ чанх), поставить (вместо положить) соль в чай (ср.: цээд давс төвх), поставить книгу на стол (вместо положить книгу на стол), ср. в калмыцком - стол дер дегтр төвх.

Подобные ошибки зафиксированы нами в речи представителей и старшего, и среднего, и молодого поколений калмыков с разной степенью образования. Эти отклонения от норм русского языка также мотивируются трансференцией норм семантико-грамматической сочетаемости родного языка. В калмыцком языке есть словосочетание - цэ чанх (буквально - чай варить, не кипятить, подобно мах чанх - мясо варить, бодниц чанх - картофель варить и т.д.), хотя есть и вариант глагольного словосочетания - цэ буслһах (кипятить чай), үс буслһах (кипятить молоко), үс буслһах (кипятить воду), но здесь уже не в значении "приготовить пищу - чай", а в буквальном смысле процесса кипячения. Кроме того, в калмыцком языке нет дифференци-

ации понятия "положить, поставить что-либо" относительно неодушевленных предметов. Только одушевленные существительные обслуживаются глаголом "кевтулх" (положить) - гемте ку орн дер кевтулх (положить больного на кровать), и лишь в специальных случаях - при передаче оттенков характера размещения неодушевленного предмета - употребляется этот глагол "кевтулх" в составной форме типа "кевтулад тэвх". Например: Көвүд, тер харһаг өвсн дер кевтулад тэвчктн - положить доску на сено. (типа "положить плащ").

Все еще часты случаи отклонений от норм построения синтаксических единиц в письменной форме русской речи калмыков-билингвов. Это наблюдается и в сочинениях школьников, и в письменных работах студентов, и в текстах периодической печати (в республиканских газетах "Советская Калмыкия", "Комсомолец Калмыкии", в районных газетах "Заветы Ильича", "Путь к коммунизму", "Искра"), а также и в текстах деловых бумаг и т.д. Например, из ученического сочинения: - "Мой папа, когда приехал с Элисты, стал директор нашего совхоза (вместо директором)", из студенческой работы - "Через год я буду студент второго курса (вместо студентом)", из текста газеты "Путь к коммунизму": - "В своем совхозе... он был передовой чабан (вместо передовым чабаном),... а его брат был чемпион района в прошлом году (вместо чемпионом)". Подобные ошибки допускаются вследствие того, что в отличие от русского языка в калмыцком языке именная часть составного именного сказуемого стоит только в именительном (нерэдгч) падеже.

Широко распространены ошибки, касающиеся нормативности порядка слов, что наблюдается и в словосочетаниях и в предложениях. Например: смородину собирать в лесополосе, книги в библиотеку сдать, студентов третьего курса на сакман отправить - подобные словосочетания построены билингвом по аналогии порядка слов, характерного для калмыцкого языка. Ср., например: гуйр элдх (буквально - тесто месить), теегэр арһс цуглулх (по степи кизяк собирать) и т.д.

Отсутствие предлогов в калмыцком языке (хотя их функции выполняются послелогом и падежными окончаниями), влияние местного русского говора также привносят определенные "помехи" в русскую речь калмыков. Отсюда случаи неуместного употребления того или иного предлога, избыточности или вовсе отсутствия его при семантико-грамматической обязательности. Ср.: "Отец Башанту уехал (вместо в Башанту). На эту точку приехали студенты с Элисты (вме-

сто студенты приехали из Элисты).

Значительно реже нормативные отклонения встречаются в художественных произведениях писателей калмыков-билингвов. По всей вероятности, нормативность русской речи здесь связана с профессионализмом мастеров слова, со степенью образовательного, культурного уровня и т.д.

Все это позволило избрать произведения художественной литературы и лучшие образцы публицистики, написанные на русском языке, для исследования общетеоретического вопроса, вопроса обязательной и факультативной сочетаемости синтаксических единиц. Эта проблема является одной из актуальных для билингвов: при построении правильных синтаксических конструкций в неродной речи важно иметь представление о законах сочетаемости слов в данном языке, о формах и свойствах связи слов, об общих закономерностях и конкретных проявлениях семантической валентности слов и словоформ, о критериях разграничения их обязательной и факультативной сочетаемости.

Дифференциация синтаксических единиц по признаку обязательности/факультативности компонентов представляет одну из самых сложных, трудных сторон анализа. На это неоднократно указывали многие исследователи синтаксиса /4/.

В связи с разграничением синтаксиса словосочетания и синтаксиса предложения становится правомерным рассмотрение вопроса о факультативности и обязательности компонентов синтаксических единиц с учетом этого разделения. Для словосочетания обязательность и факультативность его компонентов учитывается по одним признакам и распространяется в основном на зависимые компоненты, а для предложения такое разграничение проводится (исходя из собственно предложенческих особенностей прежде всего) с учетом структурного и коммуникативного аспектов и охватывает как главные его члены, так и второстепенные.

Понятие обязательности/факультативности компонентов синтаксических единиц теснейшим образом связано с понятием реализации семантической валентности слова с понятием семантического ядра значения слова, с понятием сложности структуры значения слова, что, в свою очередь, связано с понятием сочетаемости, с понятием интенции слова. Действительно, большинство лингвистов соотносят факт понятия валентности слова с понятием его сочетаемости, то есть определяют понятие реализации валентности слова через факт

его сочетаемости.

В советском языкознании давно уже поставлена проблема сочетаемости слов в составе синтаксических единиц. Так, С.Д. Кацнельсон отмечает, что все слова обладают синтаксической валентностью, понимаемой им как свойство "определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами" /5/. В словосочетании слова соединяются с учетом их способности сочетаться синтаксически и семантически. В качестве основных условий семантической сочетаемости выступает совместимость значений сочетающихся компонентов и определенный набор словоформ, необходимых для реализации значения господствующего слова. Таким образом, семантическая сочетаемость глагола связана с реализацией его "правых валентностей" /6/. Для характеристики "словосочетательных" возможностей глагола с тем или иным значением следует определить комплекс реализаторов его правых валентностей, что равносильно установлению формулы, схемы его семантической сочетаемости /7/. Однозначные глаголы и многозначные глаголы, реализующие определенное значение с помощью обязательных словоформ, могут быть разделены на одновалентные и мновалентные. Формулой сочетаемости валентных глаголов предопределено употребление при них одной или нескольких зависимых словоформ.

В синтаксической литературе получила широкое признание точка зрения, согласно которой обязательными распространителями глагола считаются словоформы, которые обеспечивают смысловую завершенность, достаточность и, следовательно, структурную законченность изолированно взятого высказывания, в котором он употреблен. Те же элементы синтаксического ряда, которые хотя и могут быть отнесены к глаголу, но не являются необходимыми для завершенности высказывания, квалифицируются как факультативные. Применительно к связям зависимых падежных форм существительного эти понятия по существу отождествляются с понятиями сильного и слабого управления /8/.

Обязательные именные распространители отличаются довольно высокой частотностью употребления при глаголе. Второй обязательный распространитель, например, при переходном глаголе в полном предложении употребляется примерно в восьми-девяти примерах из каждых десяти. Что касается необязательных распространителей, то они не характеризуются тенденцией к употреблению с какими-то оп-

ределенными глаголами. Не случайно как раз такого типа именные распространители предложения больше всего вызывают споров относительно того, считать или не считать их зависимыми компонентами словосочетания. Так, относя такие словоформы к разряду слабоуправляемых дополнений, О.Б. Сиротина отмечает, что их "более свободное расположение в сравнении с сильноуправляемыми по отношению к глаголу связано с тем, что они не образуют с глаголами словосочетаний и потому легче поддаются действию коммуникативной обусловленности" /9/. Действительно, употребление подобных распространителей при глаголе имеет коммуникативно-обусловленный характер, поэтому нет никаких оснований для того, чтобы считать их употребление заданным семантическими свойствами глагола. Но так как те именные словоформы, которые оказываются в высказывании в постпозиции к глагольному члену предложения, испытывают значительное тяготение к нему, то можно присоединяемые таким образом к глаголу (в нашем случае к глагольному словосочетанию в целом) формы косвенных падежей отнести к свободно присоединяемым факультативным распространителям, которые в соответствии с коммуникативным заданием уточняют или определенным образом конкретизируют понятие, выражаемое глаголом или глагольным словосочетанием. Такое объединение словоформ распадается так же свободно, как и формируется. Оказавшись разобленными, факультативная словоформа и невалентный по отношению к ней глагол функционируют в предложении автономно. Ср.: а) "Больной выпил лекарство под утро", "Под утро выпил лекарство больной", б) "Под утро больной выпил лекарство", "Выпил лекарство больной под утро". Во втором случае (б) предложная форма уже выступает как самостоятельный распространитель, поясняющий не глагольное словосочетание в целом (см. примеры "а"), а всю остальную часть высказывания как целое /10/.

Валентные же глаголы не теряют связи со своими распространителями независимо от их размещения в предложении, поэтому отношения между ними обнаруживаются без труда. Процесс общения предполагает знание схемы сочетаемости валентных глаголов. Этой схемой бывают заданы не только формы, но и типовые, наиболее общие значения распространителей глагола. Так, глагол "колотить" для реализации отдельных значений, которые можно объединить общей схемой "физическое воздействие на предмет", требует: а) винительного падежа без предлога либо дательного с предлогом по, или винительного с предлогом во: по чему, во что (объект воздействия); б) тво-

рительного без предлога (орудие воздействия). В формулах сочетаемости глагола, реализующего значение: "колотить кого(что)-либо чем-либо", "колотить во что-либо чем-либо", "колотить кого-либо по чему-либо", "колотить по чему-либо чем-либо" - все распространители представлены. В словосочетании словоформа со значением орудия воздействия может отсутствовать. Обычно это бывает, когда в качестве субъекта действия выступает лицо, не применяющее другого орудия воздействия, кроме рук (значения "наносить побои", "бить" - колотить человека, колотить посуду). Предложение с таким неполным словосочетанием не испытывает семантической ущербности, так как в нем имплицитно представлен, то есть подразумевается, и орудийный распространитель. Иногда заданные, но не выраженные, подразумеваемые распространители тоже называют факультативными /II/. Видимо, эти распространители как зависимые формулы сочетаемости глагола следует считать обязательными. А вот степень обязательности их употребления в речи невысокая. Она зависит от коммуникативного задания: если говорящему нужно подчеркнуть значимость или необычность используемого орудия. Проводя, с одной стороны, разграничение обязательных и факультативных распространителей и дифференциацию обязательных распространителей на обязательно выражаемые и подразумеваемые, с другой стороны, мы получаем более точные ориентиры для выделения в составе высказывания семантико-синтаксических типов словосочетания.

Среди валентных глаголов переходные глаголы занимают особое место. Так как каждый из них обладает обязательной валентностью, для которой необходим объектный реализатор, то возможностей распространения несколькими словоформами у них больше, чем у непеходных глаголов. Как показали наблюдения, очень большая группа переходных глаголов характеризуется тем, что сочетается в соответствии с формулой семантической валентности, обусловленной тем или иным определенным значением глагола, с двумя, реже - тремя именными распространителями-формами косвенных падежей (с предлогом или без предлога). Эти формы имени присоединяются к глаголу посредством управления, которое в данной работе понимается как подчинительная связь, в основе которой лежит предопределенная семантическая и грамматическая зависимость формы косвенного падежа имени от другого слова. Исходя из такого, узкого, понимания управления и учитывая особенности плана словосочетания, за основу разграничения сильного и слабого управлений в словосочетаниях

принимая стабильность—нестабильность формы предопределенного зависимого компонента словосочетания. Связь слабого управления между стержневым и зависимым компонентами наблюдается в том случае, когда зависимое имя может выступать в одной из ряда возможных падежных форм (с предлогом или без предлога) /12/.

При таком подходе к определению этих разновидностей управления появляется возможность для более строгого разграничения не только управляемых и неуправляемых форм косвенных падежей, но и самих управляемых словоформ. Принимаемое в нашей работе понимание силы управления связано не с предопределенностью употребления формы косвенного падежа, а с большими или меньшими ограничениями в ее выборе: при максимуме ограничений глагол выбирает строго определенную словоформу (исключая случаи вариантности), при минимуме ограничений — глагол не может обойтись без распространителя, но не допускает возможность выбора из ряда "функционально тождественных словоформ", по терминологии А.М. Мухина /13/. См. примеры словосочетаний, образованных переходными глаголами: "подарить книгу сестре", "зачерпнуть воду ковшем", где имеется двойное сильное управление, и словосочетания: нести чемодан (к другу, в комнату и т.п.), поставить чемодан (на полку, к стенке и т.д.), где первый компонент сильноуправляемый, а компоненты в скобках слабоуправляемые, то есть имеет место комбинация сильного и слабого управлений.

Итак, ключ к решению этого вопроса, на наш взгляд, содержится в глубоких и метких замечаниях Л.В. Щербы о "языке как системе" и "речи". Он пишет, что в "язык как ситему" входят "слова", типовые способы создания новых слов, а также схемы или правила построения различных языковых единств — все это, конечно, социальное, а не индивидуальное... К речи же... относятся... все процессы говорения и понимания, разыгрывающиеся в индивидууме" /14/. В этом положении кроется ответ на вопрос о факультативных и обязательных компонентах синтаксических единиц, следовательно, носителям языка известны не только слова, но и модели их обязательной и факультативной сочетаемости. Этот механизм и включается всякий раз при "говорении", то есть при использовании слов в речи. Недостаточное владение таким механизмом неродной речи и приводит часто к ошибкам в построении синтаксических единиц в русской речи калмыков.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 26-35.
2. Житецкий И.А. *Астраханские калмыки*. - Астрахань: Б.и., 1892, с. 3.
3. *Национальный состав и языки народов Калмыцкой АССР*. - Элиста, 1984. - 12 с.
4. Почепцов Г.Г. Об обязательном и факультативном окружении. - *Вопр. языкознания*, 1968, № 1, с. 20-27; Скобликова Е.С. *Согласование и управление в русском языке*. - М.: Просвещение, 1971. - 237 с.
5. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории. - *Вестник ЛГУ, серия истории языка и литературы*, 1948, вып. 2, с. 132.
6. Засорина Л.Н., Берков В.П. Понятие валентности в языке. - Там же, 1961, вып. 2, № 8, с. 11-22.
7. Малащенко В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. - Ростов н/Д: РГУ, 1972, с. 21.
8. Адмони В.Г. Завершенность конструкций как явление грамматической формы. - *Вопр. языкознания*, 1958, № 1, с. 9-17; Иванчикова Е.Д. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе. - *Вопр. языкознания*, 1965, № 5, с. 9-17.
9. Сиротинина О.Б. *Русская разговорная речь*. - М.: Просвещение, 1983. - 80 с.
10. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. - *Вопр. языкознания*, 1964, № 6, с. 12-24.
11. Малащенко В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1974, с. 9.
12. Буланин Л.Л. Об управлении в русском языке. - *Уч. зап. Тартусского ун-та*, 1975, вып. 375, с. 5-14.
13. Мухин А.М. Парадигматический и синтагматический аспекты в трактовке падежных форм как синтаксических элементов. - *Филологические науки*, 1964, № 4, с. 14-21.
14. Цит. по: *Хрестоматия по истории языкознания 19-20 вв./ Сост. В.А. Звегинцев*. - М.: Учпедгиз, 1956, с. 265.

СОДЕРЖАНИЕ

✓ ДАМБИНОВА В.Д. (Элиста) Социолингвистический аспект калмыцко-русского двуязычия	3
САНДЖИ-ГАРЯЕВА З.С., РОМАНЕНКО А.П. (Элиста) Проблемы культуры газетной речи (на материале республиканских газет на русском языке)	6
ОЧИРОВА Н.У. (Элиста) Русские морфемы и их эквиваленты в калмыцком языке	18
МОРОЗОВА-ДОРОФЕЕВА Т.А. (Саратов) Особенности произношения сочетаний согласных на стыке морфем в русской речи узбеков	24
ГУРБАНОВ Г. (Саратов) Фонетическая интерференция в русской речи азербайджанцев (произношение твердых и мягких согласных)	28
КЕРИМОВ Э. (Саратов) Основные способы выражения побудительного значения в русском и азербайджанском языках	32
ТОБУРОКОВА В.М. (Якутск) Устная речь якутов (на материале устной речи медицинских работников)	37
КОЛГАНОВА А.Т. (Элиста) Особенности лексики смешанных русско-украинских говоров Калмыкии	43
ЛАВРОВА Л.В. (Саратов) Взаимодействие лексических систем двух говоров близкородственных языков	50
КОЛОДЬКО В.И., МАНДЖИЕВА К.У. (Элиста) Изучение фонетики английского языка в условиях калмыцко-русского билингвизма	56
СТЕРНИН И.А. (Воронеж) Структура лексического значения в условиях билингвизма (опыт экспериментального исследования)	65
ЗАГОРОВСКАЯ О.В. (Сыктывкар) Эмоционально-оценочная лексика в условиях учебного билингвизма	74
✓ ВОЙЛОШНИКОВА В.Э. (Ростов-на-Дону) Изучение лингвистических терминов в условиях двуязычия	83
РОММ К.П. (Воронеж) Отыменные предлоги в русском и английском газетно-публицистическом стиле	91
✓ ШЕВНИН А.Б. (Элиста) Билингвистический анализ логико-грамматической полисемии постсказуемых второстепенных членов (в стиле научной и технической литературы)	99
ЦВЕТОВА И.П. (Ленинград) Принципы синтаксического функционирования подклассов существительных в диахронии	109
ФОМИНА З.Е. (Воронеж) Эмоционально-оценочный компонент в семантике глагола (на материале русского и немецкого языков)	116
✓ ЧЕРВИНСКИЙ П.П. (Ростов-на-Дону) Контрастивное обучение русскому произношению в условиях двуязычия	121
✓ КУТУЛЬТИНОВА Н.С. (Элиста) Произношение твердых и мягких согласных в русской речи калмыков-билингвов	131
МИКИТЕНКО Е.И., СЕРЕБРЯКОВА С.В. (Элиста) Фразеологическая эквивалентность в аспекте перевода	134

МИТРОФАНОВА В.В. (Саратов) Греко-латинские интернационализмы в архитектурной терминологии (на материале языков народов СССР)	142
ВАСИЛЬЕВА Н.С. (Саратов) Стереотипные разговорные формулы русского и английского языков и проблемы их изучения	147
ОРЛОВА Р.О. (Элиста) О сочетаемости компонентов синтаксических единиц в условиях двуязычия	153

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редакторы Л.А. Горелова, Л.М. Рубеко
Технический редактор Н.С. Шарапова

Темплан 1985 г., поз. 879.

Подписано в печать 05.08.85. К-00340. Формат 60x84
 Бумага тип. № 1. Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,53.
 Уч.-изд.л. 9,0. Тираж 350 экз. Заказ 2060. Цена

Калмыцкий государственный университет. 358000, Элиста, ул. Пушкина, II.

Республиканская типография Государственного комитета Калмыцкой АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 358000, Элиста, ул. Ленина, 245.

